Библиотека
Владимира МЕДИНСКОГО

ГОСУДАРИ ВСЕЯ РУСИ:
ИВАН III
ВАСИЛИЙ III

Первые публикации иностранцев о Русском государстве

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

К концу XV века западные авторы посвятили Русскому государству полтора десятка сочинений. По меркам того времени, немало, но сведения в них содержались скудные и зачастую вымышленные. Именно тогда возникли «черные мифы» о России: о беспросветном пьянстве, лени и варварстве.

Какие еще мифы придумали иностранцы о Русском государстве периода правления Ивана III Васильевича и Василия III? Где авторы в своих творениях допустили случайные ошибки, а где сознательную ложь? Вся «правда» о нашей стране второй половины XV века.

- Государи всея Руси: Иван III и Василий III
  - ○
  - ○ Вступление
  - ○ Часть первая
    - ■ Мединский Владимир
    - ■ Контарини Амброджо
    - ■ Перкамот Георгий
    - ■ Гильбер де Ланноа
  - ○ Часть вторая
    - ■ Мединский Владимир
    - ■ Мединский Владимир
    - ■ Франческо Да Колло
    - ■ Кампензе Альберт
      - ■ Глава I
      - ■ Глава II
      - ■ Глава III
      - ■ Глава IV
      - ■ Глава V
      - ■ Глава VI
      - ■ Глава VII
    - ■ Фабри Иоганн
    - ■ Иовий Павел
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7

- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51

- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95

- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139

- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183

- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227

- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271

- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315

- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356

Государи всея Руси: Иван III и Василий III
Первые публикации иностранцев о Русском государстве

© Мединский В. Р., 2017
© Чертопруд С.В. ред. – составитель, 2017
© Коллектив авторов, 2017
© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Вступление

В конце XV века начался «бум» на сочинения иностранцев о России. Тогда их было написано не менее полутора десятков. По тем временам немало. И тогда же западные авторы начали сочинять многочисленные мифы о нашей стране. Например, именно тогда появился миф «о вечно пьяной России».

Посетивший Москву в 1476 году дипломат Венецианской республики Амвросий Контарини так написал о жителях Московии:

«Они величайшие пьяницы и весьма этим похваляются, презирая непьющих. У них нет никаких вин, но они употребляют напиток из меда, который они приготовляют с листьями хмеля. Этот напиток вовсе не плох, особенно если он старый. Однако их государь не допускает, чтобы каждый мог свободно его приготовлять, потому что если бы они пользовались подобной свободой, то ежедневно были бы пьяны и убивали бы друг друга, как звери.

Их жизнь протекает следующим образом: утром они стоят на базарах примерно до полудня, потом отправляются в таверны есть и пить; после этого времени уже невозможно привлечь их к какому-либо делу».

Хотя, по мнению западных мифотворцев, были и другие «грехи» у московитян. Цитата из письма Альберта Кампензе к Его Святейшеству Папе Клименту VII «о делах Московии», которое было написано в 1523 или 1524 году:

«Никто из московитян не смеет в чем-либо противоречить воле государя, и сей последний властен даже переводить их с места на место и назначать им жительство по своему усмотрению. Мужчины вообще рослы, сильны и привычны ко всем трудам и переменам воздушным, но очень склонны к пьянству. Эта народная слабость принудила государя их запретить навсегда, под опасением строжайшего взыскания, употребление вина, пива и другого рода хмельных напитков, исключая одних только праздничных дней. Повеление сие, несмотря на всю тягость оного, исполняется московитянами, как и все прочие, с необычайною покорностью».

Правда, сам Алберт Кампензе не был в России, но составил свое повествование о ней из сведений, сообщенных ему отцом его и братом, которые проживали долгое время в Москве и, по уверению автора, хорошо ознакомились с нравами, обычаями, языком и письменами московитян. Данное утверждение после знакомства с его произведением звучит весьма сомнительно.

Хотя больше всего мифов о Московии сознательно или непреднамеренно придумал Паоло Джовио (он же Павел Иовий Новокомский – епископ Ночерский, итальянский ученый-гуманист, придворный врач Римских пап, историк, биограф, географ, коллекционер). В частности, среди народов, что жили по соседству с Россией в начале XV века, были пигмеи, «которые в полном возрасте своем едва превышают нашего десятилетнего ребенка; они боязливы, щебечут, как птицы, и по строению тела, равно как и по свойствам своим, боле похожи на обезьян, нежели на обыкновенных людей».

Также он утверждает, что «в Новгороде (речь идет о Великом Новгороде – прим. ред.) царствует вечная зима и мрачная продолжительная ночь, потому что Арктический полюс возвышается там над горизонтом на шестьдесят четыре градуса; Москва же, находясь шестью градусами ближе к экватору, во время солнцестояния по причине коротких ночей подвержена чрезвычайному зною».

Еще один странный обычай, который был известен лишь Павлу Иовию. «Храмы у московитян в величайшем почтении, так что ни мужчины, ни женщины, вкусив приятности любви, не могут входить в церковь, не омывшись прежде в домашних банях. От сего часто случается, что множество лиц обоего пола во время Божественной службы стоят за церковными дверьми и, тем обнаруживая недавнее свое невоздержание, принуждены бывают подвергаться дерзким и колким насмешкам со стороны молодых людей».

Также он указал на низкий социальный статус женщин. «Жены и вообще женский пол не пользуются у московитян таким уважением, как у других народов; с ними обходятся не лучше, как с рабами. Люди высшего круга весьма тщательно наблюдают за поведением и скромностью своих жен. Они не могут являться на пиршествах, ни ходить в отдаленную церковь, ни даже без важного дела отлучаться из дома. Зато простонародных женщин всякому иностранцу весьма удобно склонить к тайному свиданию небольшими подарками; из сего должно заключить, что знатные люди мало дорожат их любовью».

Часть первая
Государь всея Руси Иван III Великий

Мединский Владимир
Иван III Грозный против вечно пьяной России

С конца XV века среди исторических источников о Русском государстве появляются сочинения иностранцев. Многие ученые считают сказания иностранцев живыми свидетельствами современников и полностью доверяют их сведениям о Московии. Так называлось Русское государство в их записках. Первым его употребил итальянский дипломат Амвросий (Амброджо) Контарини.

Контарини. «Путешествие в Персию»

«Город Московия расположен на небольшом холме; он весь деревянный – как замок, так и остальной город. Через него протекает река, называемая Моско. На одной стороне ее находится замок и часть города, на другой – остальная часть города. На реке много мостов, по которым переходят с одного берега на другой.

Это столица, т. е. место пребывания самого великого князя. Вокруг города большие леса, их ведь вообще очень много в стране. Край чрезвычайно богат всякими хлебными злаками. Когда я там жил, можно было получить более десяти наших стайев пшеницы за один дукат, а так же, соответственно, и другого зерна.

Русские продают огромное количество коровьего и свиного мяса; думаю, что за один маркет его можно получить более трех фунтов. Сотню кур отдают за дукат; за эту же цену – сорок уток, а гуси стоят по три маркета за каждого.

Продают очень много зайцев, но другой дичи мало. Я полагаю, что русские не умеют ее ловить. Торгуют также разными видами дикой птицы в большом количестве.

Вина в этих местах не делают. Нет также никаких плодов, бывают лишь огурцы, лесные орехи, дикие яблоки.

Страна эта отличается невероятными морозами, так что люди по девять месяцев в году подряд сидят в домах; однако зимой приходится запасать продовольствие

на лето: ввиду больших снегов люди делают себе сани, которые легко тащит одна лошадь, перевозя таким образом любые грузы. Летом же – ужасная грязь из-за таяния снегов, и к тому же крайне трудно ездить по громадным лесам, где невозможно проложить хорошие дороги. Поэтому большинство поступают именно так, т. е. пользуются зимней дорогой.

В конце октября река, протекающая через город, вся замерзает; на ней строят лавки для разных товаров, и там происходят все базары, а в городе тогда почти ничего не продается. Так делается потому, что место это считается менее холодным, чем всякое другое: оно окружено городом со стороны обоих берегов и защищено от ветра.

Ежедневно на льду реки находится громадное количество зерна, говядины, свинины, дров, сена и всяких других необходимых товаров. В течение всей зимы эти товары не иссякают…

На льду замерзшей реки устраивают конские бега и другие увеселения; случается, что при этом люди ломают себе шею».

Эти записки были опубликованы в 1487 году. К концу XV века западные авторы посвятили Русскому государству полтора десятка сочинений. По мерам того времени немало, но сведения в них содержались скудные. Все авторы отмечали сильные холода, красоту женщин и мужчин, большое количество ценных мехов.

Почему иностранцы вдруг начали писать о нашей стране? Представлю контекст, в котором создавались их писания. Во второй половине XV века в правление Ивана III для европейцев Россия наконец-то «вышла из сумрака теней», избавившись от Ордынского ига. Да и в самой Европе изменилась обстановка. Закончились феодальные войны, образовалось сразу несколько крупных национальных государств: Франция, Англия, Испания, Швеция. Усилились Польша и Ливонский орден. Тогда же начался натиск Оттоманской империи. Для Венгрии и Молдавии возникла угроза потери независимости, итальянские города-государства лишились торговых путей после захвата турками в 1453 году Константинополя. Опасность нависла и над их колониями в Крыму и в устье Дона. Правители Рима, Генуи, Венеции, Римской империи искали союзников для борьбы с нарастающей турецкой угрозой.

К середине XV века о великом княжестве Московском лучше всего были осведомлены в Италии. Митрополит Исидор ездил на

Флорентийский собор в 1439 году с обширной русской делегацией. А потом и вовсе бежал из России в Рим. Там уже бывший митрополит занял высокое место у престола Римского папы и, несомненно, сообщал много сведений папской курии о далекой стране и ее правителях.

В 1468 году у папы возник «русский проект»: выдать племянницу последнего византийского императора Константина Палеолога Зою (Софью) замуж за великого князя Московского Ивана III. Деньги для поездки Зои в Москву были выделены из казны, предназначенной для борьбы с турками.

Планируя привлечь Ивана III к антитурецкой лиге, в Ватикане считали русского великого князя сильным и самостоятельным правителем. На его заочную помолвку с Зоей в Риме были приглашены послы Венеции, Милана, Неаполя и Флоренции, что придало ей вид важного международного акта. Отправляя племянницу императора в далекую Московию, Римский папа полагал, что Зоя будет счастлива в браке с «добрым христианином», не принимавшим митрополитов от находившегося под властью Турции Константинопольского патриарха.

После замужества Зои, получившей на Руси новое имя Софья, в ноябре 1472 года начались активные контакты с Италией. Исследователи обнаружили в архивах сведения о пяти русских посольствах.

В 1488 году Венецию посетили родственники Софьи Дмитрий и Мануил Ралевы. На заседании Сената они рассказали о взятии в 1487 году войсками Ивана III Казани. Для Русского государства это была очень важная победа. Для венецианских купцов она обещала более безопасный торговый путь на Восток…

Читателя еще не утомили хитросплетения европейской политики 530-летней давности? Тогда самое время представить еще одну сторону, формировавшую восприятие Русского государства Западом. Визит в Италию представительного русского посольства очень обеспокоил Польского короля Казимира. Он даже сделал запрос в Ватикан, чтобы узнать о его цели. Казимир опасался, что родственники Софьи добьются в Ватикане королевского титула для Ивана III, и это поставит московского правителя на один ранг с ним.

Контарини. «Путешествие в Персию»

«Князь, насколько я понял, владеет большой страной

и мог бы иметь достаточно людей для войска, но множество среди них – бесполезный народ. В северо-западном направлении страна эта граничит с Германией, принадлежащей Польскому королю.

Говорят, что существует некий народ язычников, не имеющий никакого правителя; однако, когда им взбредет в голову, они подчиняются русскому великому князю. Рассказывают, что некоторые из них поклоняются первой попавшейся вещи, а другие приносят в жертву какое-нибудь животное у подножия дерева, которому и поклоняются. Рассказывают еще о многом, но я помолчу об этом, так как ничего этого не видел и так как мне все это не кажется заслуживающим доверия.

Упомянутому государю от роду лет 35; он высок, но худощав; вообще он очень красивый человек. У него есть два брата и мать, которая еще жива; есть у него и сын от первой жены, но он в немилости у отца, так как нехорошо ведет себя с деспиной; кроме того, у него есть две дочери; говорят, что деспина беременна.

Я мог бы продолжить свой рассказ, но он был бы слишком длинен, если говорить обо всем».

Ну, а русские послы возвращались домой не с пустыми руками. Они вербовали итальянских мастеров, архитекторов, инженеров. В 1499 году Д. Ралев с М.Ф. Карачаровым посетили Рим, Венецию и Неаполь и в итоге навербовали столько специалистов, что их повозки с женами и детьми составили целый караван. Правда, добираться до России им пришлось несколько лет. Сначала итальянцев пытался задержать у себя молдавский государь Стефан Великий, потом они попали к крымскому хану Менгли-Гирею, который в то время был союзником Ивана III. Он согласился отпустить итальянцев только за большой выкуп – 200 тысяч рублей. Факты говорят о том, что даже дружески настроенные страны не желали усиления России, чиня препятствия контактам с европейцами.

Тогда же в Италии появляются первые письменные сведения о Московии. Они включались в сборники с записками путешественников и неоднократно публиковались. Так выглядел канал ВГТРК «Моя планета» 550 лет назад. С этими сочинениями могли ознакомиться рядовые образованные читатели.

Контарини. «Путешествие в Персию»

«Русские очень красивы, как мужчины, так и женщины, но вообще это народ грубый.

У них есть свой папа как глава церкви их толка, нашего же они не признают и считают, что мы вовсе погибшие люди.

Они величайшие пьяницы и весьма этим похваляются, презирая непьющих. У них нет никаких вин, но они употребляют напиток из меда, который они приготовляют с листьями хмеля. Этот напиток вовсе не плох, особенно если он старый. Однако их государь не допускает, чтобы каждый мог свободно его приготовлять, потому что если бы они пользовались подобной свободой, то ежедневно были бы пьяны и убивали бы друг друга, как звери.

Их жизнь протекает следующим образом: утром они стоят на базарах примерно до полудня, потом отправляются в таверны есть и пить; после этого времени уже невозможно привлечь их к какому-либо делу.

В город в течение всей зимы собирается множество купцов как из Германии, так и из Польши. Они покупают исключительно меха – соболей, лисиц, горностаев, белок и иногда рысей. И хотя эти меха добываются за много дней пути от города Московии, больше в областях на северо-востоке, на севере и даже, быть может, на северо-западе, однако все съезжаются в это место, и купцы покупают меха именно здесь. Меха скопляются в большом количестве также в городе, называемом Новгород, земля которого граничит почти что с Фландрией и с Верхней Германией; от Московии Новгород отстоит на восемь дней пути. Этот город управляется как коммуна, но подчинен здешнему великому князю и платит ему дань ежегодно».

Первыми в январе 1487 года в Венеции были опубликованы записки А. Контарини. В 1541 году в сборник вошел во многом повторяющий их труд И. Барбаро. В 1543, 1545 и 1559 годах эта подборка была перепечатана. В 1606 году оба сочинения с произведениями других итальянских путешественников вошли в состав еще более внушительного сборника.

При знакомстве с текстами Барбаро и Контарини выясняется, что при общей симпатии к нашей стране в них содержится один отрицательный момент – обвинение русских в чрезмерном употреблении спиртных напитков. Так было положено начало «черного мифа» о русском пьянстве. С него, как когда-то в

«Мифах о России», и начнем: насколько объективны были итальянцы в оценке нравов русских людей в конце XV века? Для этого придется ответить на вопросы: кем были оба автора, при каких обстоятельствах знакомились с Россией и для чего написали свои труды?

Барбаро

Иосафат Барбаро принадлежал к одной из знатных венецианских фамилий. Хотя он не входил в число 12 самых сановитых граждан республики, в его роду были дипломаты, военачальники, служители церкви и даже известные ученые, занимавшиеся переводом сочинений Плутарха, Аристотеля, Плиния.

В 1431 году его мать, вдова Франческа, привела сына во дворец дожей для включения в число лиц, допускаемых до выборов в члены Большого Совета Венецианской республики. Обычно их было не более 30 – граждан из лучших фамилий города и достигших 18 лет. Подсчеты показывают, что И. Барбаро должен был родиться в 1413 году. В 1434 году он женился на девушке из знатной фамилии Дуодо.

По каким-то причинам Барбаро не удалось стать членом Совета, и в 1436 году он отправился в Тану – так итальянцы называли Азов в устье Дона. В это время город был генуэзской колонией, привлекая купцов со всей Европы (пряности, шелк, скакуны, меха). В нем Барбаро пробыл 16 лет – торговал рыбой и икрой. Еще он интересовался драгоценными камнями.

На территорию Русского государства Барбаро попал во время обратного путешествия в Венецию. Это было в 1452 году перед самым нападением турок на Константинополь.

Вернувшись на родину около 1453 года, Барбаро стал профессиональным дипломатом. В 1471 году его послали в Персию ко двору шаха Узун-Гассана с особо ответственным поручением – побуждать персидского правителя к военным действиям против турок. Шах искренне привязался к венецианскому купцу и не желал с ним расставаться. На родину Барбаро смог вернуться лишь после его смерти в январе 1478 года и заключения Венецианской республикой мира с турецким султаном.

Записки о путешествиях Иосафат написал в конце жизни, поскольку в них он упомянул не только опубликованный в 1487 году труд А. Контарини, но и последние события, вроде взятия Казани Иваном III. Судя по этим запискам, он был смелым

человеком, легко переносившим трудности и опасности, умевшим в новом и необычном находить преимущественно положительные стороны, уважительно относиться ко всем людям, независимо от их этнической принадлежности, чтить местные обычаи и порядки.

Умер И. Барбаро в глубокой старости в 1494 году, оставив все свое имущество старшему сыну, жене и трем дочерям.

Барбаро. «Путешествие в Тану»

«Эдиль – многоводная и необычайно широкая река; она впадает в Бакинское море[1], которое находится на расстоянии около двадцати пяти миль от Астрахани. В реке, как и в море, неисчислимое количество рыбы; в море добывается много соли.

Вверх по течению этой реки можно почти доплыть до Москвы, главного (?) города в России: останется лишь три дня пути. Ежегодно люди из Москвы плывут на своих судах в Астрахань за солью.

На реке Эдиль много островов и лесов; некоторые острова имеют в окружности до тридцати миль. В лесах попадаются такие липы, что из одного выдолбленного ствола делают лодки, вмещающие восемь-десять лошадей и столько же людей.

Если плыть по этой реке и направляться на северо-восток и на восток, следуя пути в Москву, то в продолжение пятнадцати дней вдоль берегов будут встречаться бесчисленные племена Тартарии. Направляясь к северо-востоку, достигают пределов России; здесь находится городок, называемый Рязань. Он принадлежит родственнику русского великого князя Иоанна. Все население – христиане, по греческому обряду.

Страна обильна хлебом, мясом, медом и другими полезными вещами. Приготовляют „бузу“, что значит пиво. Повсюду много лесов и деревень. Немного дальше находится город по названию Коломна. Оба города имеют деревянные укрепления; также и дома все деревянные, потому что в этих местах нет достаточно камня.

В трех днях пути протекает превосходная река Москва, на которой расположен город, называемый Москвой, где живет русский великий князь Иоанн. Река проходит посредине города и имеет несколько мостов. Замок стоит на холме и вместе с городом со всех сторон

окружен лесом. Изобилие хлеба и мяса в этом месте можно представить себе по тому, как продают мясо: его дают не на вес, а просто на глаз, причем не менее четырех фунтов за один маркет. На один дукат получают семьдесят кур, а один гусь стоит три маркета.»

«Путешествие в Тану» в большей своей части посвящено описанию территории между Черным и Каспийским морями и народам, жившим на ней. Главное внимание автор не без симпатии уделяет обычаям, образу жизни и занятиям татар. Их он порицает лишь за склонность к чрезмерному употреблению вина, замечая, что сами кочевники не изготавливали спиртные напитки – их они в изобилии приобретали в Тане у итальянцев. Отметим, что данная информация не стала основой для «черного мифа» о склонности татар к пьянству. Ее европейцы не заметили.

При описании Москвы, в которой в замке на холме живет великий князь Иоанн (во время визита Барбаро в Москву в 1452 году великим князем был Василий II Темный), ему понравилась небывалая для европейца дешевизна на все продовольствие.

Барбаро. «Путешествие в Тану»

«Мороз там настолько силен, что замерзает река. Зимой на лед свозят свиней, быков и другую скотину в виде ободранных от шкуры туш. Твердых, как камень, их ставят на ноги и в таком количестве, что если кто-нибудь пожелал бы купить за один день двести туш, он вполне мог бы получить их. Если предварительно не положить их в печь, их невозможно разрубить, потому что они тверды, как мрамор.

Фруктов там нет, за исключением кое-каких яблок и волошских и лесных орехов.

Когда там намереваются ехать из одного места в другое – особенно же если предстоит длинный путь, – то едут зимним временем, потому что все кругом замерзает и ехать хорошо, если бы только не стужа. И тогда с величайшей легкостью перевозят все, что требуется, на санях. Сани служат там подобно тому, как нам служат повозки, и на местном говоре называются „дровни“ или „возы“. Летом там не отваживаются ездить слишком далеко по причине величайшей грязи и огромнейшего количества слепней, которые прилетают из многочисленных и обширных тамошних лесов, в большей

своей части необитаемых.

Там нет винограда, но одни изготовляют вино из меда, другие варят брагу из проса. И в то и в другое кладут цветы хмеля, которые создают брожение; получается напиток, одуряющий и опьяняющий, как вино.

Нельзя обойти молчанием одного предусмотрительного действия упомянутого великого князя: видя, что люди там из-за пьянства бросают работу и многое другое, что было бы им самим полезно, он издал запрещение изготовлять брагу и мед и употреблять цветы хмеля в чем бы то ни было. Таким образом он обратил их к хорошей жизни.

Сейчас прошло, вероятно, лет двадцать пять с тех пор, как русские платили за плавание дань татарскому хану. В настоящее время они подчинили себе город, который называется Казань. На нашем языке это значит „котел“.»

Давно замечено большое сходство описания Барбаро с аналогичным текстом в записках Контарини. Правда, тот ничего не пишет о напитке из проса, который Барбаро называл бузой. По мнению Барбаро, в хмельные напитки русские люди добавляли цветки хмеля. Данная информация – верна. По утверждению Контарини, они использовали листья хмеля, но это не соответствовало действительности.

Составляя свои записки о поездках через много лет после них, Барбаро, очевидно, не стал полагаться только на память и воспользовался опубликованным сочинением Контарини. Но подкорректировал информацию согласно своим воспоминаниям. Наиболее четко его правка прослеживается в том, что касается склонности русских людей к пьянству. Исходя из его сведений, получается, что закон, изданный великим князем, запретил им бражничать и отлынивать от работы. В итоге они стали вести примерный образ жизни.

А у Контарини русские «употребляют напиток из меда», и если бы государь их не ограничивал, то «ежедневно были бы пьяны и убивали бы друг друга, как звери». К этому Контарини добавляет, что русские люди, хотя и красивы, но грубы. Работают только до обеда, после этого идут в харчевни есть и пить, и «уже невозможно привлечь их ни к какому делу». В русских источниках нет данных, что в Москве было много харчевен и в них местное население обедало. Напротив, известно, что на обед все разъезжались по домам и после него спали. Общий вывод Контарини о русских людях такой: «Во множестве они народ

бесполезный», а «местные обычаи неприемлемы для моей натуры».

Кто из двух итальянцев сообщил правдивые сведения? Кто исказил их – и, главное, почему?

Контарини

Об Амвросии Контарини известно, что он принадлежал к знаменитейшей венецианской фамилии, входившей в число 12 избранных родов. Имел наследственное рыцарство и право носить поверх одежды золотые знаки отличия. В числе его предков были 8 дожей, множество полководцев, ученых, дипломатов, художников и писателей. На общественной лестнице в Венеции он занимал положение существенно выше Барбаро.

Очевидно, он был профессиональным дипломатом. В 1473 году руководство Венецианской республики отправило его с ответственной миссией к персидскому шаху Узун-Гассану. Хотя в Персии в это время уже находился как представитель Венеции Барбаро, у Контарини была практически такая же задача: обещая много денег, склонить шаха к немедленному началу военных действий против турецкого султана. Контарини во время поездки к шаху получал 200 дукатов в месяц, Барбаро меньше – 150. За одно прибытие в Персию знатный дипломат должен был получить 1000 дукатов. Если бы ему удалось уговорить шаха, на родине ему заплатили бы 3000 дукатов[2].

В 1453 году турки уже захватили Константинополь, в 1471 году – Тану, поэтому Контарини пришлось добираться в Персию через Германию, Польшу, Литву, Крым, Мингрелию и Грузию. Путь его был далек и труден. Выехав из Венеции 23 февраля 1473 года, он вернулся на родину только 10 апреля 1477 года. В его записках много всевозможных сведений о местах, которые он проезжал, о встречах с правителями и простыми людьми. Большинство событий точно датировано.

Полное название его сочинения – «Путешествие Амвросия Контарини, посла светлейшей Венецианской республики, к знаменитому персидскому государю Узун-Гассану».

Понять, насколько можно доверять сведениям Контарини о Русском государстве, можно, только изучив весь текст.

При отъезде дипломат со спутниками надели длинное немецкое платье, в которое зашили большую часть денег. Про Германию он каких-либо интересных сведений не сообщил, больше внимания уделил Польше, заметив, что эта страна не

слишком богатая. Но прием у Польского короля ему понравился, поскольку кушанья были так же хороши, как в Италии.

Для итальянского аристократа критерием хорошего являлась схожесть с тем, что было на его родине. Видимо, поэтому свадьба в Луцке вызвала у него большое возмущение. Все жители города по случаю этого события были, по мнению посла, пьяными и буйными, и он даже опасался за свою жизнь. Но при этом он заметил, что лутчане пили не вино, а напиток из меда, который был хмельнее. Значит, сам попробовал мед и оценил его опьяняющие качества. Результат, видимо, ему не понравился.

Не приглянулся итальянцу и Киев. Там его поселили в плохой квартире, «как и все тамошние жилища». Обед у губернатора был обильным, но невкусным. Возмутил и образ жизни местных жителей: работали только до трех часов дня, потом шли в шинки, напивались и дрались (такой же образ жизни он приписал и москвичам, правда, не обвиняя их в драчливости).

И еще характерная черта Контарини. Решив отблагодарить киевского наместника за гостеприимство, он подарил ему одну из своих пяти лошадей. Невиданная щедрость для путешественника! Правда, дальше выясняется, что остальных лошадей за негодностью велено было просто бросить.

Путешествуя по территории, населенной татарами, Контарини называл их «проклятыми собаками, от которых так несет кобылятиной, что нельзя подойти», и утверждал, что между татарами и животными мало разницы. Для сравнения: Барбаро сам знал татарский язык, среди местных жителей носил имя Юсуф, а когда обнаружил в Венеции, что два его прежних знакомца-татарина оказались в плену у итальянцев, он их выкупил.

Еще более уничижительную характеристику Контарини, добравшись до Кавказа, дал мингрелам. По его утверждению, это «народ самый грубый и невежественный, у них глупые лица и странные ужимки». В их стране мало хлеба, много плохого вина, вся пища скверная. При этом женщины питаются хуже мужчин. «Их жизнь была бы самая жалкая, если бы им кое-что не привозили купцы».

Подарки правителя Мингрелии вызвали у Контарини лишь отвращение, поскольку они состояли из свиной головы, нескольких кусков недоваренной говядины и гнилого хлеба. Но все это ему пришлось съесть, поскольку другой еды не было.

Такое же отрицательное впечатление, как мингрелы, вызвали у Контарини грузины. Их он назвал столь же глупыми, как и их ближайших соседей. Обед у одного из местных вельмож итальянец описал так: на полу расстелили кожу с большим

количеством жира – его хватило бы на целый котел. На нее положили кусок хлеба, репу, мясо на грузинский вкус и «другую подобную дрянь. Вскоре хозяева сильно напились и попытались любым способом напоить и меня. С трудом мне удалось от них вырваться».

Не захотел венецианский дипломат оценить традиционное грузинское гостеприимство! Он крайне отрицательно относился к любым застольям и всегда сурово осуждал пьющих, не понимая, что у некоторых народов встречать гостей вином – национальный обычай.

Непонятное для грузин поведение Контарини привело к тому, что на следующий день к нему прибыли писцы от царя Баграта, которые стали описывать все его имущество, включая одежду. Затем итальянца отвезли к царю и поместили под стражу, где морили голодом и подвергали допросам. Дипломат шипел от злобы, возмущаясь «поступками этих тварей, которые, казалось, никогда не видывали людей». Грузию, где он натерпелся «столько страха и неприятностей», Контарини назвал «проклятой страной с ужасными горами и царем со злобным нравом». И мечтал лишь поскорее из нее уехать.

После пережитых на Кавказе неприятностей Персия показалась итальянцу гостеприимной. Красивые города, вкусные плоды, разнообразные кушанья, статные мужчины, хорошо одетые женщины, великолепные скакуны. Контарини подробно описал внешность шаха, его характер, его жен, приемы при дворе и сделал вывод: «Персия любит пышность». Но, как уже можно догадаться, не забыл итальянец указать и на отрицательную черту Узун-Гассана – «много ест и беспрерывно пьет вино». Заметил Контарини также склонность к преувеличению своего богатства и могущества: шах представлял свой двор более многочисленным, а свое войско – лучше вооруженным, чем это было на самом деле. Излишняя проницательность венецианца, видимо, не понравилась шаху, и он поспешил избавиться от него, отправив на родину (при этом не захотел расставаться с Барбаро).

Что ж, все люди разные, и венецианский аристократ Контарини, скорее всего, был малоприятен в общении. Его записки переполнены снобизмом, желчностью, неприязнью ко всему, не похожему на то, что окружало его на родине. Иное поведение, иные обычаи и кушанья он ненавидел.

Возмущало его и не слишком почтительное отношение окружающих к себе, любимому, – о знатности его рода слышали только в Италии. А как было догадаться? Вот при дворе шаха итальянский дипломат познакомился с русским послом Марком Руфо, в свите которого 300 человек на конях. Контарини же

сопровождали только 3 человека, которым постоянно приходилось искать средства передвижения и экономить буквально на всем.

Помня о бедствиях, которые пришлось пережить на пути в Персию, итальянский дипломат захотел преодолеть большую часть обратного пути вместе с Марком Руфо. Однако уберечься от несчастий не смог. В Золотой Орде татары решили продать Контарини в рабство. Требовалось заплатить большой выкуп, а денег у дипломата уже не было. Выручил его Марк, взявший в долг у знакомых купцов.

Только на территории Русского государства Контарини почувствовал себя в безопасности. Об этом он написал так: «12 сентября 1476 года вступили мы с благословением в землю русскую». И впервые за много дней смогли «спокойно отдохнуть, ибо по милости Божией нам уже нечего было опасаться». Въезд в Москву итальянский дипломат отметил такими словами: «Прибыли, наконец, в город Москву, славя и благодаря Бога, избавившего от стольких бед и напастей». Выделенная ему комната сначала показалась огромным дворцом в сравнении с прежними жилищами. Но потом итальянский аристократ решил, что она тесна и довольно плоха. Заметить это он, видимо, смог после того, как побывал в домах итальянцев и греков, находившихся на службе у великого князя. Но сам-то он царю не служил, не был и официальным лицом, оказавшись в России случайно. Прав на улучшенную жилплощадь у итальянца не было.

Контарини, изображавший очень знатную особу, вряд ли правильно понимал свое положение в Русском государстве. Он стал просить Марка как можно скорее устроить ему официальный прием во дворце Ивана III. Великий князь пошел навстречу и через несколько дней пригласил бродягу-посла к себе. Однако во время приема он сразу вспомнил о недавнем визите в Москву другого итальянца – Ивана Батиста Тревизана, который был послан с официальным визитом к хану Золотой Орды, но пытался это утаить. Русским он представился рядовым венецианским купцом. Обман выяснился, когда в столицу прибыла невеста Ивана III Софья Палеолог и узнала посла.

Исследователи до сих пор не могут понять, что толкнуло Тревизана вместе с его покровителем Иваном Фрязиным на ложь. Казалось, в ней не было смысла. Может, дело в подарках от Венецианской республики, которые дипломат должен был вручить великому князю, но, назвавшись купцом, оставил себе? После разбирательства был наказан только Иван Фрязин – его лишили имущества и отправили в ссылку. Тревизан же был снабжен деньгами из великокняжеской казны и в сопровождении

дьяка отправлен к правителю Золотой Орды Ахмату. Это было сделано, несмотря на то, что Ахмат считался злейшим врагом Ивана III.

«Дело Тревизана» произвело большое впечатление на современников, рассказ о нем помещен в нескольких летописях. Иван III, видимо, решил все выяснить и про миссию Контарини. Он отказался сразу отпустить его на родину, сославшись на занятость и необходимость поездки по своим владениям.

Вынужденная задержка раздосадовала итальянского дипломата, не имевшего дел в России. Да и денег для нормальной жизни в чужой стране не было, пришлось снова одалживаться у Марка Руфо. Попытка переехать в просторный дом архитектора Аристотеля Фьораванти закончилась неудачей. Великий князь приказал Контарини поселиться за пределами Кремля.

Все эти неприятности, как и в других местах, наложили отпечаток на описание итальянским дипломатом русской действительности. Понятно, к каким результатам это неизбежно вело при склочном характере Контарини и его неприятии всего нового и необычного. В его записках русские люди – «величайшие пьяницы» и «множество среди них – бесполезный народ».

И ведь именно эти характеристики русских людей стали повторятся потом в сочинениях других иностранцев, относившихся к России свысока, не умевших и не желавших уважать чужие обычаи, а то и просто стремившихся облить грязью чужую страну. Менгрелы и грузины никого особо не интересовали, персы были совсем далеко, татар же вообще никто не считал в их бескрайних степях. А вот к русским внимание было самое пристальное и не самое доброжелательное.

Между тем вернувшийся из поездки Иван III вплотную занялся делами Контарини. Он несколько раз принимал дипломата у себя во дворце, подарил ему соболью шубу и тысячу беличьих шкурок. Выяснив сумму его долга, повелел выдать из казны необходимые средства и разрешил нанести визит Софье Палеолог.

Одарив и обласкав Контарини, великий князь отправил его на родину. Но история любит иронию. Во время прощального обеда Иван III вручил гостю серебряную чашу с медом в знак особого уважения! Так и видится русский царь с полным кубком – и перекошенное лицо итальянского абстинента. Поняв, что Контарини не в состоянии осушить чашу, грозный государь Московии приказал вылить остатки напитка и отдал ее пустой в подарок.

При всей скверности своего характера Контарини все же

чувствовал себя в долгу перед Иваном III, поэтому дал ему самому исключительно положительное описание – «очень красивый человек». Оно стало хрестоматийным и используется всеми историками. Причина полного доверия к сведениям итальянца в том, что других описаний внешности русского государя в источниках просто нет. Есть лишь отдельные высказывания современников о великом князе. Например, дипломат И.Н. Берсень-Беклемишев утверждал, что Иван III любил «против себя стречю», т. е. ему нравилось, когда с ним спорили. В одной из летописей есть данные о том, что Ивана III называли Горбатым, видимо, из-за сутулости[3].

Прощаясь с Контарини, отметим, что не смог он забыть, как повсюду в Московии его встречали с редким гостеприимством. Эту особенность русских людей он был вынужден отметить. Но при этом подчеркнул, что всегда мечтал поскорее избавиться от местных обычаев, которые были ему «не по нутру».

Барбаро, опубликовавший свои записки позднее, конечно, заметил перебор с негативом в сочинении своего коллеги. И постарался что-то сгладить или исправить. Никаких данных в записках Барбаро нет о грубости или лени русских людей. И о татарах, которые вызывали ненависть и отвращение Контарини, он попытался сообщить исключительно положительные данные. Сгладил он и негативные сведения о кавказских народах.

Контарини же, будучи снобом и гордецом, всех остальных людей считал ниже себя, глупее и аморальнее. Между тем информация, сообщенная им на 40 лет раньше, повлияла на представление историков о русском народе в XV веке. Так, П. Пирлинг писал, что «русский народ, обложенный тяжелой данью, беззащитный от набегов татар, лишенный всяческого руководства и просвещения, жил в беспросветной темноте. В его нравах царила грубость первобытных времен».

Сочинением Контарини активно пользовался и такой уважаемый ученый, как А.А. Зимин. Он не только скопировал сведения о торговле на московских рынках, но и почему-то решил, что итальянский дипломат сообщил достоверные сведения о том, что в 1476 году между Иваном III и старшим сыном были напряженные отношения из-за Софьи Палеолог. При этом даже такой серьезный исследователь проигнорировал летописные данные о том, что в 1477 году между великим князем и старшим сыном были исключительно доверительные отношения, и он был оставлен «на государстве» во время похода отца на Новгород.

При знакомстве с текстами других сочинений иностранцев о Московии чувствуется «душок» Контарини. В письме Альберта

Кампензе Римскому папе Клименту VII о делах Московии фактически повторены данные Контарини о склонности русских людей к пьянству и указе великого князя Ивана III, запрещающем употребление спиртных напитков, за исключением праздничных дней.

Кампензе. «Письмо к Папе Клименту VII о делах Московии»

«Никто из московитян не смеет в чем-либо противоречить воле государя, и сей последний властен даже переводить их с места на место и назначать им жительство по своему усмотрению. Мужчины вообще рослы, сильны и привычны ко всем трудам и переменам воздушным, но очень склонны к пьянству. Эта народная слабость принудила государя их запретить навсегда, под опасением строжайшего взыскания, употребление вина, пива и другого рода хмельных напитков, исключая одних только праздничных дней. Повеление сие, несмотря на всю тягость оного, исполняется московитянами, как и все прочие, с необычайною покорностью».

Сам Кампензе никогда не бывал в России. Свое мнение он создал в ходе бесед с родственниками, жившими несколько лет в Москве, и при чтении сочинений других иностранцев, в том числе и Контарини. Ему доверяли и другие читатели его труда. В итоге европейцы до знакомства с нами уже представляли русских людей только как беспробудных пьяниц.

Может показаться удивительным, но этому посодействовал и человек, который добивался прямо противоположного – Перкамот. Вот уж действительно, заставь Перкамота богу молиться…

Перкамот

По национальности Георг Перкамот был грек, «рыцарь и дворянин, некогда ушедший из Константинополя». Это могло произойти после захвата города Турцией в 1453 году. Но он мог быть и в свите Софьи Палеолог, прибывшей в Москву в 1472 году.

Иван III принял Георга на службу и стал поручать ему дипломатические дела. В октябре 1485 года Перкамот в качестве русского посла был направлен в Милан с визитом к герцогу

Галеццо, который до этого посылал великому князю Ивану III в знак «прочной дружбы» несколько охотничьих соколов.

Перкамот прибыл в Милан в июне 1486 года с целью посетить герцога и передать ему «милостивые и полные любви слова от своего господина», «великолепнейшего и великодушнейшего государя по имени великий герцог Иоанн», а также грамоту, запечатанную покрытой золотом печатью. В качестве подарков посол привез 80 прекрасно выделанных шкурок соболей, несколько живых соболей и двух кречетов.

В герцогской канцелярии Перкамоту было задано много вопросов о России и Иване III. На все он дал обстоятельные ответы, которые были тщательно записаны.

По этим запискам можно судить о том, как представлял Русское государство иностранец, который поселился в нем и стал служить великому князю.

Перкамот отметил большие размеры страны и ее плотную заселенность. По его утверждению, деревни располагались так близко одна к другой, что их жители ходили к соседям за огнем. Все они были крещены и твердо соблюдали христианские обряды по греческому образцу. Языческим было только население на вновь присоединенных землях.

Несомненно, грек преувеличил плотность населения России: в то время сельское население было многочисленным только в центральных районах. На южных окраинах, подвергавшихся ордынским набегам, его практически не было.

А вот данные о почти полной христианизации жителей России достоверны. Язычниками в конце XV века оставались только жители Крайнего Севера, но и туда отправлялись православные миссионеры, например, Стефан Пермский.

Грек всячески стремился убедить европейцев в том, что Русское государство было цивилизованной страной. А еще – богатой и мощной. Преувеличений в этом благородном деле он не стеснялся.

Перкамот назвал Владимир самым крупным из русских городов – 60 тысяч очагов. По его утверждению, Новгород, Псков и Москва были в два раза меньше. На самом деле самым большим городом в это время была как раз Москва. Ее территория занимала все пространство внутри нынешнего бульварного кольца. Вторым по размерам, видимо, был Новгород Великий, – крупный торговый центр. В нем в это время было 5096 дворов и около 20 тысяч жителей. Владимир же был просто одним из провинциальных городов. Указывая его невероятно большие размеры, Перкамот полагал, что европейцы не смогут его уличить

в фантазиях: иностранные купцы этот город не посещали, но могли знать, что раньше он считался общерусской столицей.

Совершенно очевидно, что грек сильно завысил и доходы Ивана III. По его утверждению, ежегодно в казну поступал миллион золотых дукатов. Но хорошо известно, что золотые монеты почти не употреблялись в Русском государстве. Они служили только в качестве наград отличившимся воинам. В ходу были серебряные, которые выпускались в Новгороде, Москве, Пскове, Твери и некоторых удельных княжествах. При этом новгородские монеты были в два раза тяжелее московских. Это, видимо, и заметил Перкамот, отмечая, что за золотой дукат давали либо 100, либо 50 серебряных монет.

Желая убедить слушателей в том, что Россия отнюдь не какая-то чуждая европейцам страна, Перкамот указал на сходство русского языка со словенским, польским и богемским, т. е. чешским. Кроме того, он отметил, что ее часто посещают купцы из других стран: Венгрии, Греции, но больше всего из Германии. Грек с восторгом описал громадные пастбища, на которых паслось бесчисленное множество скота, базары, заваленные курами, превосходной рыбой, дешевым мясом и зерном, указал, что в некоторых местах, удаленных от моря, находятся громадные запасы зерна, что они «удивительны и поражают своей величиной». Не забыл Перкамот упомянуть и о спиртных напитках, которые употребляли русские люди.

Перкамот. «Сообщение о России»

«В этой стране… есть громадное изобилие зерна, так что в ряде мест из-за излишнего количества его собраны удивительные и поражающие запасы пшеницы и другого зерна, особенно в тех местностях, которые удалены от моря, так как там нет никого, кто мог бы взять его и отправить в другое место. Из напитков они употребляют пиво, сделанное чаще всего из ячменя, и мед с цветом, что дает хороший напиток, которым они часто напиваются допьяна…

Государь очень любим и почитаем своими придворными, и со своими придворными он обращается с большой простотой и щедростью и иногда принимает вместе с ними пищу (пирует) и развлекается тем, что заставляет их много пить… вино привозят ему из некоторых близлежащих стран, в которых оно родится, в

первую очередь от немцев».

В русских источниках, правда, нет данных о том, что Иван III любил пировать с представителями знати. Но из «Повести временных» лет известно, что такие пиры постоянно устраивал Владимир I Креститель, а ему стремились подражать все русские государи.

Следует отметить, что Перкамот, очевидно, не случайно дал сведения об употреблении русскими людьми спиртных напитков. Он знал, что алкогольная тематика интересует итальянцев. Во-первых, те сами постоянно употребляли вино, а во-вторых, экспортировали его в другие страны. Грек явно рассчитывал, что сведения могли натолкнуть купцов на мысль, что Русское государство стоит рассматривать как перспективный рынок сбыта.

Составленная со слов Перкамота записка не была опубликована. Она осталась храниться в канцелярии миланского герцога. Неизвестно, насколько широко были распространены в Италии содержащиеся в ней сведения. Есть данные лишь о том, что сам визит русского посла вызвал большое беспокойство у Польского короля Казимира, который был недоволен контактами итальянских городов с Русским государством.

Но зато хорошо известно, что черный миф о повальном русском пьянстве, сформированный при деде Ивана Грозного, очень пригодился – и очень скоро. Под рукой отвратительного правителя и народец должен быть скверный. Пьющий мертверцки народец…

Если заглянуть через два столетия, из XV века сразу в век XVII, мы увидим, что оба мифа – об ужасном Иване и о русском пьянстве – уже отполировались до блеска и существуют в неком симбиозе. Во внушительном труде «Описание путешествия в Московию» (1647) Адама Олеария все негативные представления о русских любовно подобраны и выставлены напоказ, как в витринах музея.

Первая же фраза в главе о русском народе такая: «Когда наблюдаешь русских в отношении их душевных качеств, нравов и образа жизни, то их, без сомнения, не можешь не причислить к варварам». В русских Олеарий отметил вероломство, лживость, лукавство, обман, надругательство и особое почитание мастеров всевозможных уловок. А еще русские люди «весьма бранчливы», высокомерны, грубо честолюбивы и постоянно готовы вступить в ссору друг с другом. Еще бы – по пьяному-то делу!

С Олеарием я сильно – на два века – забегаю вперед и подробно представлю его самого и его «Московию» своевременно.

Пока же не могу удержаться, чтобы не показать, как сформировавшиеся негативные стереотипы о нравах русских боролись в голове честного немца с его собственными впечатлениями.

Так как «нужных» впечатлений голштинскому послу Олеарию не хватало, он использовал информацию из сочинения датского посла Иакова (оно не переведено): «Русские люди не интересовались историей отцов и во время пиров говорили только о разврате, гнусных пороках, неприличных и безнравственных поступках». Тот же смысл якобы имели и их танцы, сопровождаемые неприличными телодвижениями. Датчанин писал, что русские люди «так преданы плотским удовольствиям и разврату, что некоторые оскверняются гнусным пороком, именуемым у нас содомиею. Употребляют не только мужчин, но и лошадей… Захваченные в таких преступлениях не наказываются у них серьезно… Они сняли с себя всякий стыд и всякое стеснение… К распутной наглости побуждает их сильно и праздность».

Используя информацию из сочинения Иакова, Олеарий не желал замечать, что она противоречит его собственным наблюдениям. Так, описывая пир у одного из русских бояр, он отметил, что во время него часто произносились тосты за государей и гостей, играл трубач, потом хозяин рассказал о своем участии в битвах и показал раны. В заключение вышла его жена-красавица с родственницей и с поклоном поднесла каждому гостю чарку с водкой. Все это свидетельствовало о том, что обед проходил чинно и благонравно.

Понравились Олеарию и танцы русских людей. При этом он заметил, что женщины почти все время оставались на месте, размахивая пестрыми носовыми платками. Ничего неприличного в их телодвижениях голштинец не заметил.

Данные датчанина о содомии, несомненно, были выдумкой, поскольку все иностранцы, положительно относившиеся к России, писали, что у русских людей было прирожденное отвращение к порокам. Единственный факт содомского греха, зафиксированный в русских источниках, был связан с Лжедмитрием I. Замеченный в связи с ним князь И.А. Хворостинин после свержения самозванца был отправлен на покаяние в Иосифо-Волоколамский монастырь.

Голословно обвиняя русских людей в развратном поведении, Олеарий в то же время сообщал информацию, свидетельствующую об их особом целомудрии и благочестии. «Они не допускают, чтобы при соитии крестик, вешаемый при крещении на шею, оставался на теле, но снимают его на это время. Кроме того, соитие не должно происходить в комнатах, где

находятся иконы; если же иконы здесь окажутся, то их тщательно закрывают». После плотских утех мужчины тщательно мылись и переодевались в чистую одежду. Без этого нельзя было входить в церковь. Женщины же вообще не должны были заходить в храм. Им следовало стоять у дверей.

Но безобразные сцены, связанные с потреблением спиртного, голштинец видел сам: «Порок пьянства так распространен у этого народа во всех сословиях, как у духовных, так и у светских лиц, у высоких и низких мужей, что обыденно видеть их валяющихся пьяных». Олеарий достаточно подробно описал, как русские люди напивались в Пасху и валялись на улицах, будучи не в состоянии самостоятельно добраться домой. И что это были за русские?

Сам же Олеарий отметил, что служившие царю иноземцы не только сами любили выпить, но и занимались изготовлением спиртных напитков на продажу, тайно спаивая русских людей. В итоге, по указанию государя, их вместе с кабаками выселили за город в слободу «Налейки»[4]. При этом голштинец написал, что сам видел, как русские люди пропивали всю свою одежду, включая чулки и сапоги.

Чтобы убедиться в необоснованности обвинения русских людей в пьянстве, следует обратить внимание на следующее. Во-первых, голштинец повторил информацию других иностранцев о том, что русским людям позволялось пить только несколько раз в году по большим церковным праздникам. Во-вторых, ежедневно могли пить только иностранцы, они же носили чулки. К тому же, согласно постановлениям Соборного уложения 1649 года, лиц, склонных к пьянству, сурово наказывали. Любого русского человека, валяющегося на улице в пьяном виде, тут же взяли бы под стражу.

Напрашивается вывод о том, что валяющиеся на улицах Москвы пьяные, которых видел Олеарий, скорее всего, были иноземцами, состоявшими на царской службе. Никто не имел права наказывать их за неподобающий вид (русских людей за это штрафовали), и некому было отвести их домой. Русским людям трогать их не разрешалось.

Можно заметить, что конкретные примеры пьянства русских женщин и духовных лиц Олеарий почему-то видел только в западных городах, в Нарве и Новгороде. Но Нарва вообще не была в то время русским городом, поэтому маловероятно, что пьянствующие там женщины были русскими. Пьяный же новгородский священник, по описанию Олеария, почему-то был в кафтане, хотя известно, что эти духовные лица носили рясы.

И если с пьянством Олеарий просто ошибается под давлением «черного мифа», то во всем остальном, что касается

русского быта, он вновь впадает в противоречия. Он писал, что «в общем, они живут плохо, и у них немного денег уходит на хозяйство». Спят на соломе на лавках и печах, едят из грязной глиняной посуды, не привыкли к нежным кушаньям и лакомствам, пища их грубая и плохо приготовленная, с большим количеством лука и чеснока. Общий вывод голштинца страшен: «У спесивых, корыстных и грязных русских все делается по-свински и неопрятно».

Но при этом тот же Олеарий сообщал, что наиболее распространенной едой у русских являлись вкусные пироги с различной начинкой, нежная и сочная рыба, которую употребляют в пищу больше, чем мясо, а также особого приготовления икра. Все эти блюда никак нельзя было назвать грубыми и простыми.

Олеарий с удивлением замечал, что «русские все время моются», получая при этом прекрасную закалку. Поэтому в России, по его мнению, «вообще народ здоровый и долговечный». Называть таких людей грязными и неопрятными никаких оснований не было.

Противоречия в «Описании путешествия в Московию» дают право предположить, что автор пользовался какими-то трудами иностранцев, отрицательно относившихся к русским людям, но при этом записал и собственные положительные впечатления. Так сказать, разрывался между долгом и правдой. В итоге в одном тексте мы видим буквально шизофреническое сочетание прямо противоположных мнений об образе жизни русских людей накануне эпохи Ивана Грозного.

Но кого на либеральном и лицемерном Западе это смущало и смущает, если «так надо»? Иван Грозный – это Ivan the Terrible. A terrible – это страшный, ужасный, жуткий, ужасающий, чудовищный, кошмарный, страшнейший, отвратительный, убийственный, громадный. Просто перевод.

Контарини Амброджо
Путешествие в Персию

Viaggio in Persia

§ 15. 12 ноября мы приехали в Дербент. Ввиду того, что мы хотели направиться в Россию, а для этого необходимо пересечь татарскую степь[5], нам посоветовали перезимовать в этом городе, а в апреле плыть по Бакинскому морю в Астрахань.

Город Дербент расположен на Бакинском море[6] (оно также называется Каспийским). Говорят, что Дербент был построен Александром Великим[7] и называется Железными воротами по той причине, что войти из Татарии в Мидию и в Персию невозможно иначе, как через этот город. Здесь есть глубокая долина, которая тянется до Черкесии. В Дербенте великолепные каменные стены, очень толстые и хорошо сложенные, но под горой, по направлению к замку, город заселен едва на одну шестую часть [своей площади], а в сторону моря он весь разрушен. В нем огромнейшее, я бы сказал – предельное количество могил. Город надлежащим образом снабжен продовольствием и торгует винами, а также разнообразными фруктами.

Названное выше море является, собственно, озером, так как не имеет никакого устья; говорят, что оно по величине таково, как Великое море, и очень глубоко. Там ловят осетров и белугу[8], причем в громадном количестве; но другую рыбу даже не умеют ловить. Там множество рыб-собак, у которых голова, ноги и хвост подобны собачьим. Ловят там еще один вид рыб – длиной они с полтора локтя, толстые и почти круглые[9], так что не видно ни головы, ни чего-либо другого. Из этих рыб приготовляют особую жидкость, которую жгут для освещения и ею же мажут верблюдов; ее развозят по всей стране.

§ 16. Мы оставались в этом городе с 12 ноября [1475 г.] по 6 апреля [1476 г.], после чего отправились в плавание на боте[10]. Мы жили в хорошем окружении, так как люди там прекраснейшие, и нам ни разу не было нанесено никакого вреда. Они спрашивали, кто мы такие, а после ответа, что мы христиане, они больше ничего не доискивались. Я носил на плечах совершенно драный казакин, подбитый овечьим мехом, а сверху довольно жалкую шубу; на голове у меня была баранья шапка. В

таком виде я ходил по городу и на базары и много раз приносил домой мясо, но слышал, как кто-то говорил: «Этот человек не кажется привычным носить мясо». Марк указал мне на это и упрекал меня, говоря, что я хожу в таком виде, будто вышел из приюта для бедных; но я отвечал, что не могу ничего поделать и только удивляюсь, как, видя меня настоящим оборванцем, люди могли иметь обо мне подобное суждение. Однако, несмотря ни на что, к нам хорошо относились.

Пока мы находились в Дербенте, нам очень хотелось узнать все новости об Узун Хасане и о мессере Иосафате Барбаро; поэтому я решил послать моего переводчика Димитрия в Тебриз; туда было 20 дней пути. Он отправился и возвратился через 50 дней, принеся мне письмо от самого Иосафата, который писал, что шах пребывает там, но что он – Иосафат – не мог ни о чем у него узнать.

§ 17. Через Марка было заключено соглашение с одним владельцем ботов, чтобы доставить нас в Астрахань. Эти боты были на всю зиму вытащены на берег, так как плавать было тогда невозможно. Их строят похожими по форме на рыб (так их и называют), потому что они сужены к корме и к носу, а посередине имеют как бы брюхо; они скреплены деревянными гвоздями и просмолены. Когда они выходят в открытое море, у них два правильных весла и одна длинная Лопатина; при помощи последней ботом управляют в хорошую погоду, а в бурную – теми двумя веслами.

У здешних моряков нет компасов, они плавают по звездам и всегда в виду земли. Эти боты – суда весьма опасные. Иногда эти люди ходят на веслах, управляя своим ботом диким способом, но говорят, что других моряков, кроме них, вообще нет. Добавлю еще, что тамошнее население – магометане.

С 5 апреля [1476 г.] мы ждали целых восемь дней хорошей погоды, погрузив в бот на берегу все наши пожитки; Марк же все время оставался в городе, и мы испытывали страх, оставаясь в одиночестве. Наконец, Господу Богу стало угодно послать нам благоприятную погоду; мы собрались на берегу, и бот был спущен на воду. Усевшись в него, мы пошли на парусах. Всего нас было 35 человек, считая хозяина и шесть матросов; другие были купцы, которые везли в Астрахань куски атласа, кое-какие шелковые изделия и еще боссасины на продажу русским; было еще несколько татар, которые ехали за товаром, а именно – за пушниной, которую они продают затем в Дербенте.

§ 18. Как уже сказано, мы пошли в тот день на парусах с попутным ветром, держась все время берега и склонов гор на расстоянии около 15 миль. На третий день, миновав эти горы, мы увидели плоские берега. Подул противный ветер, и оказалось необходимым бросить якорь, чтобы остановиться. Это было часа за четыре до вечера. Ночью ветер посвежел, море стало очень бурным, и мы увидели, что погибаем. Было решено поднять якорь и дать боту возможность по воле волн выброситься на берег. Когда подняли якорь, то нас отбросило в море, а страшное волнение с сильным ветром швырнуло нас к берегу, но по воле Господа Бога мы все же спаслись: бурное море отогнало нас от камней и снова бросило к берегу; тогда бот врезался в какую-то канаву, равную ему по длине, так что казалось, будто мы вошли в порт, и хотя море кидалось гораздо дальше, чем были мы, оно не могло уже нам повредить. Всем нам пришлось выскочить в воду, и каждый вынес на берег свои сильно подмоченные вещички. Наш бот дал течь от удара об камни. Было очень холодно, как оттого, что мы промокли, так и от ветра. Утром было решено не разводить огня, потому что мы находились в местах как нельзя более опасных из-за татар. На берегу было много конских следов и валялся челн, только что разбитый. Мы поняли, что всадники приезжали, чтобы забрать своих – живых или мертвых – из этого челна. Так мы и сидели в сильном страхе, все время ожидая нападения. Однако, на наше счастье, позади берега виднелись обширные болота, так что татары должны были находиться вдали от берега.

Здесь мы оставались до 13 апреля, когда прояснилось и наступила благоприятная для нас погода. Моряки положили свои вещи в бот и вывели его за пределы камней, после чего погрузили остальное имущество [и людей] и распустили паруса. В этот день была страстная суббота. Мы прошли около 30 миль, и во второй раз подул противный ветер. Однако здесь оказались заросшие камышом островки, мы были принуждены плыть среди них и дошли до такого места, где было довольно мелко. Ветер посвежел, но бот вошел в болото и немного касался дна, поэтому хозяин пожелал, чтобы все мы высадились в какие-то заросли камыша, вроде островка. Мы так и сделали. Мне надо было тащить свои тюки на плечах; я разулся и пошел, как мог, к берегу; было очень холодно, на болоте было крайне опасно, и я весь вымок. Добравшись до земли, я нашел шалаш из камыша, который, как говорили, остался от татар, приходивших сюда летом для рыбной ловли. Я забрался в шалаш, чтобы просохнуть, насколько это было возможно; то же самое сделали и мои спутники. Матросы с большим трудом завели бот в защищенное

от ветра место, где ему уже не грозила опасность.

Утром 14 апреля был день Пасхи; мы сидели в камышовых зарослях; камыша-то было мало, а холод был сильный; чтобы встретить праздник, у нас не было ничего, кроме коровьего масла. Один из слуг Марка, бродивший среди прибрежных камней, нашел девять утиных яиц и преподнес их своему господину; тот велел сделать яичницу с маслом и роздал ее всем по кусочку. Так мы отпраздновали Пасху, что было замечательно, и мы не переставали возносить благодарения Господу Богу.

Многие не раз спрашивали, кто я такой, и мы с Марком решили говорить, что я врач, сын врача, который был слугой деспины[11], дочери деспота Фомы, присланной из Рима в жены великому князю Московскому; будучи бедняком и слугой деспины, я будто бы еду к великому князю и к деспине искать счастья. Тут же случилось, что у одного из матросов появился нарыв под мышкой. Спросили моего совета; я взял немного растительного масла, хлеба и муки, которые нашлись в боте, приготовил мазь и наложил ее на нарыв. Фортуна пожелала, чтобы через три дня нарыв прорвался, и человек выздоровел. Вследствие этого все стали говорить, что я превосходный врач, и убеждать меня остаться с ними. Однако Марк объяснил, что у меня ничего нет с собой, и потому я не могу этого сделать, но что, приехав в Россию и побыв там немного времени, я непременно к ним вернусь.

§ 19. 15 апреля утром подул ветер, и мы пошли на парусах, продвигаясь все время около берега, а именно около тех островков, заросших камышом, иногда высаживаясь на них. Так продолжалось до 26 апреля, когда мы вошли в устье Волги, величайшей реки, которая течет из пределов России. Говорят, что Волга имеет 72 рукава, впадающих в Бакинское море, и во многих местах очень глубока. От ее устья до Астрахани – 75 миль. Из-за сильного течения – то при помощи бечевы, то при некотором ветре – мы прибыли только 30 апреля в город Астрахань. По эту сторону Астрахани – в направлении к морскому берегу – есть огромное соляное озеро[12]; говорят, что оно дает столько соли, что могло бы снабдить ею большую часть мира. Этой солью – а она превосходного качества – пользуется почти вся Россия.

Татары (т. е. правитель Астрахани) не пожелали, чтобы мы в тот же день сошли на берег. Однако Марк высадился, получив эту возможность, потому что имел друзей в этих местах. В первый же вечер и меня вместе с моими спутниками отвели в тот домик, где остановился Марк, и поместили в каком-то закутке; там мы и переночевали. Утром пришли трое татар с плоскими, как доска,

лицами и вызвали меня. Они сказали Марку, что он – желанный гость, потому что он друг их правителя, но что я – раб последнего, потому что франки[13] – его враги. Мне этот прием показался странным; однако Марк стал отвечать за меня и не разрешил мне сказать ни слова, кроме только вежливого приветствия. Это было 1 мая [1476 г.].

Я вернулся в свою комнатенку, охваченный страхом, и не знал, что со мной будет дальше; затем опасность стала нарастать с каждым днем. Явились коммеркиарии[14], которые сказали, что, конечно, у меня есть драгоценные камни; в результате этого тот пустяк, который мы привезли из Дербента, чтобы приобрести лошадей для дальнейшего путешествия, был от нас целиком отобран. Потом через Марка мне было сказано, что меня хотят продать на базаре. Все же при его посредстве и [при содействии] некоторых купцов, которые должны были ехать в Москву[15], после множества притеснений и опасностей, которым мы подвергались в течение ряда дней, дело было сведено к двум тысячам алермов[16] в пользу правителя, не считая всяких подачек остальным. Не имея ни маркета в кармане, мы взяли эти деньги у русских и татарских купцов, направлявшихся в Москву, причем с громаднейшим процентом и с поручительством самого Марка. Так было улажено дело с правителем. Однако когда Марка не было дома, являлся главный коммеркиарий и стучал в дверь моей комнаты, угрожая отвратительным голосом, что он посадит меня на кол, и повторяя, что у меня много драгоценностей. В меру своих возможностей я был принужден приглушать его гнев. Затем еще много раз приходили разные татары; они являлись ночью в пьяном состоянии (от употребления того напитка, который они приготовляют из меда)[17] и кричали, чтобы им выдали франков. Поистине, нельзя себе представить столь храброго человека, который при этом не испугался бы! И снова приходилось чем-то заставлять их замолчать.

Мы оставались в этом месте с 1 мая до 10 августа [1476 г.], т. е. до дня св. Лаврентия.

§ 20. Город Астрахань[18] принадлежит трем братьям; они сыновья родного брата главного хана, правящего в настоящее время татарами, которые живут в степях Черкесии и около Таны[19]. Летом из-за жары они уходят к пределам России в поисках прохлады и травы. Зимой эти три брата проводят несколько месяцев в Астрахани, но летом они поступают так же, как и остальные татары.

Город невелик и расположен на реке Волге; домов там мало, и они глинобитные, но город защищен низкой каменной стеной;

видно, что совсем недавно в нем еще были хорошие здания[20].

Рассказывают, что в старые времена Астрахань была местом крупной торговли, и те специи, которые отправлялись в Венецию из Таны, проходили через Астрахань. Насколько я слышал и мог понять, специи свозились именно сюда и затем переправлялись в Тану – ведь до нее, как говорят, всего восемь дней пути.

Как было сказано, мы уехали из Астрахани 10 августа, в день св. Лаврентия; я расскажу об этом ниже.

Правитель Астрахани по имени Касим-хан[21] посылает ежегодно своего посла в Россию к Московскому великому князю скорее для получения какого-нибудь подарка, чем для чего-либо иного. Вместе с послом идут многие татарские купцы; они образуют караван[22] и везут с собой шелковые изделия из Иезда[23] и боккасины, чтобы обменять их на меха, седла, сабли, уздечки и всякие другие нужные им вещи.

Ввиду того, что от Астрахани до Москвы приходится идти все время по пустынным равнинам[24], необходимо, чтобы каждый нес с собой продовольствие для пропитания. Татары мало заботятся об этом, так как они гонят с караваном великое множество лошадей и ежедневно убивают их в пищу себе; ведь их питание неизменно состоит из мяса и молока, и у них не бывает никакой другой еды; они даже не знают, что такое хлеб, за исключением, быть может, каких-нибудь купцов, которые бывали в России. Но нам было необходимо как можно лучше запастись пищей.

Обычно мы брали немного рису, из которого делали смесь с молоком, высушенным на солнце, – у татар это называется «тур»; такое молоко становится очень твердым и слегка отдает кислым; они считают эту вещь весьма подкрепляющей. У нас был также лук и чеснок; с трудом я достал еще около кварты сухарей из довольно хорошей пшеничной муки. Из всего этого и состояла наша еда. Кроме того, чуть ли не в последний час перед отъездом я добыл засоленный бараний хвост[25].

Наш путь должен был пролегать прямо между двумя протоками[26] Волги, но из-за того, что главный хан находился в состоянии войны с Касим-ханом, своим племянником (а этот Касим считал, что он сам должен быть главным ханом, так как таковым был его отец[27], раньше правивший Ордой, и потому между ними шла большая война), мы решили, что весь караван перейдет на другой берег реки и пойдет по нему до того места, где река подходит к узкой полосе[28] между Танаисом и Волгой; это требует примерно пять дней пути. После того, как караван минует эту узкую полосу, уже нечего бояться.

§ 21. Итак, все уложили свое имущество и продовольствие в несколько лодок, которые были здесь в употреблении, и перешли[29] на другую сторону реки. Однако Марк пожелал, чтобы я остался с ним, потому что уговорился с послом по имени Анхи-оли[30] взять меня из дома около полудня и идти к переправе[31], куда отправились лодки; это находится в 12 милях вверх по реке. Когда наступило время, мне велели сесть на лошадь, и вместе с тем послом и с моим переводчиком[32] мы с опаской поехали, как только могли бесшумно, и прибыли к тому месту приблизительно за час до вечера. Мы уже готовились перейти реку, чтобы присоединиться к своим, как вдруг, когда уже наступила ночная тьма, Марк позвал меня с такой неистовой торопливостью, что я подумал, что настал мой последний час. Он велел мне сесть на лошадь, также моему переводчику и какой-то русской женщине, и ехать в сопровождении одного татарина самого ужасного вида, какой только можно вообразить; он только и твердил мне: «Скачи, скачи быстрее!» Я повиновался – что же мне было еще делать! – и последовал за тем татарином. Всю ночь мы ехали, вплоть до полудня, и он не позволил мне слезть с коня ни на мгновенье. Несколько раз я заставлял своего переводчика спрашивать его, куда он ведет меня, пока, наконец, он не ответил, что причиной, почему Марк отправил меня, было то, что местный правитель собирался послать искать меня на лодках; Марк боялся, что, если бы они меня нашли, они задержали бы меня.

§ 22. Это произошло 13 августа; когда к полудню мы приблизились к реке, татарин стал искать какую-нибудь лодку, чтобы переплыть на остров, находившийся на середине реки; там пасся скот того посла. Но татарин не нашел лодки; тогда он собрал сучья, связал их, как мог, а сверху положил седла и привязал все это веревкой к лошади. Затем, управляя лошадью, он переплыл на упомянутый остров, расстояние до которого от берега было равно примерно двум полетам стрелы из лука. Потом он вернулся за мной; я же, видя огромную опасность, разделся до рубашки и сбросил обувь: ведь я мог вполне легко перевернуться. С Божьей помощью, но и с великим риском я был переправлен. Татарин вернулся еще раз и перевел лошадей. Затем, сев на них, мы поехали к его убежищу, покрытому войлоком; туда он меня и поместил. Шел уже третий день, как я ничего не ел; он из милости дал мне немного кислого молока, которое показалось мне превосходным.

Спустя некоторое время туда пришло много татар, которые были на этом острове со своим скотом; они разглядывали меня с

большим изумлением, дивясь, как это я попал к ним, – ведь здесь никогда не было ни единого христианина. Я молчал и изо всех сил притворялся больным.

Татарин был очень ко мне благосклонен; я думаю, что никто не мог ничего сказать из-за участия ко мне того посла, который был важным лицом. На следующий день, а это было 14 августа, т. е. канун праздника Богоматери[33], татарин, чтобы почтить меня, зарезал хорошего ягненка, зажарил его и [частично] сварил; при этом он не дал себе труда вымыть мясо, так как у них считается, что, если его вымыть, оно потеряет свой вкус; они также не снимают с него как следует пену, только делают это слегка при помощи ветки. Он поставил передо мной это мясо и кислое молоко, и – хотя был канун праздника Богородицы (я молил ее простить меня, потому что не был в силах терпеть дольше) – мы все вместе принялись за еду. Принесли также кобыльего молока, которое они очень хвалят, и хотели, чтобы я выпил его, потому что, как они говорили, оно очень подкрепляет человека. Но из-за отвратительной вони я не мог пить его, и это им не понравилось.

§ 23. В таком положении я оставался до полудня 16 августа, когда подошел Марк вместе с караваном и стал на уровне нашего островка. Он прислал за мной татарина с одним русским из своих. Немедленно они посадили меня в лодку и перевезли к месту, где остановился караван. Священник Стефан и Дзуан Унгаретто, которые были уверены, что больше меня не увидят, возликовали, когда я появился, и возблагодарили Господа Бога. Марк снабдил меня лошадьми в нужном количестве.

Мы простояли там весь день 17 августа, а затем караван двинулся в путь, чтобы пройти по пустынной степи и направиться к Москве. Всем распоряжался посол, а было там всего около трехсот человек русских и татар[34], а также более двухсот лошадей, которых вели как для пропитания, так и на продажу в России. В полном порядке мы двигались все время вдоль реки[35], тут же ночевали, а в полдень отдыхали. Так продолжалось 15 дней, после чего посол[36] увидел, что мы находимся в безопасности, так как достигли упомянутого узкого перешейка и можем не бояться главного хана Орды.

§ 24. Хочу рассказать об этой Орде. Ее возглавляет «император» – главный хан. Имени его я не помню[37]. Он правит всеми татарами в этой стране; они, как уже говорилось, кочуют в поисках свежей травы и воды и никогда не живут оседло. У них не бывает иной пищи, кроме молока и мяса. Они владеют стадами быков и коров, причем это, я полагаю, наилучшие по

своему качеству животные во всем мире; таковы же бараны и овцы. Мясо их превосходного вкуса, так как их пастбища очень хороши. Татары очень ценят кобылье молоко. У них прекраснейшие обширные степи, где не видно ни одной горы[38].

Я не был в этой Орде, но интересовался сведениями об ее военной мощи[39]. Все утверждают, что там огромное множество народа, но бесполезного для этой цели из-за большого количества женщин и детей. Утверждают также, что во всей Орде не найдется и двух тысяч мужчин, вооруженных саблями[40] и луками; остальные – это оборванцы без всякого оружия. Татары пользуются славой безумных храбрецов, потому что делают набеги и грабят черкесов и русских. Татары стремятся, чтобы их лошади были как дикие; они действительно весьма пугливы и непривычны к подковам. Татары добиваются, чтобы между их лошадьми и лесными зверями не было никакой разницы.

Как было сказано, татары этой Орды располагаются на пространствах между двумя реками – Доном и Волгой. Но, как рассказывают, есть еще другие татары; они живут по ту сторону Волги и кочуют в сторону северо-востока и востока. Их очень много. Они носят длинные волосы до пояса и называются дикими татарами. Зимой, во время больших холодов и обледенения, они, как говорят, подходят к Астрахани и кочуют здесь в поисках травы и воды, подобно другим татарам, но они не причиняют никакого вреда городу Астрахани, только иногда воруют мясо.

§ 25. Пройдя 15 дней, двигаясь все время около реки, мы остановились в роще, где татары и русские принялись рубить деревья, растущие очень густо, и делать плоты – числом около сорока, – связывая их веревками, которые были привезены для этой цели. Пока они готовили плоты, мы обнаружили весьма ветхую лодку, и Марк решил послать в ней свое имущество на другой берег реки. Когда оно было переправлено и лодка вернулась обратно, он приказал мне сесть в нее с нашими седлами и небольшим нашим провиантом и переправиться на ту сторону реки, чтобы сторожить его имущество; мой же переводчик Дмитрий и Унгаретто[41] должны были пока остаться, чтобы стеречь лошадей. В лодку сели я и священник Стефан вместе с двумя русскими, которые гребли и управляли лодкой, чтобы переплыть на тот берег; между берегами было расстояние не меньше одной мили и даже гораздо больше, принимая во внимание сильное течение, которое все время относило нас вниз, и лодку, которая дала течь. Мы вдвоем изо всех сил, как только могли, сидя в воде, выкачивали ее и пребывали в страшной опасности, но с Божьей помощью перебрались благополучно на

противоположный берег.

Разгрузив лодку, русские хотели вернуться, но это оказалось невозможным, потому что лодка совершенно распалась; пришлось остаться всем, а нас было шестеро.

Утром караван должен был переправиться, но поднялся такой сильный северный ветер[42] – он дул целых два дня, – что это оказалось невыполнимым. Мои спутники, оставшиеся стеречь лошадей, не имели ни чем пропитаться, ни чем укрыться, потому что я увез все с собой. Можно себе представить, что мы чувствовали в связи с этим. В таком положении я поинтересовался нашим провиантом и нашел, что он претерпел большой ущерб, что меня сильно напугало. Поэтому я решил упорядочить это дело, хотя и поздно, рассудив, что на горячий обед надо положить по одной чашке риса и столько же вечером, выдавая на душу то лук, то чеснок и немного сухого кислого молока с тем, чтобы несколько дней не прикасаться к нашим сухарям. Я раздавал рис всем по очереди, и каждый съедал свою порцию; я, конечно, имел столько же, сколько и они. В течение этих двух дней, что мы там сидели, мы нашли дикие яблоки и, чтобы сэкономить пищу, варили и ели их.

По истечении двух дней весь караван переправился на упомянутых плотах, на которые положили все имущество; на каждый плот пришлось по шесть-семь лошадей и несколько татар, которые их вели, привязав плоты веревками к лошадиным хвостам. Обнаженные татары заставили всех лошадей вместе войти в реку, чтобы разом совершить общую переправу. Так и было сделано; это было красивое и быстрое предприятие, но, конечно, весьма опасное.

§ 26. Переправившись и немного отдохнув, все погрузили свои пожитки и пустились в путь, покинув ту реку. По моему суждению, в ряде стран нет хотя бы приблизительно другой такой великой реки; шириной она более двух миль, берега ее высоки, и она очень глубока.

С именем Божиим на устах мы, как уже было сказано, пустились в путь и, как и раньше, шли на север, но часто поворачивали на запад, причем перед нами не было никакой дороги – все время только пустынная степь. Татары говорили, что мы находимся на уровне Сарая[43] более чем на 15 дней пути к северу, но, по моему мнению, мы его уже миновали. Так продолжали мы идти одинаковым порядком: делали привалы в полдень и вечером в сумерках, отдыхали прямо на земле, и покрывалом нам служили лишь воздух да небо. Ночью мы неизменно были как в крепости, боясь возможного нападения, и

постоянно выставляли три охраны – одну справа, другую слева, а третью спереди. Случалось, что мы не находили воды ни для себя, ни для лошадей в течение всего дня и даже вечером там, где останавливались на ночлег. Во время всего путешествия мы почти не встречали никакой дичи. Правда, мы видели двух верблюдов и четыреста[44] лошадей, которые паслись; говорили, что они отстали в прошлом году от одного каравана. Дважды мы опасались, что на нас нападут: один раз страх был напрасен, но другой раз мы повстречали около 20 телег и несколько татар, от которых никак не могли узнать, куда они идут. Путь был долгим, а еды у нас было мало, поэтому пришлось ее сокращать.

§ 27. Наконец, когда это было угодно Богу, мы вступили на землю России. Это произошло 22 сентября [1476 г.]. В лесу попались нам несколько человек русских из окрестных деревушек[45]. Услышав, что в нашем отряде находился Марк[46], жители, которые были в ужасном страхе перед татарами, вышли и поднесли ему немного сотового меда. Марк угостил им меня, что было просто необходимо: ведь мы едва двигались и дошли до крайнего состояния, так что с трудом держались на лошадях.

Мы уехали отсюда и прибыли в город, называемый Рязань[47]; он принадлежит князьку, жена которого приходится сестрой великому князю Московскому[48]. Дома в этом городе все деревянные, так же, как и его кремль. Здесь мы нашли и хлеб, и мясо в изобилии, и даже русский напиток из меда; всем этим мы хорошо подкрепились.

Уехав отсюда, мы двигались непрерывно по огромнейшим лесам и только к вечеру нашли русскую деревню, где и остановились; тут мы несколько отдохнули, потому что нам показалось, что это место было, с Божьей помощью, безопасно.

Затем мы приехали в другой город, называемый Коломной[49] и расположенный около реки Мостро. Здесь есть большой мост[50], по которому переходят эту реку, а она впадает в Волгу.

Уехали мы и отсюда. Марк послал меня вперед, потому что весь отряд должен был прийти позднее.

§ 28. Итак, 26 сентября 1476 г. мы, с пением молитвы «Тебе Бога хвалим» и вознося благодарения Богу, который избавил нас от множества бед и опасностей, вступили в город Москву, принадлежащий великому князю Иоанну, властителю Великой Белой Руси.

Всю ту огромную вереницу дней, пока мы ехали по степи, – а это было с 10 августа, когда мы вышли из Астрахани, и до 25 сентября [1476 г.][51], когда мы вошли в Москву, – мы готовили

пищу, за неимением дров, на навозе. Теперь же, когда в полной сохранности мы попали в этот город и нам была предоставлена от Марка одна комнатка и еще небольшое помещение для всех нас и для лошадей, то это жилище, хотя и маленькое и плохое, показалось мне после всего перенесенного настоящим дворцом, большим и благоустроенным.

27 числа того же месяца и года прибыл в город Марк. Вечером он явился ко мне и преподнес в дар продовольствие (город им изобиловал; об этом я скажу ниже), успокаивая меня и убеждая чувствовать себя свободно, будто я нахожусь в собственном доме. И это он сказал от имени своего государя. Я поблагодарил его, как мог и умел.

§ 29. 28 числа я пошел к Марку, и так как я хотел уехать на родину, я попросил его предоставить мне случай говорить с великим князем. Марк выполнил это, потому что через короткое время государь прислал позвать меня. Придя и совершив обязательную церемонию приветствий, я поблагодарил его высочество за добрую компанию, которую составил мне его посол Марк. Об этом я мог говорить с полной искренностью, так как много раз бывал спасаем Марком от величайших опасностей; кроме того, хотя эти услуги были оказаны лично мне, его высочество имел полное основание полагать, что они одновременно были направлены и на мою светлейшую синьорию, послом которой я являлся.

Однако его высочество не дал мне сказать все с полной ясностью, но с взволнованным лицом он стал жаловаться на Дзуана Баттисту Тривизана[52]; впрочем, об этом я здесь не скажу ничего, так как это сюда не относится. После многих речей как со стороны его высочества, так и моих, на вопрос мой о том, что я хотел бы отсюда уехать, он сказал, что даст мне ответ в другой раз, и отпустил меня ввиду того, что собирался выехать: у него был обычай ежегодно посещать некоторые местности своей страны, особенно же одного татарина, который на княжеское жалованье держал пятьсот всадников[53]. Говорили, что они стоят на границах с владениями татар для охраны, дабы те не причиняли вреда стране [русского князя].

Я же, как было уже сказано, стремился уехать [из Москвы] и потому добивался ответа на свою просьбу его высочеству. Меня позвали во дворец; там я предстал перед тремя важнейшими баронами[54], которые мне ответили от имени государя великого князя, что я желанный гость, но повторили все сказанные мне великим князем слова и его жалобы на Дзуана Баттисту, в заключение же объявили, что я волен либо уехать, либо остаться,

как мне заблагорассудится. С этим меня и отпустили. Государь же сел на лошадь и уехал в свой объезд.

§ 30. Но я был должником Марка; я задолжал ему все деньги, которые пошли на мой выкуп[55], да еще с процентами, и, кроме того, известную сумму, которая пошла на другие мои расходы. Поэтому я попросил Марка отпустить меня [на родину] с условием, что, как только я приеду в Венецию, я сразу же вышлю ему все, что должен. Но он не пожелал согласиться на это, говоря, что и татары, и русские должны получить свои деньги соответственно поручительству, которое он дал им, и хотят, чтобы им уплатили.

Итак, все мои попытки как у великого князя, так и у Марка закончились неудачей. Поэтому я решил послать священника Стефана[56] к нашей светлейшей синьории, чтобы представить ей все сведения в надежде, что она с обычной милостью и благосклонностью проявит свою заботу обо мне и не даст мне здесь погибнуть.

Таким образом, я отправил в путь упомянутого священника Стефана, который ускакал 7 октября [1476 г.]; в спутники ему я дал одного человека, Николая из Львова, опытнейшего в подобных путешествиях. Итак, они уехали, а я остался.

Здесь [в Москве] жил мастер Трифон, ювелир из Катаро[57], который изготовил – и продолжал изготовлять – много сосудов и других изделий для великого князя. Еще здесь жил мастер Аристотель из Болоньи[58], строитель, который строил церковь на площади[59]. Также было здесь много греков из Константинополя, приехавших сюда вместе с деспиной[60]. С ними со всеми я очень подружился.

Жилище, которое мне дал Марк, было мало и плохо; там едва можно было разместиться. При посредстве того же Марка я получил жилище в доме, где стоял упомянутый мастер Аристотель. Дом этот помещался почти что рядом с великокняжеским дворцом и был очень хорош. Но через несколько дней (и откуда это пришло – не пойму!) мне было приказано от имени государя, чтобы я выехал из этого дома. С большим трудом для меня был найден дом вне замка; он имел две комнаты, в одной из которых расположился я сам, а в другой – мои слуги. Там я и оставался вплоть до моего отъезда.

§ 31. Город Московия расположен на небольшом холме; он весь деревянный, как замок, так и остальной город[61]. Через него протекает река, называемая Моско. На одной стороне ее находится замок и часть города, на другой – остальная часть

города. На реке много мостов, по которым переходят с одного берега на другой.

Это столица, т. е. место пребывания самого великого князя. Вокруг города большие леса, их ведь вообще очень много в стране. Край чрезвычайно богат всякими хлебными злаками. Когда я там жил, можно было получить более десяти наших стайев[62] пшеницы за один дукат, а также, соответственно, и другого зерна.

[Русские] продают огромное количество коровьего и свиного мяса; думаю, что за один маркет[63] его можно получить более трех фунтов. Сотню кур отдают за дукат; за эту же цену – сорок уток, а гуси стоят по три маркета за каждого.

Продают очень много зайцев, но другой дичи мало. Я полагаю, что [русские] не умеют ее ловить. Торгуют также разными видами дикой птицы в большом количестве.

Вина в этих местах не делают. Нет также никаких плодов, бывают лишь огурцы[64], лесные орехи, дикие яблоки.

Страна эта отличается невероятными морозами, так что люди по девять месяцев в году подряд сидят в домах; однако зимой приходится запасать продовольствие на лето: ввиду больших снегов люди делают себе сани, которые легко тащит одна лошадь, перевозя таким образом любые грузы. Летом же – ужасная грязь из-за таяния снегов, и к тому же крайне трудно ездить по громадным лесам, где невозможно проложить хорошие дороги. Поэтому большинство поступают именно так [т. е. пользуются зимней дорогой].

В конце октября река, протекающая через город, вся замерзает; на ней строят лавки для разных товаров, и там происходят все базары, а в городе тогда почти ничего не продается. Так делается потому, что место это считается менее холодным, чем всякое другое: оно окружено городом со стороны обоих берегов и защищено от ветра.

Ежедневно на льду реки находится громадное количество зерна, говядины, свинины, дров, сена и всяких других необходимых товаров. В течение всей зимы эти товары не иссякают.

К концу ноября обладатели коров и свиней бьют их и везут на продажу в город. Так цельными тушами их время от времени доставляют для сбыта на городской рынок, и чистое удовольствие смотреть на это огромное количество ободранных от шкур коров, которых поставили на ноги на льду реки. Таким образом, люди могут есть мясо более чем три месяца подряд. То же самое делают с рыбой, с курами и другим продовольствием.

На льду замерзшей реки устраивают конские бега и другие

увеселения; случается, что при этом люди ломают себе шею.

Русские очень красивы, как мужчины, так и женщины, но вообще это народ грубый.

У них есть свой папа[65], как глава церкви их толка, нашего же они не признают и считают, что мы вовсе погибшие люди.

Они величайшие пьяницы и весьма этим похваляются, презирая непьющих. У них нет никаких вин, но они употребляют напиток из меда, который они приготовляют с листьями хмеля. Этот напиток вовсе не плох, особенно если он старый. Однако их государь не допускает, чтобы каждый мог свободно его приготовлять, потому что, если бы они пользовались подобной свободой, то ежедневно были бы пьяны и убивали бы друг друга, как звери.

Их жизнь протекает следующим образом: утром они стоят на базарах примерно до полудня, потом отправляются в таверны есть и пить; после этого времени уже невозможно привлечь их к какому-либо делу[66].

§ 32. В город в течение всей зимы собирается множество купцов как из Германии[67], так и из Польши[68]. Они покупают исключительно меха – соболей, лисиц, горностаев, белок и иногда рысей. И хотя эти меха добываются за много дней пути от города Московии, больше в областях на северо-востоке, на севере и даже, быть может, на северо-западе, однако все съезжаются в это место, и купцы покупают меха именно здесь. Меха скопляются в большом количестве также в городе, называемом Новгород, земля которого граничит почти что с Фландрией[69] и с Верхней Германией[70]; от Московии Новгород отстоит на восемь дней пути. Этот город управляется, как коммуна, но подчинен здешнему великому князю[71] и платит ему дань ежегодно.

Князь, насколько я понял, владеет большой страной и мог бы иметь достаточно людей [для войска], но множество среди них – бесполезный народ. В северо-западном направлении страна эта граничит с Германией, принадлежащей Польскому королю[72].

Говорят, что существует некий народ язычников, не имеющий никакого правителя; однако, когда им взбредет в голову, они подчиняются русскому великому князю. Рассказывают, что некоторые из них поклоняются первой попавшейся вещи, а другие приносят в жертву какое-нибудь животное у подножия дерева, которому и поклоняются. Рассказывают еще о многом, но я помолчу об этом, так как ничего этого не видел и так как мне все это не кажется заслуживающим доверия.

Упомянутому государю от роду лет 35; он высок, но худощав; вообще он очень красивый человек. У него есть два брата[73] и

мать[74], которая еще жива; есть у него и сын от первой жены[75], но он в немилости у отца, так как нехорошо ведет себя с деспиной; кроме того, у него есть две дочери[76]; говорят, что деспина беременна.

Я мог бы продолжить свой рассказ, но он был бы слишком длинен, если говорить обо всем.

§ 33. Я оставался в городе Московии с 25 сентября [1476 г.], когда я туда приехал, до 21 января [1477 г.], когда я оттуда выехал[77]. С уверенностью я могу сказать, что у всех я встречал хороший прием.

Великий князь, совершив поездку по своей стране, вернулся в Московию примерно к концу декабря [1476 г.]. Хотя я и послал упомянутого священника Стефана за деньгами, истраченными на мой выкуп, уверенный, что деньги будут мне посланы, но, испытывая сильное желание вернуться на родину, – при том, что местные обычаи были неприемлемы для моей натуры, – я вступил в переговоры с некоторыми из дворян, которые, как мне казалось, должны были быть благосклонны и помочь мне уехать. И вот по прошествии немногих дней его высочество послал пригласить меня к своему столу и сказал, что согласен, чтобы я уехал; кроме того, он выразил желание послужить нашей светлейшей синьории и заплатить татарам и русским сумму моего выкупа, которую я им задолжал.

Я пошел на обед, устроенный великим князем в мою честь, с большим почетом. Было много яств и всего другого. Отобедав, я, по местному обычаю, сразу же ушел и вернулся в свое жилище. Через несколько дней великий князь пожелал, чтобы я еще раз положенным порядком отобедал с его высочеством, после чего он приказал своему казначею выдать мне необходимые деньги для татар и русских, а затем пригласил в свой дворец, где велел одеть меня в одежду из соболей (т. е. это – один только мех) и даровал мне еще тысячу беличьих шкурок при этой одежде, с чем я и возвратился домой.

Государь пожелал также, чтобы я посетил деспину. Я это сделал с должными поклонами и соответственными словами; затем последовала длительная беседа. Деспина обращалась ко мне с такими добрыми и учтивыми речами, какие только могли быть сказаны; она настоятельно просила передать ее приветствие светлейшей синьории; и я простился с ней.

§ 34. На следующий день я был приглашен во дворец на обед к великому князю. До того, как идти к столу, я вошел в покой, где находились его высочество и упоминавшийся выше Марк и еще

другой его секретарь; с доброжелательнейшим лицом его высочество обратился ко мне с самыми учтивыми, какие только могут быть, словами, настоятельно прося меня засвидетельствовать моей светлейшей синьории, что он – ее добрый друг и таковым желает остаться и что он охотно меня отпускает, предлагая во всем содействовать, если мне что-либо понадобится. Пока государь произносил свою речь, я понемногу отдалялся, но его высочество все время приближался ко мне с величайшей обходительностью. Я ответил на все, что он мне сказал, сопровождая свои слова выражением всяческой благодарности. В подобной беседе мы провели целый час, если не больше.

Великий князь с большим радушием показал мне свои одежды из золотой парчи, подбитые прекраснейшими соболями.

Затем мы вышли из того покоя и медленно прошли к столу. Обед длился дольше обычного, и угощений было больше, чем всегда. Присутствовало много баронов государя.

По окончании обеда мне предложили встать из-за стола и подойти к его высочеству, который громким голосом, чтобы все слышали, объявил мне о своем разрешении отправиться в путь; он проявил также большую дружественность по отношению к нашей светлейшей синьории. Я же поблагодарил его высочество, как полагается.

Затем мне была поднесена большая серебряная чаша, полная медового напитка, и было сказано, что государь приказывает мне осушить ее всю и дарует мне эту чашу. Такой обычай соблюдается только в тех случаях, когда хотят оказать высшую честь либо послу, либо кому-нибудь другому. Однако для меня оказалось затруднительным выпить такое количество – ведь там было очень много напитка! Насколько я помню, я выпил только четвертую часть, а его высочество, заметив, что я не в состоянии выпить больше, и заранее зная к тому же об этом моем свойстве, велел взять у меня чашу, которую опорожнили и пустую отдали мне. Я поцеловал руку его высочества и ушел с добрыми напутствиями.

Многие его бароны проводили меня до лестницы и облобызали с проявлениями большого доброжелательства.

§ 35. Так возвратился я домой и подготовил все для отъезда. Однако Марк пожелал, чтобы я отобедал у него, и поэтому 21 января [1477 г.] я с моими спутниками присутствовал на почетном обеде у Марка и затем распрощался с ним. Усевшись в наши сани, мы, с именем Божьим на устах, уехали [из Москвы].

Эти сани представляют собой нечто вроде домика, который везет одна лошадь. Они употребляются только в зимнее время, и каждому следует иметь отдельную [кибитку]. Усаживаются в

сани, укрывшись любым количеством одеял, и правят лошадью – и таким образом покрывают огромнейшие расстояния. Внутрь с собой кладут съестные припасы и все необходимое.

Патриарх Антиохийский, а именно брат Людовик[78], принятый великим князем, был отпущен ехать только благодаря моим стараниям при помощи Марка. Мы должны были отправиться вместе, но, заметив, что он не проявлял к этому никакого желания, я уехал один с моими спутниками. От государя мне был дан человек, который должен был меня сопровождать, причем великий князь приказал, чтобы по всей стране мне давали, от места до места, по одному такому [проводнику].

Вечером мы все расположились в очень ветхой деревеньке, тем не менее, хотя я и знал, что придется терпеть всевозможные неудобства и трудности из-за холодов и снегов, обычных в этих местах, и что придется ехать все время по лесам, – всякое неудобство казалось мне удобством, и я решительно ничего не боялся, настолько велико было мое стремление оказаться за пределами этих стран и избавиться от [здешних] обычаев. По этой причине я ни о чем другом не думал, как только о том, чтобы ехать и ехать, днем и ночью.

22 января[79] мы покинули ту деревню и ехали непрерывными лесами в сильнейшем холоде с указанного дня до 27 января, когда прибыли в городок, называемый Вязьма[80]. Уехав оттуда, мы продолжали брать проводников на отдельные участки пути.

Затем мы попали еще в один городок, под названием Смоленск[81], и отправились оттуда с новым проводником. Тут мы выехали из страны Московского великого князя и вступили в Литву, которая принадлежит Польскому королю Казимиру…

Пер. Е. Ч. Скржинской, М. Михайловского.

Текст воспроизведен по изданиям: Барбаро и Контарини о России. М. Наука. 1971, Библиотека иностранных писателей о России. Т 1. СПб. 1836

Перкамот Георгий
Сообщение о России, продиктованное в 1486 г. в канцелярии Сфорца московским послом Георгием Перкамотой

Заметка, содержащая сведения о делах и властителе России.

Когда славнейший господин бессмертной памяти герцог Галеаццо и пр. послал своего сокольничего Бьянко в области России, для того чтобы он посетил славнейшего господина великого герцога России и передал ему несколько охотничьих соколов (falconi pellegrini), этот великолепнейший и великодушный государь по имени великий герцог Иоанн, господин России, сын великого герцога Василия, не забыл об этой милости и прочной дружбе и в году 1485 в октябре направил в путь своего посла по имени Георгий Перкамота, по национальности грека, рыцаря и дворянина, некогда ушедшего из Константинополя, каковой в месяце июне 1486 г. приехал в Милан, чтобы от имени названного своего господина посетить славнейшего нашего господина герцога Джан Галеаццо и передать некие милостивые и полные любви слова от своего господина; он представил верительные грамоты, запечатанные покрытой золотом печатью, а также двое сороков прекрасных выделанных соболей и двух кречетов и несколько живых соболей, доставленных им и привезенных прямо из России, причем он уверял, что ехал по суше более чем три тысячи миль.

Когда этого посла спросили о делах этих областей и страны Российской и о его славнейшем государе, он говорил и утверждал, что земля России вся плоская, имеет в длину не менее двух тысяч миль и немногим меньше в ширину, и что она обильно населена и имеет множество больших городов, сел и деревень, и что он проехал верхом более тысячи двухсот миль по заселенным местам, направляясь в Италию, и что при других случаях он объехал верхом более тысячи пятисот миль, и всюду она населена настолько, что одно село или деревня так близко расположены от другого, что ходят за огнем из одного в другое; и он говорил, что вся страна Российская придерживается христианской веры, все жители крещены и соблюдают в своих обрядах греческий обычай, что его государь владеет несколькими новыми провинциями, приобретенными его покойным славнейшим отцом и им самим,

причем эти провинции по большей части языческие.

Он говорил, что в России есть большие города, среди прочих Володимир, город, весьма населенный и имеющий около шестидесяти тысяч очагов (fochi); он назвал и другие, имеющие каждый около тридцати тысяч очагов, а именно Новогродия, Пасковия и Моска, которая по латыни называется Московия, и последняя одна окружена стенами, построенными названным государем, живущим здесь большую часть времени, держащим здесь двор, и здесь же находится его архиепископ. Он сказал, что там есть много других городов, числом более 60, имеющих от 4 до 6, 8 и 10 тысяч очагов в каждом. Деревень и сел количество бесконечное, но все дома в этих краях сделаны из дерева, за исключением немногих, построенных для архиепископа, других епископов и прелатов и для государей и некоторых других более мелких господ, которые начали строить из камня и кирпича на итальянский манер (alla italiana); он говорил, что они переняли эту манеру от итальянских мастеров и инженеров (meistri et ingegneri).

Он говорил, что его государь весьма могуществен, имеет большие владения и хорошие доходы, превосходящие ежегодно миллион золотых дукатов, причем золотой дукат по цене и весу равен турецкому и венецианскому дукату, и что они употребляют также другие монеты из хорошего серебра, которых идет одной сто монет на дукат, а другой – 50, так же, как сольди и гросси. [Говорил], что некоторые провинции, в частности, языческие, платят в качестве дани (tribute) каждый год большое число соболей, горностаев и спинок, другие платят полотнами (tele) и другими предметами, необходимыми для потребления и жизни двора, и что все, вплоть до мяса, меда, пива (cervose), зерна и сена, потребляемых государем и другими принадлежащими ко двору, доставляется общинами (comunita) и провинциями по определенному распределению (limitatione) и установленному порядку, и что они полностью повинуются государю; что говорят они на русском языке (lingua de Rossia), который похож на словенский (schiavona) и на язык Богемии и Польши, с небольшими различиями, как между нами и испанцами и французами и жителями всех других близких к нам районов. [Говорил он также], что одеваются зимой они обычно в лисьи меха, особенно в их белые горла, и что этих мехов у них великое количество. В средние сезоны они употребляют более легкие меха, летом же – льняные ткани, из которых делают рубахи и другие одежды. Дворяне употребляют соболя и другие ценные меха, а в теплое время горностаев и спинки (dossi) мехом наружу, а кожей меха (cartha de la pelle) к рубашке, что дает возможность

сохранять свежесть (che vene ad tenere frescho). Шерстяные ткани, шелка, парчи и подобные материалы носят иностранцы, а именно – германцы и другие купцы, приезжающие из Венгрии, Греции и других отдаленных мест, но немцы начинают посещать их более других. [Говорил он], что в этой стране имеется громадное количество скота крупного и мелкого, что есть в ней очень большие пастбища и в продаже много дешевого мяса, а также кур, и что есть большие реки и озера, производящие много хорошей рыбы; что у них есть громадное изобилие зерна, так что в ряде мест из-за излишнего количества его собраны удивительные и поражающие запасы пшеницы и другого зерна, особенно в тех местностях, которые удалены от моря, так как там нет никого, кто мог бы взять его и отправить в другое место. Из напитков они употребляют пиво, сделанное чаще всего из ячменя (orzo), и мед с цветом (fiore de lovertise), что дает хороший напиток, которым они часто напиваются допьяна.

Границы России на востоке распространяются до Татарии и Кавказа (Cercasso), с юга и частично с запада она граничит Литвой, которая находится между Россией, Богемией и Польшей; на север от России простирается, по его словам, большая пустынная равнина (paese) и море-океан. Сказал он, что господин герцог России имеет двух братьев, одного по имени господин Андрей, другого по имени Борис (Borsio), и четырех сыновей, старший из которых зовется Иоанн, как отец; они имеют самостоятельные владения (signorie), держат отдельные дворы и имеют свои доходы, отведенные им названным господином великим герцогом, у которого есть еще трое других детей мужского пола. [Говорил он], что при его [герцога] дворе находятся четыре главных господина, избранных в качестве его советников, с которыми он советуется и управляет своим государством, и им дарованы земли, и юрисдикция, и первенство (preminentie), так что каждый из них держит пышный двор; и считая вместе с братьями, старшим сыном и с другими, получившими дарения (donatary), имеющими от него привилегии и содержание, всего имеется около 3 тысяч лиц, украшающих его двор, в то же время каждый из названных выше имеет и свой двор. Говорил он, что все дворяне держат большое количество рабов, кто 10, 12, кто 15 и 20, и держат множество коней, которых много продается, и можно содержать их с небольшими затратами, потому что там изобилие всего необходимого для жизни. [Говорил он], что когда этот господин герцог хочет выступить с конницей в какой-нибудь поход, через 15 дней в его распоряжение предоставляются в каждом городе и деревне намеченные и выделенные для него люди (по каждой провинции),

так что всего вместе собираются двести и триста тысяч коней, и что оплачиваются они общинами, городами и деревнями в течение всего времени, на которое названный их господин хочет их занять, и что в отдельных случаях может быть выставлено еще большее количество пеших, которых употребляет для защиты и охраны городов, и важных мест, и проходов, где должны проходить пехота и конница его, и для сопровождения обозов с продовольствием. Кроме того, что из своей страны [герцог] имеет большое количество конницы; татары, живущие у границы, дают ему еще множество конных. [Говорил он], что во время войны они пользуются легкими панцирями, такими, какие употребляют мамелюки султана, и наступательным оружием у них являются по большей части секира (scimitarra) и лук; некоторые пользуются копьем для нанесения удара; кроме перечисленного обычного оружия, после того, как немцы совсем недавно ввезли к ним самострел и мушкет, сыновья дворян освоили их так, что арбалеты, самострелы и мушкеты (stambuchine, balestre et schiopetti) введены там и широко применяются. [Говорил он], что государь очень любим и почитаем своими и со своими придворными он обращается с большой простотой и щедростью и иногда принимает вместе с ними пищу и развлекается тем, что заставляет их много пить, и что вино привозят ему из некоторых близлежащих стран, в которых оно родится, в первую очередь от немцев, и что государь имеет при дворе свои своры, постоянно держа их при себе, и в этих краях государи и дворяне очень любят ходить на охоту. В Милане, дня 28 июня 1486 г.

Пер. М. А. Гуковского.

Текст воспроизведен по изданию: Сообщение о России московского посла в Милан (1486 г.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР (Труды Ленинградского отделения института истории АН СССР, № 5), М. 1963

Гильбер де Ланноа
Путешествия и посольства (1413)

38. В Риге я нашел магистра Ливонского[82], государя Курляндии, который подчиняется магистру Прусскому, но не обнаружил там сборов в поход. При содействии указанного магистра я предпринял поездку в Новгород Великий на Руси. Я отправился к ландмаршалу, находившемуся в одном городе в семи милях [отсюда], возле города, называемого Зегевальд. От него я поехал дальше по Ливонии, от одного города к другому, через замки, усадьбы и коммандорства упомянутого магистра ордена, миновал большой укрепленный город по названию Венден, являющийся коммандорством и замком, расположенный на границе Руси и именуемый Нарвой; лежит он на реке Нарве, которая велика; от нее город получил свое название. И разделяет эта река здесь земли Ливонии и земли Руси, принадлежащие господам Новгорода Великого. И от Риги до Нарвы расстояние в восемьдесят миль. И на этом пути можно встретить людей, говорящих на четырех разных языках, – ливов, земгола, летов и эстиев. И едут по левую руку между Вейсенштейном и Нарвой вдоль Ливонского и Русского моря. Эти земли видно все вместе, когда плывешь по морю к упомянутому городу Нарве.

39. Оттуда я переправился через реку Нарву и вступил в страну Русскую. Там я сел на сани (sledes) по причине великого снега и холода. И был там в шести милях от Нарвы русский замок по названию Низлот[83]. И от Низлота я продвигался все время по Руси, минуя села и замки, расположенные в пустынных местностях, изобилующих лесами, озерами, реками, Вольдемарию, укрепленный город, Феллин, укрепленный город и коммандорство, Вейсенштейн, коммандорство и селение. А оттуда проехал через укрепленный город, коммандорство и замок, покуда не достиг города Новгорода Великого. А от упомянутого замка Низлот до Новгорода Великого расстояние двадцать четыре мили.

40. Новгород Великий – на диво большой город, расположенный на громадной равнине в окружении огромных лесов, в низине, среди вод и болот; и посередине этого города течет очень большая река, называемая Волхов. Город обнесен плохими стенами из плетня и земли, тогда как башни из камня. Это – вольный город, он имеет общинное управление. Есть здесь

епископ, который является как бы их владыкой. И держатся они, а равно все другие русские на Руси, которая весьма велика, христианского закона по их вере, такой же, как у греков. И внутри указанного города находится триста пятьдесят церквей. И есть у них замок, расположенный на упомянутой реке, в нем возведена главная церковь Св. Софии, которую они почитают; и там резиденция упомянутого их епископа.

41. Тоже. В этом городе проживает много великих господ, именуемых ими боярами. И там есть такой горожанин, на диво богатый и могущественный, который обладает земельными владениями в двести миль длиной. И русские Великой Руси не имеют других господ, кроме этих, [выбираемых] в свой черед по воле общины[84]. Деньги их представляют собой слитки серебра около шести унций весом, не имеющие клейма, ибо они вовсе не чеканят золотой монеты. В качестве мелкой монеты они используют головы белок и куниц. В их городе есть рынок, где они продают и покупают своих женщин, поступая по их закону, мы же, истинные христиане, не посмели бы этого делать никогда в жизни. И обменивают своих женщин одну на другую за слиток или два серебра, как договорятся, чтобы один возместил разницу в цене другому. Они имеют двух магистратов: тысяцкого (ung duc) и посадника (ung bourchgrave), которые являются правителями указанного города. Они сменяются ежегодно. И я посетил там епископа и указанных господ.

42. У женщин волосы заплетены в две косы, спускающиеся сзади на спину, у мужчин – в одну косу. В этом городе я пробыл девять дней, и упомянутый епископ присылал мне каждый день добрых тридцать человек с хлебом, мясом, рыбой, сеном, овсом, пивом и медом. Вышеупомянутые тысяцкий и посадник дали мне обед, самый необычный и самый удивительный из когда-либо виденных мной. В ту зиму было так холодно, что было бы занимательно рассказать о тамошних морозах, поскольку мне пришлось ехать по морозу.

43. Одно из чудес, производимых там морозом, состояло в том, что, когда едешь лесом, слышно, как замерзшие деревья трескаются и раскалываются сверху донизу. Там можно видеть, как комья конского помета, лежащие оледенелыми на земле, от мороза разлетаются вверх. И если ночью случалось спать в безлюдном месте, то утром мы находили бороду, брови и веки заиндевелыми от человеческого дыхания и все в льдинках, так что, проснувшись, с трудом удавалось открыть свои глаза.

44. Я видел другое чудо, производимое холодом: как в глиняном горшке с водой и мясом, поставленном на огонь однажды утром на пустынном озере, вода кипела на одной стороне и превращалась в лед – на другой.

45. Я видел другое чудо, произведенное холодом: две серебряные чаши весом в три труасские марки, которыми я набирал воду для питья ночью в озере подо льдом, примерзли к моим пальцам в то время, когда я держал их моими теплыми руками; когда же я их опорожнил и вложил одну в другую, они так смерзлись, что при поднятии одной приподнималась, в силу того, что примерзла, и вторая.

46. На рынке Новгорода Великого не продают ничего живого, ни рыбы, ни мяса свиней, ни овец, ни птицы никакой – все это забито и заморожено. И во всей этой стране водятся зайцы, совершенно белые зимой и совершенно серые летом.

47. Вооруженные силы всех господ Новгорода Великого составляют сорок тысяч конницы и без числа пехоты; они часто воюют с соседями, особенно с рыцарями Ливонии, и одерживали в прошлом победы во многих больших сражениях.

48. Покинув Новгород Великий, я отправился на санях – с целью посмотреть мир – под видом купца в другой большой город королевства и государства Русского, именуемый Псков. От упомянутого Новгорода до Пскова нужно проехать через огромные леса тридцать немецких миль.

49. Псков очень хорошо укреплен каменными стенами и башнями; и есть в нем огромный замок, в который никакой истинный христианин не может проникнуть под страхом смерти. И расположен этот город в месте соединения двух больших рек – Молде[85] и Псковы; он управляется самостоятельно, находясь в подчинении королю Московскому. И в то время, когда я там находился, их король находился в ссылке и изгнании в Новгороде Великом, где я его и видел[86]. И русские этого города носят длинные волосы, ниспадающие на плечи, а женщины круглый венец за головой, как у святых.

50. Покинув Псков, я, чтобы вернуться в Ливонию, поехал со всеми моими санями по реке Молде. По ней я достиг льда очень большого озера, именуемого Пейпус[87], длиной в тридцать миль и шириной в двадцать восемь миль; на этом озере находится

несколько островов, одни из них обитаемы, другие – нет. Я ехал по этому озеру, не встретив ни селения, ни жилища, четыре дня и четыре ночи и прибыл в Ливонию, в один очень красивый городок, именуемый Дерпт, который находится в двадцати четырех милях от Пскова.

Пер. О. Кудрявцева.

Текст воспроизведен по изданию: Великая Русь рыцаря де Ланноа // Родина, № 12. 2003

Часть вторая
Император русов Василий III Иванович

Мединский Владимир
«Киевское наследие» московского царя

В начале XVI века, накануне эпохи Ивана Грозного, Русское государство привлекает все более пристальное внимание государств, борющихся с турецкой агрессией. Священная Римская империя и папский престол ищут союзников. Только с императором Максимилианом с 1502 года по 1519 год у русских 11 раз осуществлялся обмен посольствами. С папским двором за это же время было не менее 8 контактов.

А для внешней политики Русского государства главный вопрос теперь – возвращение «Киевского наследия». То есть земель, что входили в состав Древнерусского государства до монгольского нашествия и оказались в руках правителей соседних стран: Литвы, Польши и Ливонии. В 1500 году начинается война с Великим княжеством Литовским, в 1501 году – с Ливонским орденом. Обе закончились в 1503 году подписанием выгодного для России перемирия.

И еще пара эпизодов, которые необходимы для понимания политического контекста, в котором в XVI столетии создавались сочинения иностранцев о России. Именно в том веке родился миф об ужасном Иване.

В 1507 году продолжилась схватка с Литвой. Военные действия начались по инициативе нового Польского короля Сигизмунда I. Он считал Василия III личным врагом, ведь русский государь претендовал на литовский трон, имея на это право по династической линии. Но Сигизмунду не пришлось порадоваться, что затеял драку с русскими. По итогам двух войн Россия окончательно закрепила за собой северские земли с Черниговом и вернула в 1514 году крупный и стратегически важный Смоленск.

Было ясно, что Литва и Ливония вскоре лишатся значительной части восточных земель. Не имея сил на военный отпор, их правители развернули то, что мы сегодня назвали бы «информационной войной против России».

Хитрый политик, глава Ливонского ордена Вальтер фон Плеттенберг повелел составить «Прекрасную историю» – своеобразное историческое сочинение, в котором прославлялось геройство рыцарей ордена. В нем главными противниками защитников Христовой веры объявлялись русские люди – схизматики и чуждые цивилизации варвары, управляемые жестокими и деспотичными правителями. В 1508 году это сочинение было закончено и издано. Оно широко

распространялось в европейских странах. На русский язык сей опус не был переведен.

Польский король Сигизмунд I поспешил внести свою лепту в очернение Русского государства в глазах европейцев после потери Смоленска. Он прекрасно знал, насколько смутны представления даже образованных жителей Европы о географическом положении Русского государства, его размерах, населении, городах, природных ресурсах и т. д.

На европейских картах второй половины XV века на месте нашей страны обозначались мифические Скифия, Сарматия, Гиперборейские горы, реки Ра, Танаис и Борисфен. На некоторых из них Русью называлось бывшее Галицко-Волынское княжество со столицей Львов. Размеры его рисовались намного больше, чем были на самом деле. На северо-востоке иногда значилась очень небольшая территория под названием Белая Русь. Под ней и подразумевалась Московия.

В 1517 году по заданию короля известный польский ученый Матвей Меховский написал «Трактат о двух Сарматиях». Как ни странно, в исторической литературе распространено мнение, что данное сочинение имело чисто просветительские цели. Якобы оно было создано для восполнения пробелов в представлении европейцев о Русском государстве.

Меховский. «Трактат о двух Сарматиях»

«…у Сарматских гор[88] живет народ русский, во главе которого стоят знатные люди из поляков – в Коломые, Жыдачуве, Снятине, Роатине, в Буско и пр. У этих же гор находятся округа – Галицийский, некогда называвшийся Галлицией, и Премысльский, а среди гор Сарматских – округ Саноцкий. По направлению к центру Руссии лежит Львовская земля, а в ней хорошо укрепленный город того же имени с двумя замками – верхним и нижним. Это – столица Руссии. К северу идут округа Холмский, Луцкий и Бельзенский. Львовская же земля в центре.

Ограничена Руссия с юга – Сарматскими горами и рекой Тирасом, которую жители называют Днестром; с востока – Танаисом[89], Меотидами[90] и Таврическим островом[91]; с севера – Литвой, с запада – Польшей.

Знаменитая река Борисфен, называемая жителями Днепром, течет из Московии, проходит через Литву и

Руссию под Смоленск и Киев…

Русская земля, будучи и вообще плодородной, особенно богата медом и медоном, питьем из меда. Привозят туда и вино из Паннонии, а также из пограничных Молдавии и Валахии, привозят и греческое крепкое вино из Греции; пива у них вдоволь.

Страна богата конями, быками и стадами овец, имеет воск в большом количестве, изобилует мехами куниц, белок, лисиц и бычьими кожами. Она обильно орошается реками, имеет много рыбных вод, так что, где только есть вода, там в ней и рыба. Рыбу не разводят у руссов в прудах и рыбных садках, а повсюду там, где есть вода, в ней появляется рыба, посылаемая, как говорится, с небесной росой, без всяких людских забот и без разведения.

В Львовском округе есть достойные упоминания большие щуки, легко делящиеся на куски полосами.

Руссия изобилует пахучим тростником в местах поближе к Танаису и Меотидским болотам, а также ревенем – там же и в Литве, да и еще многими травами и кореньями, не встречающимися в других местах. Русская земля повсюду изобилует красящими растениями, в массе там встречающимися, но тогда как в прежнее время их вывозили оттуда в итальянские города Геную и Флоренцию, теперь лишь небольшую часть их собирают, и почти все напрасно гибнет несобранным.

В Холмском округе срубленные и лежащие на земле сосновые ветви в течение года или двух превращаются в кремнистые камни. Там много мела или белой земли, ввозимой к нам. Есть и соль; ее в сухое время собирают на озере Качибейском, а так как недалеко оттуда находится татарский замок Очарков, то иногда возчиков соли перехватывают и берут в плен татары вместе с двумястами, а то и тремястами возов. В Премысльской земле и в Дрогобыче варят соль, собирают и хранят ее кусками и определенными мерами.

В Руссии много вероисповеданий. Есть христианская религия, подчиненная римскому первосвященнику. Это господствующая и преобладающая, хотя представители ее немногочисленны. Другая вера, русская, следующая греческому обряду, более распространена и охватывает всю Руссию. Третья вера – иудейская; ее сторонники иудеи – не ростовщики, как в христианских землях, а ремесленники, земледельцы или крупные купцы, часто держащие в своих руках общественные подати и налоги.

Четвертая вера – армянская, преимущественно в городах Каменце и Львове. Армяне – весьма опытные купцы, доходящие с товарами до Каффы, Константинополя, египетской Александрии, Алькаира и стран Индии.

В одежде и церковной службе русские следуют грекам. У них есть свое письмо и алфавит по образцу греческого, очень с ним сходный».

«Трактат о двух Сарматиях» был первым в европейской исторической науке трудом, посвященным истории стран Восточной Европы с древнейших времен до начала XVI века. В течение всего XVI века и даже в XVII веке этот труд сохранял свою популярность среди читающих и образованных людей. Первый раз «Трактат», написанный на латыни, был опубликован в 1517 году в Кракове. В XVI веке он 16 раз переиздавался, в том числе на польском (1535, 1541, 1545 гг.), немецком (1518, 1534 гг.) и итальянском (1561 г.) языках. На латыни эта книга несколько раз выходила в Париже, Базеле и Вене. Это сочинение оказало большое влияние на произведения о Русском государстве других авторов.

Меховский

Матвей Меховский родился в 1457 году в семье польского мещанина в Мехове близ Кракова. От названия этого городка ученый и получил свое прозвище.

В 1473 году поступил в Краковский университет. Первое время он интересовался философией, потом увлекся медициной. В 1479 году ему было присвоено звание магистра. После этого его пригласили преподавать сначала в немецком (в Праге), а потом итальянских (в Болонье и Падуе) университетах. Там он продолжил изучение медицины.

После защиты докторской диссертации по медицине Матвей вернулся в Краков. Здесь с 1485 года он стал профессором местного университета, а в 1501 году был избран ректором и исполнял эту должность до 1519 года. В том же 1501 году он стал придворным лекарем Сигизмунда I. Для членов королевской фамилии Меховский являлся достаточно близким человеком.

В Кракове горожане его уважали, неоднократно избирали в члены городского совета. Он активно занимался благотворительностью, был богат, имел свой дом. Умер 8 сентября 1523 года в Кракове.

Матвей Меховский был ученым человеком, но отнюдь не историком. В гуманитарной сфере какими-то поверхностными сведениями он обладал только по философии. Но при этом взялся за составление фундаментального и сугубо исторического сочинения – «Трактата о двух Сарматиях».

Не являясь ни путешественником, ни историком, Матвей был вынужден пользоваться чужими трудами. Многие свои источники он называл сам. Это труды Геродота, Аристотеля, Птолемея, Тацита, Светония, Иосифа Флавия, Плиния и многих других. Всего около 20 авторов, в их числе и польский историк Длугош.

Текст «Трактата» оказался сбивчивым, без внутренней стройности, с целым рядом повторов. Это свидетельствовало о поспешности работы и плохом знакомстве с материалом.

Автор обозначает своей целью рассказать читателям о неизвестных народах. К ним он почему-то причисляет и русских, хотя с ними Польско-Литовское государство имело многовековые связи. Представители династий Польских королей и литовских великих князей из поколения в поколение заключали браки с русскими княжнами. Незадолго до появления «Трактата» умерла Елена – дочь Ивана III и супруга великого князя Литовского, а потом и Польского короля Александра. Именно ее брак давал Василию III право считаться наследником польского трона.

«Трактат» писался не для поляков и литовцев. Он создавался для тех европейцев, которые имели смутное представление не только о Русском государстве из-за его удаленности, но и о Польше с Литвой.

Меховский. «Трактат о двух Сарматиях»

«Еще есть в Литве и Московии весьма прожорливое и бесполезное животное, не встречающееся в других местах, по имени россомаха. Величиной она с собаку, с кошачьей мордой, телом и хвостом похожа на лисицу, черного цвета; питается трупами. Найдя труп, так наедается, что раздувается и растягивается, как барабан. Тогда она ищет тесное и узкое место между деревьями, входит туда, протискиваясь с усилием, чтобы насильно съеденное насильно и извергнуть. Потощав таким образом, снова бежит к трупу и снова до отказа наедается, а потом опять повторяются те же усилия и возвращение к мертвецу, пока, наконец, она не покончит с

ним, сожрав его совершенно.

Может быть, природа создала в тех странах столь ненасытное животное в укор людям, страдающим такою же прожорливостью.

Дело в том, что там, когда знатные и богатые начинают пировать, то сидят с полудня до полуночи, непрерывно наполняя брюхо пищей и питьем; встают из-за стола, когда велит природа, чтобы облегчиться, и затем снова и снова жрут до рвоты, до потери рассудка и чувства, когда уже не могут отличить голову от зада.

Таков гибельный обычай в Литве и Московии, а еще более бесстыдно существует он в Татарии.

Есть еще в тех странах – в Литве, Московии и Татарии – исконный обычай продавать людей: рабы продаются господами, как скот, и дети их, и жены; мало того, бедные люди, родившиеся свободными, не имея пропитания, продают своих сыновей и дочерей, а иногда и сами себя, чтобы найти у хозяев какую-нибудь, хоть грубую пищу».

Произведение Меховского состоит из двух книг. В первой повествуется о Сарматии Азиатской: о появлении татар и турок, их происхождении, о народах, живших до них на этой территории. На первый взгляд, в этой части не должно быть сведений, относящихся к Русскому государству. Однако они обнаруживаются и носят весьма странный характер. Так, при объяснении, что представляет собой Европейская Сарматия, автор дает следующую информацию: на ее территории живут руссы или рутены, литовцы, моски, нугарды и плесковиты; столицей Руссии является Киев. Под москами подразумеваются москвичи, под нугардами – новгородцы, под плесковитами – псковичи.

У читателя складывается впечатление, что жители Московского княжества были особым племенем и носили название моски. «Настоящие» же русские люди жили на юге, и их столицей был Киев. Новгородцы и псковичи также представлялись отдельными племенами. Называя жителей окрестностей Москвы особым именем, которого у них никогда не было, Меховский, судя по всему, хотел подчеркнуть, что какой-либо связи с собственно русскими (в его понимании) людьми у них нет[92].

Это должно было убедить читателей, что московские государи без всякого основания вставили в свой титул «всея Руси» и назвали свое государство Русским. Первым это сделал Иван III.

Небольшое отступление. Когда листаешь пухлый труд пана

Меховского, не оставляет странное ощущение, что держишь в руках нечто злободневное. И когда понимаешь, что именно он напоминает в сегодняшнем мире, все встает на свои места. Конечно же, это «изыскания» современных украинских историков-пропагандистов! Та же беспардонность в обращении с фактами, тот же безбрежный простор для фантазии, та же дремучесть, помноженная на лживость. Да и цели, в общем, сходные.

Отвечу сразу всем панам, которых разделяет половина тысячелетия.

Из всех русских летописей хорошо известно, что территория Московского княжества всегда входила в состав Древнерусского государства. Его с древнейших времен населяли такие же русские люди, как и Галицко-Волынские земли. Самостоятельным государственным образованием Московское княжество стало при младшем сыне Александра Невского Данииле, а возвысилось при его внуке Иване Калите. Все эти князья являлись потомками легендарного Рюрика и имели права на созданное его потомками государство.

Никогда не существовало ни москов, ни плесковитов, ни ноугаров. Все эти названия для жителей русских городов просто-напросто придуманы Меховским, чтобы уверить читателей в том, что русские люди не являлись единым народом, создавшим когда-то самое большое в Европе государство. По его утверждению получалось, что Древняя Русь представляла собой конгломерат различных, даже не родственных племен.

Во второй книге «Трактата» наиболее подробно описывается Сарматия Европейская. Первая ее часть посвящена Руси в понимании Меховского, Литве и Самогитии (Жемайтии), вторая – Московии. Как видим, Русь вновь отделена от Московии и помещена на юго-запад как территория, подчиняющаяся Литве.

Руссия, или Роксолания, по утверждению Меховского, находится у Сарматских гор. Под ними он подразумевал Карпатские горы. На ее территории живет русский народ, который управляется польской знатью. Другое название этой территории – Галиция (даже не знаю, как к этой исторической «новости» отнесутся «свидомые украинци» – возрадуются или возопят?). Русской столицей, как вы уже прочитали выше, является Львов, другие наши города: Холм, Луцк, Белз. Местность богата солью, медом (?), хорошей рыбой и зверями с ценным мехом. Жители говорят на сербском и славянском языках, исповедуют католичество, православие, иудаизм и армянскую веру (разновидность христианства). Пьют настойку из меда, пиво и греческое или валашское (молдавское) вино (сведения о спиртных напитках, видимо, были обязательны для подобного

рода трактатов о русских людях).

История Руссии и Литвы представлена в «Трактате» довольно смутно. Русские люди якобы презирали литовцев, поэтому некий Витенен поднял восстание (под ним, видимо, подразумевается литовский князь Витен, княживший около 1295–1315 гг.). Но князь Конрад Мазовецкий, по утверждению Меховского, покорил литовцев. Правда, об этом князе известно, что он умер в 1247 году, т. е. задолго до появления Витена.

В итоге из сочинения Меховского вообще невозможно понять, как образовалось Великое княжество Литовское. Странным представляется и объяснение его названия – от слова Италия, якобы искаженного местными жителями. Крайне запутанная история Литвы нужна была Меховскому для того, чтобы представить ее правителей вассалами Польских государей и доказать, что их потомки не имеют прав на самостоятельное государство.

К числу знаменательных событий в истории Литвы Меховский отнес лишь покорение княжеств Плесковского (т. е. Псковского), Новгородского и Смоленского великим князем Витольдом (Витовтом). Дат он не указал.

На самом деле ни Псков, ни Новгород Великий никогда не являлись княжествами и никогда не были владениями великого князя Литовского. Все нападения Витовта на Псков оказались неудачными[93]. А единственный поход Витовта на Новгород в 1428 году закончился лишь тем, что новгородцы заплатили ему большую контрибуцию.

В Новгородской четвертой летописи это событие описано так: «В лето 1428. Поиде князь Витовт к Великому Новгороду ратью, рек тако: „Назвали мя есте изменником“; и ста у Порхова, и порховичи кончаша за себя 5000 рублей. И ту из Новгорода приеха владыка Еуфимий, а с ним послы новгородцкие, и докончаша другую 5000 серебра, а шестую тысячу на полону». В ответ Витовт обещал не разорять новгородскую территорию и вернул пленных. Аналогично этот поход представлен и в «Хронике» Длугоша, которая, видимо, являлась главным источником Меховского.

Завоевание Пскова и Новгорода было просто им выдумано. Ни в одном источнике нет данных о том, что эти города хотя бы короткое время принадлежали Литве.

Достижением Витовта был лишь захват Смоленска в 1395 году. В 1401 году смоленскому князю Юрию Святославичу удалось на время отбить свои владения, в 1404 году великий князь Литовский с большим войском окончательно завоевал Смоленск. Законный правитель княжества был вынужден бежать в

Москву под защиту Василия I[94].

По жене Юрий Святославич состоял в родстве и с великим князем Литовским, и великим князем Московским. Борьба за Смоленск шла как бы между членами одной семьи. Права на него были и у Витовта, и у Василия I, а еще больше – у его сына Василия II, приходившегося по матери внуком великому князю Литовскому. Но в «Трактате» об этом ничего не говорится.

Меховский стремился доказать, что московские князья незаконно отняли и присоединили к своим владениям принадлежащие Литве территории. По его утверждению, в самые последние дни правления Польского короля и великого князя Литовского Казимира IV (1458–1484 гг.) Иван III отнял и присвоил себе княжество Новгородское – Нугардию или Новогардию. Затем при Сигизмунде I (1506–1548 гг.) Василий III завоевал и занял княжество Псковское – Плесковое, и княжество Смоленское.

Автор трактата обвинил московских правителей даже в том, что при великом князе Литовском Александре (1492–1506 гг.) они якобы отняли у него огромное Можайское княжество, имевшее 70 миль в длину и ширину и 40 крепостей (по расчетам Меховского, 70 миль составляло расстояние от Риги до Вильно-Вильнюса).

На самом деле это княжество было существенно меньше, в нем вообще не было крепостей, и оно никогда не находилось под властью Литвы. Проведем специально для пана Меховского небольшой экскурс в историю княжества Можайского.

До середины XIII века город входил в состав Смоленского княжества и по завещанию князя Ростислава Мстиславича был передан во владение его младшему сыну Федору. Тот женился на ярославской княжне и стал одновременно и ярославским, и можайским князем. После его смерти в 1299 году город перешел в собственность его наследников, ярославских князей. А с 1304 года небольшой городок с окрестными землями окончательно перешел под власть князей московских.

В 1389 году по завещанию Дмитрия Донского он стал владением одного из его младших сыновей Андрея. Тот в свою очередь передал его своему сыну Ивану. Во время феодальной междоусобицы середины XV века этот князь стал союзником узурпатора Дмитрия Шемяки, боровшегося с великим князем Василием II Темным. Шемяка потерпел поражение, и Иван Андреевич в 1454 году был вынужден бежать с семьей в Литву. Сохранить за собой Можайское княжество он не мог: Иван Андреевич был государственным преступником, боровшимся с законной властью[95].

Меховский же уверял читателей, что Можайское княжество

всегда было литовским, но Иван III отнял его. Ни в русских, ни в литовских письменных источниках – ни в одном! – таких данных нет, и взять их поляк мог только из собственной головы. Зато дипломатические документы Великого княжества Литовского сообщают, что в 1494 году между великим князем Александром и Иваном III был подписан договор, по которому небольшие спорные приграничные территории в районе Можайска переходили от Литвы к Москве. Вероятно, при желании они стали бы доступны ученому поляку, но ему очень нужно было обвинить московских князей в очередном агрессивном акте.

Итак, на этом с Можайском покончили. Но есть «субъекты федерации» и покрупнее.

В «Трактате» Псковские и Новгородские земли называются княжествами. Но Псков и Новгород с момента основания, теряющегося в глубине веков, были вольными городами-республиками, управляемыми вечем. Князья приглашались только охранять границы и торговые пути, поддерживать порядок и вершить правосудие. За что получали оговоренную плату. Со второй половины XV века две эти феодальные республики все больше подпадали под власть великих князей Московских, а потом окончательно потеряли независимость.

Ошибку Матвей Меховский допустил умышленно. Называя Новгород и Псков княжествами, он давал понять, что они принадлежали князьям, которые в них правили. А поскольку некоторые из них были литовцами по происхождению, то это, по мнению автора «Трактата», подразумевало подчинение Литве и самих городов.

Между тем приглашенные князья даже не имели права иметь земельные владения в их окрестностях и по окончании договора, а иногда и раньше, обязаны были покинуть эти города. В летописях зафиксировано множество случаев, когда новгородцы изгоняли одних князей и приглашали других[96], так как были полностью свободны в выборе князя. Несколько приглашенных литовских князей после истечения срока договора вернулись на родину. Что не помешало Меховскому обвинить московских князей в незаконном захвате Новгорода и Пскова – вместе со Смоленском.

В том, что в 1514 году после ряда походов Василий III взял Смоленск, для европейских монархов ничего сенсационного не было. Они сами постоянно сражались с соседями за спорные земли. Но организованный жуликоватым гением польского просветителя «факт», что это была уже четвертая большая территория, отторгнутая у Литвы, наводил на размышления. Естественно, об исключительной агрессивности и чрезмерном

аппетите московских правителей.

На фоне постоянной агрессии со стороны Турции в XV и XVI веках информация о завоевательных походах московских государей против Литвы невольно заставляла читателей «Трактата» проводить параллели. К сходству между турками и «москами» и подталкивал Меховский.

В «Трактате» явный вымысел перемешан с вполне достоверной информацией – обычный прием, чтобы завоевать доверие читателя. Меховский писал, что Новгород – большой город, что все дома в нем деревянные, что живущие там купцы – очень богатые люди. Это было правдой, и об этом, несомненно, знали многие европейцы. Но при этом Меховский утверждал, что у новгородских купцов были подвалы, наполненные золотом, серебром и драгоценными камнями, которые хранились там без счета. После захвата Новгорода Иваном III все эти богатства якобы были вывезены в Москву на 300 возах.

Данные об огромных богатствах новгородских купцов были большим преувеличением, как и способ их отъема. Даже трудно представить длиннющий обоз из телег, наполненных золотыми и серебряными изделиями и россыпями драгоценных камней.

О том, насколько были богаты купцы, можно судить по их завещаниям. До нас дошли несколько духовных грамот состоятельных новгородцев, живших в конце XV – начале XVI веков. Из духовной Степана Лазарева, написанной в 1473 году, становится известно, что все его имущество составляли несколько деревень с крестьянами, скот и деньги. Никаких драгоценностей у него не было. Даже у боярина Ивана Ивановича Салтыка в духовной указаны только села, кони, меха и деньги. У одного лишь Леонтия Дмитриева, жившего в начале XVI века, были ценные золотые и серебряные изделия, которые он оставил трем дочерям. В его завещании значатся 9 икон, писанных на золоте и украшенных серебром. Все остальное имущество – это деньги, амбары с зерном, соль, шубы, одежда и металлическая посуда.

Данные Меховского об огромных богатствах, вывезенных Иваном III из Новгорода, повторялись потом во многих сочинениях иностранцев. 300 возов произвели впечатление и хорошо запомнились.

Вымыслом Меховского был и рассказ о том, как в Новгороде осуществлялись правосудие и наказание. Якобы сначала сто сенаторов выносили вердикт о виновности того или иного лица… А потом присутствующие забивали его камнями и отправлялись грабить его имущество. На самом деле судебными делами в Новгороде занимались либо князья, либо посадники. При вынесении вердикта о виновности или невиновности и способе

наказания они ориентировались на статьи судебника, который существовал еще со времен Ярослава Мудрого и постоянно дополнялся и корректировался. С 1497 года судьи пользовались общерусским Судебником.

В то время далеко не все европейские страны имели законодательные кодексы своего национального права. В Русском же государстве судебная система была развита достаточно хорошо. Суды были государственными – центральные и вотчинными – местные, были также церковные. Никакого самоуправства нигде не наблюдалось.

Демонстрируя свою осведомленность, Меховский назвал точное число новгородских монастырей (7) и монахов, проживавших в них (от 1 000 до 400). На самом деле монастырей было в несколько раз больше, около 40, а монахов в них – намного меньше. В некоторых обителях жили буквально несколько иноков, в крупных и прославленных монастырях могло быть чуть больше ста монахов.

Характерно, что, говоря о дурных поступках литовцев – пьянстве, обжорстве (до рвоты), продаже детей в рабство – автор «Трактата» постоянно подчеркивал, что этим же отличались и моски. Исследователи обнаружили, что сведения взяты из «Хроники» Длугоша. Но в ней все отрицательные качества приписывались только литовцам! Автор «Трактата» умышленно оклеветал жителей Московии.

Описание Новгорода, Пскова и Смоленска Матвей вставил в первую часть второй книги, которая рассказывала о Литве. Так он пытался утвердить у читателей мысль, что все эти города являлись исконно литовскими территориями.

Собственно Московии посвящена вторая часть второй книги «Трактата о двух Сарматиях». Желая в очередной раз показать свою осведомленность, автор сообщил расстояния между различными населенными пунктами. И опять мимо. От Смоленска до Москвы было не 500, а 378 верст, от Москвы до Вологды было не 500, а 438, от Москвы до Владимира – не 85, а 175.

Не соответствовали реалиям XVI века данные о количестве воинов в тех или иных городах. По утверждению Меховского, в Твери было 40 тысяч бойцов, в Москве – только 30 тысяч. Но в начале XVI века Тверского княжества не существовало, а тверская знать уже служила в Москве.

Ошибся польский ученый и в названии храмов в Кремле. Главного собора в честь святого Николая там не было, как не было и 13 деревянных церквей. Главные кремлевские соборы – Успенский, Архангельский и Благовещенский, – а также храмы

кремлевских монастырей, Спасского, Чудова и Воскресенского, строились из камня. А Никольские церкви располагались за пределами Кремля: на Яузе, в Китай-городе, за Москвой-рекой, на Неглинке. Можно предположить, что Меховский узнал от польских или литовских послов о том, что в 1506 году Василий III построил кирпичный храм в честь Николы Гостунского на месте старой деревянной церкви, и решил, что именно он и стал главным культовым сооружением в Москве. Ошибка, которая еще раз свидетельствует об уровне осведомленности автора «Трактата».

В качестве напитков в Московии Меховский называет воду, мед и квас. Но при этом замечает, что во время холодов, чтобы не замерзнуть, многие употребляют жгучую жидкость, настоянную на пряностях, или спирт, полученный после перегонки меда. О наличии таких крепких напитков в Московском государстве в это время никто, кроме него, не сообщал, а сам ученый поляк у нас не был. Он приписал москвичам то, что употребляли в Польше и Литве.

Меховский вслед за Контарини сообщил, что великий князь Иван III установил запрет на ежедневное употребление и изготовление спиртных напитков в домашних условиях. Но в «Трактате» это изложено так, чтобы свидетельствовать о деспотизме московских государей, во всем ограничивающих своих подданных. То же касается и свободы передвижения. По воле правителей, подчеркивал ученый поляк, людей часто переселяли с места на место, а за границу им выезжать запрещали.

В Русском государстве действительно существовал запрет на свободный выезд за границу. Находясь во враждебном окружении, страна была вынуждена держать границу на замке. Но купцы получали разрешение на поездки за рубеж и вели активную торговлю со странами Востока, Литвой, Крымом, Турцией, ганзейскими городами.

А вот практики переселять население из одной части страны в другую у московских государей не было. Только после присоединения Новгорода и Пскова некоторые купцы из этих городов были вывезены в центральные районы, а на их место были отправлены москвичи. Так пресекались сепаратистские наклонности.

Представляя москов людьми, далекими от цивилизации, Меховский сообщил, что они пашут землю без применения железных орудий. Боронами им служат ветви деревьев. На самом деле плуг с железным лемехом был известен на Руси достаточно давно. С XIV века он активно использовался в сельском хозяйстве.

В заключительной части «Трактата» автор сообщает о покорении Иваном III северных областей Скифии: Перми, Югры, Башкирии, Карелии, где, по его утверждению, жили дикие язычники, убившие посланного к ним христианского миссионера. При этом Меховский спорит с античными историками и географами относительно наличия в этой местности гор, людей с необычной внешностью, духов и демонов.

Некоторые исследователи полагают, что именно эта часть «Трактата» – главная, поскольку цель автора якобы состояла в критике географических представлений немецкого гуманиста XV века Энея Сильвия Пикколомини. Однако тогда получается, что о главном Меховский вспомнил лишь в заключительной части своего сочинения. При этом на протяжении всего текста он целенаправленно сообщал либо устаревшую, либо искаженную, либо отрицательную информацию о Русском государстве. В его изложении Московия была маленькой раздробленной страной, населенной москами и полудикими северными народами. Управлялась она агрессивными и деспотичными государями, похожими на турецких султанов.

Очернить их в глазах европейской общественности решили с помощью трактата, имевшего наукообразную форму и потому не вызывавшего отторжения у образованных людей. В результате сочинение, которое содержало умышленно искаженную и лживую информацию о Русском государстве, стало главным источником сведений о России в первой половине XVI века.

Меховский. «Трактат о двух Сарматиях»

«Москва – столица Московии. Это довольно большой город: вдвое больше тосканской Флоренции и вдвое больше, чем Прага в Богемии…

Москва вся деревянная, а не каменная. Имеет много улиц, притом, где кончается одна улица, не сразу начинается другая, а в промежутке бывает поле. Дома также разделены заборами, так что непосредственно не примыкают друг к другу. Дома знати большие, дома простых людей низенькие.

Посередине города, под его замком течет река того же имени, что и город Москва. По величине она равна Мультаве в Праге или Арно во Флоренции.

Замок, находящийся на равнине в середине города, хороший, каменный, такой же величины, как Буда в

Венгрии, имеет три стрельницы, а считая вместе с ними, всего семнадцать больших башен, покрытых черепицей, но стена там всего одна.

В этом замке шестнадцать церквей. Из них три каменных, именно св. Марии, св. Михаила и св. Николая, остальные из дерева. Княжеский дворец в этом замке каменный, выстроенный по итальянскому образцу, новый, но тесный и небольшой; три здания советов знати тоже из камня, другие дома построены из бревен, избы все обычные жилые.

Другие города москов меньше, и замки там меньше, и все сооружено из бревен.

Вообще область Московская равнинна; так же, как Литва, богата рощами и лесами, водой и реками, рыбой и зверем, но севернее и холоднее Литвы, отчего и крупный, и мелкий скот тут мельче и без рогов, как будто тоже из-за холода; люди же высокого роста и сильного сложения.

Пьют они воду, а также мед и квас, то есть напитки, приготовленные на закваске.

Пашут и бороздят землю деревом без применения железа и боронят, таща лошадьми по посеву древесные ветви. Из-за сильных и долгих морозов там редко вызревают нивы, и поэтому, сжав и скосив урожай, они в избах досушивают его, выдерживают до зрелости и молотят.

Они часто употребляют горячительные пряности или перегоняют их в спирт, например, мед и другое. Так, из овса они делают жгучую жидкость или спирт и пьют, чтобы спастись от озноба и холода: иначе от холода они замерзли бы».

Возможно, в рамках полемики с «Трактатом» в Русском государстве было написано «Сказание о князьях Владимирских», в котором четко прослеживались родственные связи владимирских и московских великих князей с правителями Киевской Руси. Это позволяло на абсолютно законных основаниях бороться за земли предков. Прописано было в этом произведении и родословие литовских князей – от безродного конюха князя Витенца Гегименика (Гедимина), женившегося на княжеской вдове.

Для европейских читателей «Сказание о князьях Владимирских» осталось неизвестным, поскольку было написано на русском. В то время международным языком считалась латынь, которой в совершенстве владел врач Матвей Меховский.

Он выполнил свою задачу, создав образ полудикой и варварской страны. Но на некоторых прагматичных политиков его труд произвел эффект, обратный ожидаемому. Автор, сам того не желая, представил русского государя Василия III очень могущественным правителем, который с легкостью отнял огромные территории у Польского короля и вывез невероятные богатства из Новгорода. В Европе искали сильных союзников в борьбе с турецкой агрессией, и дружить с Василием получалось выгодно.

Одним из первых это осознал церковный деятель Альберт Кампенский (Кампензе). Свои соображения он изложил в письме к Римскому папе Клименту VII (1523–1534 гг.), которое приблизительно датируется 1524 годом.

Кампензе

Об Альберте Кампенском известно, что по национальности он был голландцем и родился в 1490 году в городе Кампея (отсюда и прозвище). Получив хорошее образование, в 1509 году он стал магистром теологии и искусств, затем защитил докторскую диссертацию по теологии.

В 1522 году папа Адриан VI пригласил его в Рим, где молодой ученый выполнял ряд важных миссий. В 1531 году он ездил в Венгрию, чтобы вручить священный меч королю Фердинанду I, возглавившему крестовый поход против турок. В 1535 году участвовал в религиозных диспутах против протестантов. Альберт Кампенский известен как автор книг по теологии, астрономии и географии.

Умер он 26 декабря 1542 года.

Письмо Альберта папе посвящено присоединению Русского государства к антитурецкой коалиции. В виде отдельного произведения это письмо было опубликовано в Вене в 1543 году, потом в 1559 году переиздано. Европейские читатели имели возможность ознакомиться с его содержанием. На русский язык его впервые перевели в 1836 году.

Сам Альберт Кампенский никогда не был в Московии, но многое почерпнул из рассказов своего отца и братьев, которые были у нас частыми гостями. А главным источником для автора был «Трактат о двух Сарматиях» Меховского. Именно из этого произведения Кампенский взял имя моски для жителей Русского государства, Москов – для их страны. В других сочинениях Русское государство более уважительно называлось Московией

(например, в труде Контарини), а жители – русскими людьми. Из «Трактата» Кампенский почерпнул данные о том, что руссы и литовцы были подданными Польского короля. Использовал он и неправильные расстояния между русскими городами.

Полностью доверяя сведениям Меховского, Кампенский утверждал: «В действительности Русь находится под властью Польши. Ошибаются те, кто считают и называют московитов руссами или рутенами, хотя московиты соблюдают те же обычаи, что и руссы. Империя московитов весьма пространна и включает множество больших княжеств и областей».

Последнюю фразу Кампенский, видимо, заимствовал у какого-то другого автора. В «Трактате» Русское государство было представлено небольшим и состоящим из разрозненных частей. Повторив «креатив» Меховского о том, что Псков, Новгород и Можайск были первоначально литовскими княжествами, Кампенский не стал осуждать московских государей за их завоевание. А, напротив, представил это свидетельством могущества московитов. Он даже слегка преувеличил данные Меховского о вывезенных Иваном III богатствах Новгорода – вместо 300 возов указал 307.

Когда Кампенский высказал мнение о важности союза Римских пап с Василием III, его не беспокоило, что Польский король, ревностный католик, пострадал от военных акций московитов.

Желая представить Русское государство в максимально выгодном свете, Альберт взял из сочинения Контарини сведения о большом количестве всевозможных товаров в Московии, которые почти ничего не стоят, и о красивой внешности ее жителей. Упомянув об их склонности к пьянству, Кампенский подчеркнул, великий князь запретил употребление спиртных напитков, кроме нескольких раз в году. Это, по мнению католического деятеля, наилучшим образом характеризовало и московского государя, и его подданных. По его убеждению, московиты лучше следовали христианским заповедям, чем европейцы.

Совершенно очевидно, что эти сведения Альберт получил от своих родственников, достаточно долго живших в Москве и занимавшихся торговлей в России. Они были далеки от политики, и это только повышает доверие.

Кампензе. «Письмо к папе Клименту VII о делах Московии»

«Все многочисленные племена, подвластные московитянам (за исключением казанских татар, исповедующих, наравне с прочими татарами, магометанскую веру, и некоторых скифских народов, поклоняющихся идолам) веруют в единого Бога, признают Христа Спасителя и отличаются от нас только тем, что отвергают единство церкви. Существенная же разница между их вероисповеданием и нашим состоит в немногих догматах, которые, впрочем, сами по себе не слишком важны для душевного спасения и могут, по собственным словам апостола, скорее быть терпимы, чем искореняемы жестокостью или поставляемы в грех людям, не совсем еще утвердившимся в вере. Во всем прочем они, кажется, лучше нас следуют ученью евангельскому. Обмануть друг друга почитается у них ужасным, гнусным преступлением; прелюбодеяние, насилие и публичное распутство также весьма редки; противоестественные пороки совершенно неизвестны, а о клятвопреступлении и богохульстве вовсе не слышно. Вообще они глубоко почитают Бога и святых Его и везде, где только встретят образ Распятого, немедленно падают ниц с сердечным благоговением.

Московитяне причащаются весьма часто (почти всякий раз, когда собираются в церковь) и употребляют для сего хлеб кислый, принимая святые дары под двумя видами. Служб у них немного и не по нескольку вдруг; но один священник, отправляющий служение, приобщившись сам Тайн Христовых, выносит к народу, в церкви находящемуся, сосуд, наполненный по их обыкновению хлебом и вином; каждый берет из сосуда часть освященного хлеба, напоенного вином, и причащается из своих рук. В церквах не заметно ничего неблагопристойного или бесчинного; напротив того, все, преклонив колена или простершись ниц, молятся с искренним усердием. Отец мой и многие другие почтенные особы, проживавшие некоторое время в Московии, уверяли меня, что московитяне были бы гораздо праведнее нас, если бы не препятствовал тому постыдный раскол их…»

Автор письма считал, что Василия III нетрудно будет привлечь к антитурецкой коалиции, поскольку тот сам стремился к контактам с папским престолом. Мешали этому неразумная политика некоторых пап, желавших обложить жителей Московии данью, и козни поляков. С подачи Польского короля, по мнению

Кампенского, московитов в Европе считали схизматиками и язычниками, хотя на самом деле они были благочестивы.

Альберт твердо убежден, что Польский король будет делать все, чтобы расстроить союз папской курии с Василием III. По этому поводу он написал следующее: «Я не доверял бы королю Польши… Видя, что церковный союз добавит Василию еще больше сил, а самого лишит преимуществ в войне против Василия за границы своего королевства, он различным путями и хитростями постоянно расстраивает этот союз. Ведь под предлогом ведения войны против схизматиков и… врагов нашей религии (он пользовался) огромнейшим расположением других христианских государей, сражаясь как бы за веру и религию. Ему оказывали поддержку ссудами из общей казны христианской».

Кампенский прямо указал на причины, по которым Польский король делал все, чтобы в черных красках представить в глазах европейцев Русское государство, его правителей и народ. Используя «Трактат» Меховского в качестве главного источника сведений о Московии, он сумел представить часть отрицательной информации из этого произведения в виде положительной.

Европейцы, конечно, не знали, что в «Трактате» Меховского всячески скрывалось, что московские государи имели полное право бороться за наследие своих предков, киевских великих князей, а польские короли и литовские великие князья владели их территориями незаконно.

Исследователи полагают, что Климент VII внимательно отнесся к предложению Альберта Кампенского и отправил в Москву посольство во главе с генуэзским купцом Паоло Чентурионе. Правда, этот дипломат и купец не составил никаких записок о своей поездке. Позднее Климент VII отрицал свою причастность к поездке Паоло в Москву. Поэтому официально считается, что Чентурионе ездил по собственной инициативе, чтобы разведать новый путь в Индию через территорию Русского государства.

Что-то тогда «не срослось».

Мединский Владимир
Отец тирана Васильевича
Позитив сквозь зубы

В начале XVI века на юго-востоке Европы царили хаос и уныние. С 1520 года началась новая агрессия турецкого султана Сулеймана I Великолепного. Первым пал остров Родос, затем были захвачены ряд территорий на юге Венгрии. В 1526 году венгерский король Людовик II погиб в битве с турками при Мохаче. В 1529 году султан начал осаду Вены.

А христианские государи продолжали войны между собой. Император Карл V сражался с французским королем Франциском I и в битве при Павии разбил его и взял в плен. На Апеннинском полуострове не прекращались Итальянские войны.

Австрийский эрцгерцог Фердинанд (1503–1564 гг.), чьи владения в большей степени страдали от турецкой агрессии, искал спасительное решение. Внешнеполитические успехи московского государя Василия III привели к росту его авторитета, и союз с ним против турок, казалось, мог совершить чудо.

Еще в 1517 году в Москву, по указанию императора Максимилиана, ездило посольство во главе бароном Сигизмундом Герберштейном. Перед ним стояла цель замирить Василия III с Польским королем Сигизмундом I. Посольство, правда, успеха не достигло, поскольку поляки требовали возврата Смоленска[97].

Ставший в 1519 году правителем Австрии Фердинанд продолжил политику своего предшественника. Было ясно, что Василию III следовало оказать какую-то услугу, чтобы склонить его на свою сторону. От послов Фердинанд мог узнать, что содержание «Трактата о двух Сарматиях» вызвало гнев и у русских дипломатов, посещавших европейские страны, и у самого Василия III. А вот произведение, правдиво рассказывающее о Русском государстве, могло понравиться русскому государю и побудить его вступить в диалог.

Таким произведением стала «Религия московитов» Иоганна Фабри, написанная по указанию эрцгерцога Фердинанда. Как это бывало раньше и как это повторялось бесчисленное множество раз, авторитет известного ученого был поставлен на службу политическим интересам.

Фабри

Иоганн Фабри родился в 1478 году в швабском имперском городе Лойткирхе. По примеру других писателей-гуманистов в сознательном возрасте присвоил себе латинский псевдоним Фабри – по роду занятий отца, который был кузнецом[98].

Первоначальное образование будущий ученый получил в городе Констанце, затем обучался в нескольких немецких университетах. Иоганна интересовали древние языки – латынь, греческий и еврейский, – богословие, юриспруденция. В итоге он стал магистром свободных искусств, доктором богословия и доктором гражданского и церковного права. Через некоторое время Фабри принял сан священника и начал успешную духовную карьеру. В 1518 году папа Лев X пожаловал ему звание апостолического протокатория.

В 1521 году эрцгерцог Австрийский Фердинанд сделал Иоганна своим советником и личным исповедником. Кроме того, ему было поручено осуществлять церковный надзор за университетами и книжной продукцией для пресечения реформаторских веяний. Ездил он и по посольским делам в разные страны.

В 1520-х годах Иоганн Фабри активно занимался писательской деятельностью. Из-под его пера выходили трактаты, проповеди, речи, наставления, полемические сочинения, он заново переводил Библию на немецкий язык. В 1537–1541 годах в Кельне было осуществлено издание его трудов в трех томах. В 1537 году в Лейпциге вышел дополнительный том.

Умер Фабри в мае 1541 года.

В 1541 году сочинение Фабри «Религия московитов» было включено в состав сборника с описанием различных путешествий, который был опубликован в Базеле. В 1582 году вышло еще одно издание труда – в Шпейере, в 1600 году – во Франкфурте, в 1630 году – в Лейдене в составе нескольких сборников.

5 изданий за два века свидетельствуют, что труд Фабри был менее популярен в Европе, чем «Трактат» Меховского (в XVI веке издавался 16 раз). Первый перевод «Религии московитов» на русский язык был осуществлен в 1826 году и опубликован в «Отечественных записках».

Сам Фабри никогда не был в Русском государстве, а послы Сигизмунд Герберштейн, Франческо да Коло и Антонио да Конти, непосредственно знакомые с нашей страной, даже не привлекались в качестве информаторов. Рассказывали Фабри о Московии, как выясняется из предисловия к «Религии московитов», сами русские люди.

После визита в Испанию к императору Карлу V на родину

возвращались послы Василия III. В сентябре 1525 года они прибыли в Тюбинген, где находился двор эрцгерцога Фердинанда, и были приняты с большим радушием. В состав посольства входили князь И.И. Засекин-Ярославский, дьяк С.Б. Трофимов и переводчик Влас Игнатьев. Дать представление о Московии именно со слов русских – такую цель преследовала «Религия московитов».

Фабри приступил к выполнению поручения Фердинанда без промедления. Подробно расспросил послов и быстро составил трактат (среди использованных им дополнительных источников не было сочинений Меховского и Контарини). В конце 1525 года труд Фабри опубликовали в Тюбингене (до нас ни одного экземпляра от этого тиража не дошло). В январе следующего, 1526 года он вышел в Базеле.

Все это происходило, пока русское посольство еще находилось в Австрии. Следует полагать, послы получили книгу Иоганна Фабри, чтобы показать ее у себя на родине. «Религию московитов» в феврале 1526 года эрцгерцог вручил и собственному послу Сигизмунду Герберштейну. Тот снова отправлялся в Москву, а книгу вез с собой якобы для ее проверки на достоверность.

Иоганн фабри. «Религия московитов». 1525

«Великий князь Московский имеет под властию своею многих, весьма сильных князей, владеющих обширными областями, между коими занимает не последнее место известный Вашему Высочеству украшенный сединами, брадатый старец, по повелению Российского императора, в качестве посланника русского бывший сперва у Вашего Высочества, а потом в Испании у Его Величества императора. Он в военное время всегда вооружает императору своему тридцать тысяч конницы. Есть и другие князья, довольно сильные.

Что в них всего замечательнее, удивительнее, выше всякой похвалы достойное, это есть то, что всякой из них, как бы ни был знаменит, богат и силен, будучи потребован великим князем – хотя бы то было чрез самого последнего и низкого гонца – тотчас по первому призыву летит к государю своему и со всею готовностию, со всею ревностию исполняет все царские повеления, как повеления Божия, хотя бы оне были сопряжены с потерею

самой жизни. У них самое малейшее неисполнение воли государевой… есть самый величайший позор; напротив, совершенная, безусловная покорность государю своему есть обязанность подданного самая высшая и священнейшая, исполнение коея составляет самое первое, достославное отличие его.

Посему великий князь, когда ему бывает нужно вести войну с татарами, или с Кафским государем, или с кем-нибудь иным, в самое короткое время может собрать войска до 200 000 или 300 000, или сколько понадобится, так, что нет другого государства, где бы было более покорности императору своему и где бы самая высшая слава и честь состояли в совершенной, неизменной, беспрекословной готовности умереть за государя своего. Ибо у них только таковою преданностию – и это совершенно справедливо – приобретается право на бессмертие. После сего можно ли удивляться, что с столь сильною конницею, подобною рою пчёл, одерживают россияне блистательнейшие победы над турками, татарами и другими народами?»

Подчеркивая могущество Василия III, Фабри в самом начале трактата приводит его полный титул, который переписал из письма императора Карла V в Москву: «Светлейшему и могущественнейшему государю господину Василию, Божиею милостию императору и повелителю всех рутенов и великому князю Владимирскому, Московскому, Новгородскому, Псковскому, Смоленскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятскому, Болгарскому, Нижегородскому, Черниговскому, Рязанскому, Волоцкому, Ржевскому, Белевскому, Бельскому, Ростовскому, Ярославскому, Белозерскому, Удорскому, Обдорскому, Кондийскому и иных, старшему брату и другу нашему дражайшему, Карл, император римлян».

Тут интересны несколько моментов:

во-первых, Василий III прямо назван в нем императором;

во-вторых, он значится как повелитель всех рутенов, т. е. восточных славян, и, соответственно, земель, которые они населяли (это бывшая территория Древнерусского государства);

в-третьих, Карл V признавал старшинство Василия III по сравнению с собой, называя его старшим братом;

в-четвертых, он считал Василия повелителем всех перечисленных земель, включая и те, которые недавно были отняты у Литвы.

Очевидно, Карл V признавал законной борьбу Василия за

«киевское наследие». Правда, титул императора и именование «старший брат» по отношению к Василию III были только в первых изданиях «Религии московитов». Из текста издания 1541 года и последующих эти слова исключены[99].

А.Л. Хорошкевич, исследуя вопрос об императорском титуле русских государей, выяснила, что им именовали уже Ивана III в конце XV века. Это делали правители Ливонии, Дании, Швеции, Ливонского ордена и Ганзы. В договоре 1514 года римский император Максимилиан именовал императором и Василия III. Это соглашение не вступило в силу, однако текст договора существовал и был обнаружен исследователями в канцелярии Посольского приказа. Русские дипломаты XVI века ссылались на этот документ, когда во время переговоров возникал вопрос о титулатуре. А в самой Европе признавали право русских государей на императорский титул, только когда это было выгодно. В 1525 году это было важно для Иоганна Фабри, вернее, для заказчика его сочинения – эрцгерцога Фердинанда.

Автор предупреждает, что «едва ли какой-нибудь другой народ доселе имел бы более худую славу в отношении религии, чем московиты». Сочинения поляков и ливонцев, в которых утверждалось, что русские были схизматиками и еретиками, широко распространялись в Европе в то время и были известны многим образованным людям, включая Иоганна Фабри.

Теперь же возможность опровергнуть дурную репутацию русских в вопросах веры как будто доставляет ему особое удовольствие. Религия московитов чиста и прочна! Что подтверждается научным и религиозным авторитетом самого доктора Фабри – духовника эрцгерцога.

Иоганн фабри. «Религия московитов»

«Но что всего важнее и нужнее в жизни, московитяне исповедуют христианскую веру, которая, говорят, первоначально была возвещена им святым апостолом Андреем, братом Симона Петра. Все догматы веры и постановления церковные, принятые и утвержденные 318-ю Отцами на первом Вселенском соборе, бывшем при Константине Великом в Никее, что в Вифинии, и все, преданное и возвещенное Василием Великим и Иоанном Златоустом, почитают они столь святым, непреложным и чистым, что от того, как и от Евангелия Иисуса Христа, никто доселе не смеет отступить ни на одну

йоту. С таким благоговением они чтут и исповедуют уставы отцев Церкви, единожды навсегда принятые на Соборах, что в оных никогда никто не дерзал сомневаться.

Итак, они с несравненно большим постоянством и большею ревностию пред многими из наших столь твердо стоят в первой вере своей, которую прияли они от апостола Андрея, преемников его и святых Отцев и в коей они воспитаны с материнским молоком. Они, как яда, убегают различных ересей и расколов…

Архиепископы до покорения Константинополя турками признавали над собою власть патриарха Константинопольского, коему Российский император, как верный сын Церкви, и доселе в каждый год посылает богатую милостиню, дабы он, не затрудняясь в содержании себя и будучи в возможности платить подать турецкому султану, мог спокойно ожидать конца сего египетского рабства. Ибо великий князь Московский почитает для себя нечестием оставить без внимания того, кто правил толиким числом церквей и от коего прияли веру свою столь многочисленные и обширные области.

Воздержание в пище, и питии русских архиепископов и епископов столь велико, что они наравне с простыми монахами ведут самую строгую жизнь, при всем изобилии страны своей. О, да послужит сие примером для нашего духовенства, посвятившего себя на служение Богу!»

Фабри описал приезд русского посольства в Тюбинген, прием его при дворе Фердинанда, свои беседы с послами по поручению эрцгерцога… И уже в начальной части сочинения сделал ошибку: назвал жену Ивана III «Еленой из рода Палеологов». На самом деле ее звали Зоя – на родине и в Риме, и Софья – в России. Естественно, русские послы не могли допустить такой ошибки.

Аналогичная ошибка в имени жены Ивана III была в энциклопедии Волатерана, напечатанной в Риме в 1506 году. В ней сообщались краткие сведения о стране роксоланов: покрыта огромными лесами с дикими зверями, обладающими ценным мехом, там много пчел, дающих прекрасные мед и воск. Главным городом назван Новгород, в котором избирают государями тех, кто способен удержаться на огромном камне. На самом деле Новгород давно не был столицей Руси, государей никогда не избирали подобным странным образом, – страной правили представители наследственной династии Рюриковичей. Но Фабри

почему-то воспользовался полной ошибок энциклопедией Волатерана. Некоторые географические сведения он почерпнул также из античного географа Плиния.

Основной же массив информации о Московии, как уже говорилось, Фабри получил от русских послов. Они сообщили, что по размерам Москва сравнима с Кельном. Назвали крупные города: Владимир, Псков, Новгород, Смоленск, Тверь, якобы окруженные каменными стенами и с пышными царскими хоромами внутри. На самом деле в то время у Владимира, Смоленска и Твери не было каменных стен. Позднее, в конце XVI века, кирпичная стена появилась только у смоленской крепости. Не было в этих городах и царских хором – они не являлись резиденциями государей.

Послы явно приукрашивали действительность. Князь Засекин сообщил, что сам может выставить 30 тыс. воинов, а все государево войско состоит из 200–300 тысяч ратных людей. Позднее С. Герберштейн выяснил, что князь был беден, а у государя в войске было не более 110 тысяч человек.

Часть данных автор сопровождал своими ремарками. Сообщая о военных успехах русских, он отметил их готовность служить императору и стремление совершенствовать свое воинское искусство, указав на их природную воинственность. Но при этом, видимо, намекая на турок, написал: «Если бы их страна не была бы хорошо защищена природой, то давно были бы они завоеваны».

В разделе о природных богатствах Фабри почему-то сделал вывод о том, что из-за постоянных войн русские не обрабатывают землю, ничего на ней не выращивают и живут только продажей ценных мехов. У читателя невольно напрашивалось умозаключение, что русские люди чужды цивилизации и занимаются только охотой. Фабри либо неправильно истолковал рассказ послов, либо более авторитетным для него источником оказалась все та же энциклопедия Волатерана с ее малодостоверными сведениями. В XVI веке сельское хозяйство у нас было достаточно развито, городские рынки снабжались дешевым продовольствием круглый год.

Но вот трактатом Матвея Меховского Фабри не пользовался, и в этом достоинство его сочинения. Он не называл русских людей москами, а указал, что сами они приняли имя московитов, поскольку главный их город носит название Москва и через него протекает река Москва. Язык их, по мнению Фабри, был похож на богемский, хорватский или словенский. Из этого автор заключил, что русские были выходцами из Далмации (одна из областей Югославии), т. е. являлись европейцами, а не дикими азиатами,

как утверждал Меховский. Русские жили на своей земле и не были пришлыми чужаками, подобными туркам и татарам, как писали поляки.

Иоганн всячески нахваливает наших предков за честную торговлю, за целомудрие, за твердость в вере и отсутствие расколов. Церковь в Русском государстве процветает, управляясь митрополитом, архиепископами и многочисленными епископами. Они получают десятую часть государственных доходов и владеют значительными земельными угодьями. В стране, по утверждению Фабри, много монастырей, и никто из мирян не имеет права вмешиваться в церковные дела. Эта информация соответствовала действительности. В дела церкви не мог вмешиваться даже государь.

После рассказа послов об искренней приверженности русских людей к православной вере, об их особом почитании икон и распятия, о соблюдении постов, автор не мог удержаться от такого пассажа: «Услышав об этом, мы были так потрясены, что, охваченные восторгом, казались лишенными ума, поскольку сравнение наших христиан с ними в делах, касающихся христианской религии, производило весьма невыгодное впечатление. Мы считали их ведущими звериный образ жизни, а они благочестивее нас».

Правда, Фабри почему-то считал, что православное духовенство признавало Римского папу викарием Христа и наследником апостола Петра и ставило его выше Константинопольского патриарха, что русские люди с готовностью присутствовали на католических литургиях и что в целом в их вере мало существенных отличий от католичества. И уж точно по благочестию превосходили немцев, попавших под влияние лидеров Реформации: «Будучи окруженными турками и татарами, русские люди чтят веру отцов и сохранили ее в целости, чистоте и святости».

Однако здесь автор «Религии московитов» во многом выдавал желаемое за действительное. Римский папа, действительно, хотел принять русских людей под свою руку под предлогом того, что Константинопольский патриарх оказался под властью иноверцев. Он соглашался даже «наияснейшего и непобедимейшего царя всея Руси короновать в кристьянского царя». Но в ответ московские государи говорили, что они «Божиею милостию государи на своей земле изначяла, от первых своих прародителей, а поставление имеют от Бога».

Фабри, подобно Альберту Кампенскому, считал, что согласие между католической и православной церквями вполне возможно и, конечно, было бы очень полезно в условиях борьбы с турецкой

агрессией. Однако в действительности православное духовенство относилось к католикам с большим предубеждением. В XVI веке на территории Русского государства были запрещены и католические проповеди, и строительство костелов. Церковь внушала враждебное отношение ко всему «латинскому» и уверяла православных, что «немцы» – существа нечистые, осквернённые «латинской схизмой». Русские люди знали, что в «латинскую церковь не подобает входити, ни пить с ними из единой чаши, ни ясти, ни понагии им дати». Со временем отчуждение в вопросах веры между католиками и православными только росло.

«Религия московитов», с одной стороны, должна была убедить Василия III в том, что не все в Европе верят негативу, распространяемому Польским королем. С другой, автор уверяет читателей, что правители России так же могущественны, как Римские императоры, а русские люди целомудренны в повседневной жизни, честны в торговле, вера их во Христа – чистая и святая. И значит, нет никаких препятствий для заключения дружественных союзов. В этом главный «посыл» сочинения Фабри для Европы.

Правда, после смерти Василия III в 1533 году и при ослаблении верховной власти в России в период малолетства Ивана IV в сочинение Фабри издатели вносят свои коррективы. Из текста исчезает императорский титул Василия III и именование его старшим братом Римского императора.

Но пока Василий был в силе, он представлял интерес и для Римских пап. Их тоже беспокоила турецкая агрессия – в Ватикане даже пытались организовать против турок крестовый поход, – но еще большую опасность для католической церкви представляли реформаторские движения. В 1517 году Мартин Лютер произнес свою знаменитую проповедь с критикой католичества и призвал своих сторонников отделиться от официальной церкви. Реформация всколыхнула Германию, Данию, Англию. Между тем с Русским государством со времени брака Ивана III и Софьи Палеолог были установлены дипломатические контакты, и теперь Василий III рассматривался как потенциальный сильный союзник.

Представители католического духовенства решили собрать сведения о Московии из достоверных источников. В 1525 году по заданию епископа Иоанна Руфо Павлом Йовием была написана «Книга о московитском посольстве».

Йовий

Итальянский ученый и церковный деятель Паоло Джовио,

которого по латыни называли Павлом Йовием Новокомским, родился в 1483 году в итальянском городе Комо, от которого и получил свое прозвище. Изучал в итальянских университетах философию, медицину, историю, богословие. Получив разностороннее образование, занялся литературной и общественной деятельностью. Особенно его интересовало описание событий своего времени и история различных стран и народов.

В 1512 году Павел переехал в Рим и вскоре оказался при папском дворе. Там он стал выполнять различные поручения, иногда дипломатического характера. Особую симпатию к нему испытывал Климент VII, рукоположивший его в епископы города Ночеры.

Вскоре исторические труды Павла Йовия стали широко известны в Европе. Французский король Франциск I в 1533 году даже назначил ему пенсию. Многие богатые люди посылали ему подарки в расчете на то, что писатель прославит их в своих произведениях. Из всех этих даров Павел устроил в своем доме музей, первый в Европе.

В 1551 году Павел Йовий переехал во Флоренцию, где был тепло принят герцогом Тосканы Козимо I. В декабре 1552 года прославленный писатель умер и был похоронен в церкви Сан-Лоренцо.

Главными трудами Павла считаются многочисленные «Книги истории своего времени». В них описаны события, происходившие с 1494 по 1549 годы. Правда, первых 10 книг нет. По одной версии, они погибли в 1527 году, по другой – вообще не существовали.

Перу писателя принадлежат также два сборника «Элогии» о выдающихся европейских деятелях. Они были изданы в 1546 и 1551 годах. Писал он и менее фундаментальные произведения: «Записки о делах турецких» – изданы в 1531 году, «Записки о религии и нравах эфиопов» – изданы в 1540 году. В этом ряду – «Книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII», опубликованная в Риме в 1525 году.

«Книга о посольстве» сразу стала очень популярной в Европе. В 1527 году в Базеле вышло второе издание. Потом в 1537, 1545 и 1551 годах она там же переиздавалась. С 1532 по 1555 годы это сочинение 5 раз публиковалось в составе сборников о путешествиях. В 1545 году оно вышло на итальянском языке в Венеции, в 1559 году было включено во второй том книги «Мореплавания и путешествия». Можно назвать еще несколько изданий: в 1556 и 1571 годах – в Базеле вместе с сочинением И.Фабри, 1557 году – в Антверпене, 1578 году – в Базеле, 1600

году – во Франкфурте. Сочинение Йовия было переведено на немецкий язык и опубликовано в 1563, 1567, 1576, 1578 годах. Были переводы на английский и голландский языки.

Всего вышло более 23 изданий за один век. Для европейцев в XVI веке «Книга о посольстве» стала одним из главных источников информации о Русском государстве и его народе. С ней был знаком и С. Герберштейн, который высоко оценивал ее содержание и использовал в своих «Записках».

На русский язык это сочинение впервые перевели в 1836 году.

История «Книги о посольстве» такова. В июне 1525 года к Клименту VII вместе с итальянским купцом Паоло Чентурионе, побывавшим в России, прибыл русский посланец Дмитрий Герасимов (1465–1533 гг.) с грамотой Василия III. Герасимов, хотя и занимался дипломатической деятельностью, статуса посла не имел. Его достоинством было знание иностранных языков, в том числе и латыни. По указанию Климента VII, Павлу Йовию было поручено расспросить русского посланца о его стране, экономике, вооруженных силах, географическом положении, особенностях жизни народа. На основе этих данных следовало составить сочинение о Московии. Павел выполнял для папы Римского ту же задачу, что и Иоганн Фабри для эрцгерцога Фердинанда. Оба автора писали свои труды в один и тот же 1525 год.

Помимо рассказов Герасимова Павел Йовий использовал другие источники. В частности, сведения Чентурионе, посещавшего Москву с целью открыть новый путь в Индию через русскую территорию. Некоторые географические сведения Йовий взял из трудов античных писателей.

Работал он очень быстро, стремясь закончить и издать свой труд до отъезда русского посланника. И успел подготовить текст, но карту нарисовать вовремя не смогли, в первых изданиях ее нет.

Йовий. «Книга о великом посольстве»

«Московитская земля не производит, в общем, ни лозы, ни маслины, ни одного плодоносного дерева с несколько более сладкими плодами, кроме дынь и вишен, так как все более нежные растения истребляются весьма холодным дуновением Борея. Однако полевые посевы дают рожь, пшеницу, просо, гречиху и всякого рода овощи, но

самая верная жатва получается от воску и меду. Ибо вся страна преисполнена весьма плодовитыми пчелами, которые изготовляют превосходнейший мед не в сделанных поселянами ульях, а в самых дуплах деревьев. Отсюда по лесам и весьма густым рощам можно неоднократно видеть превосходные рои висящих на ветвях деревьев пчел, для огребания которых нет никакой необходимости в медном звоне. Часто находят огромное количество сотов, скрытых в деревах, и старый мед, покинутый пчелами, так как редкие обитатели отнюдь не исследуют каждого дерева в обширных рощах; таким образом, в удивительной толщины древесных пнях находят они иногда превеликие озера меду.

Посол Димитрий, отличающийся веселым и остроумным характером, рассказывал при громком смехе всех присутствующих, что в недавнее время один поселянин, живший по соседству с ним, прыгнул сверху для отыскания меда в очень большое дуплистое дерево, и глубокая медовая пучина засосала его по грудь; два дня он питался одним только медом, так как голос мольбы о помощи не мог в этих уединенных лесах достигнуть до ушей путников. Напоследок же, когда он уже отчаялся в спасении, он по удивительной случайности был извлечен и выбрался оттуда благодеянием огромной медведицы, так как этот зверь случайно, подобно человеку, спустился туда поесть меду. Именно поселянин схватился руками сзади за крестец медведицы, та перепугалась от этой неожиданности, а он заставил ее выпрыгнуть как тем, что потянул ее, так и тем, что громко закричал.

Во всякую страну Европы московиты посылают также превосходный лен и коноплю для веревок, а также много бычачьих кож и огромное количество воску. У них нет ни жилы, ни рудников золота, серебра или других менее благородных металлов, за исключением железа, и во всей стране нет никакого следа жемчуга или драгоценных камней. Всего этого они просят у иноземных народов. Однако эта несправедливость природы, совершенно отказавшей в стольких благах, возмещается одной торговлей самыми благородными мехами, ценность которых от невероятной алчности и роскоши людей возросла до такой степени, что меха, пригодные для подбивки всего одной одежды, продаются за тысячу золотых монет».

Во вступительной части «Книги о посольстве» Павел отмечает, что ставит перед собой цель с достоверностью описать положение Московии, не известной древним авторам, дать сведения о религии и обычаях народа, населяющего эту страну. Автор отмечает, что Василий III – не какой-то баснословный царь, а повелитель весьма многочисленных народов, и что он желает «соединиться с нами всеми своими чувствами и сочетаться с нами вечным союзом».

Желая убедить читателей в достоверности полученных им сведений, Йовий дает хвалебную характеристику своему информатору – русскому посланнику Дмитрию Герасимову. И попутно замечает, что тот многократно участвовал в различных посольствах, «поэтому очистил ум от всего варварского, вращаясь при европейских дворах». Ремарка невольно выдает подлинное отношение Павла к русским. Хоть он и собирался писать в положительном ключе, выполняя задание Климента VII, но на самом деле считал их далекими от цивилизации варварами. Изменить их в лучшую сторону, по его мнению, могли только европейцы.

Йовий подробно рассказал, как в Москву ездил Паоло Чентурионе, искавший путь в Индию, как он вернулся в Италию вместе с Дмитрием Герасимовым. По его утверждению, Василий III намеревался послать своих представителей на Латеранский собор 1512–1517 годов, но этому помешали его соседи. Поляки и ливонцы не пропустили посланников датского короля с приглашением на собор. Указал он и на причину отчуждения русского государя от папского престола – после поражения русского войска под Оршей в 1514 году в Риме по просьбе Польского короля был отслужен благодарственный молебен. В тексте молитв русские люди именовались врагами Христовой веры.

По мнению Павла, Климент VII намеревался установить самые дружеские отношения с Василием III, поэтому предложил ему королевский титул в обмен на присоединение к католической церкви. Однако в сохранившейся переписке русского государя с Римскими папами нет грамот с таким содержанием.

Сравнительно недавно был опубликован черновик не дошедшей до нас ответной грамоты Климента VII Василию III. В ней нет ни слова об обещании королевского титула русскому государю, но общий тон послания исключительно дружеский. Василий III назван «возлюбленным сыном», «могущественным и великим государем, признающим господа Иисуса Христа». Климент обещает, что при заключении союза с Василием «на него распространится вся его благосклонность». В заключение он

пишет: «Мы испытываем к тебе несравненную любовь и славим твои добродетели».

Повествование о Московии Йовий начинает с описания ее территории – она большая, равнинная и болотистая. Вследствие этого летом по ней путешествовать невозможно. Большую часть ее занимает Герцинский лес, который застроен и обитаем. В нем водится много диких зверей: буйволы, лоси, медведи и огромные черные волки. Под буйволами, видимо, понимались зубры.

Пока ничего нового по сравнению с тем, что писали о Московии Барбаро, Контарини и Перкамот. Напрашивается предположение, что сочинения этих авторов также были в числе источников Павла. Например, сведения о татарах, вероятно, были взяты из обстоятельного труда Барбаро (хотя его сочинение еще не было опубликовано в это время, но оно могло находиться в папском архиве в виде рукописи).

В «Книге о посольстве» есть данные о том, что Василию III повинуются казанские татары и ногайцы, что часть Литвы называется Нижняя Русь, а Московия – Белая Русь, что часть Пруссии и Ливонии входят в московские пределы. Можно предположить, что некоторые из этих сведений Йовий получил от Дмитрия Герасимова (о подчинении казанцев и ногайцев), другие узнал из «Трактата о двух Сарматиях» (название Белая Русь) или из сочинений ливонцев. Данные о том, что в составе Московии находятся ливонские и прусские земли, могли быть сообщены в «Прекрасной книге», ставившей цель убедить европейцев в незаконном захвате их русскими государями. На самом деле таких территорий в составе Русского государства в то время не было. Более того, именно Ливония владела русскими землями с городом Юрьевым (Дерпт, Тарту), основанным Ярославом Мудрым в 1030 году.

К числу оригинальных сведений в сочинении Павла следует отнести рассказ о диких лапландцах и различных северных племенах под властью Москвы. Они могли заинтересовать европейцев не только экзотикой, но и данными о великолепных мехах, привозимых в качестве дани. Это, вероятнее всего, было сообщено Дмитрием Герасимовым. От него Павел мог получить информацию о хороших урожаях зерновых по берегам Северной Двины и главных сельскохозяйственных культурах (рожь, пшеница, просо, гречиха, овощи, лен, конопля); о способе постройки деревянных изб и их внутреннем устройстве; о любви Василия III к охоте на зайцев; о большом количестве дичи вокруг Москвы и ловчих птицах для охоты на нее. Герасимов мог рассказать также о русских реках и промысловых рыбах, о прежних столицах Руси (Новгороде и Владимире). И точно

рассказывал об изобилии меда.

Русское государство было богатым краем, позволявшим местным жителям жить благополучно и ни в чем не нуждаться. Правда, можно заметить, что Йовий вносил свои коррективы. Русский посланник не мог бы забыть, что Киев был одной из прежних столиц Руси. В «Книге о посольстве» Киев не упомянут. В XVI веке город был в составе Польско-Литовского государства, правители которого всячески скрывали права на него московских государей. Это наглядно видно из «Трактата о двух Сарматиях» Матвея Меховского. Вполне возможно, что под влиянием этого произведения Павел умышленно не включил Киев в перечень прежних русских столиц.

По непонятной причине Йовий категорично написал, что в Московии нет металлов и драгоценных камней. На самом деле добыча железа, серебра и меди началась еще с конца XV века. Сначала железную руду нашли в районе Тулы, потом у реки Цыльмы нашли серебряную и медную руду. Был широко распространен и речной жемчуг, привозимый с Северной Двины. Его использовали в вышивках и для украшения русской одежды и церковных пелен. Обо всем этом Герасимов должен был хорошо знать.

Сообщая данные о православной вере, Павел, на первый взгляд, пытался представить ее мало отличающейся от католичества. Сначала в числе различий он назвал лишь заблуждение (по его мнению) в том, что Святой Дух исходит только от Отца, использование кислого хлеба для Причастия и отсутствие понятия «чистилище». Затем он добавил, что в церквях не разрешаются проповеди и возможно только чтение богослужебных книг (это могло подразумевать отсутствие самостоятельного понимания церковных догматов). Богослужение, по его утверждению, иногда осуществляется у водоемов (это можно было расценить как языческий обряд), а похороны – вне храма, на огороженной территории (такие кладбища как бы сравнивались с языческими могильниками).

На самом деле в православных храмах произносили иногда проповеди, но они были существенно короче, чем в католических костелах. Около водоемов проводился обряд освящения воды в праздник Крещения. Умерших хоронили на территории рядом с храмом, которая считалась освященной.

Ошибался Павел и в том, что считал Константинопольского патриарха реальным главой Русской церкви. Такая информация бросала тень на православную церковь, поскольку с 1453 года Константинополь был под властью турок. Но еще с 1448 года митрополиты поставлялись в Москве с учетом воли государя.

В информации Йовия о Русском государстве европейский читатель мог обнаружить достаточное количество негатива. Например, язык русских людей Павел назвал иллирийским. Это, хотя и подразумевало его глубокие корни, но убеждало европейских читателей лишь том, что для них он чужд и непонятен.

Йовий, на первый взгляд, хвалит русские законы, простые и понятные, поскольку их нельзя превратно толковать и извращать. Но при этом сообщает данные об очень изощренных пытках, которым подвергали людей, заподозренных в преступлении: лили в течение длительного времени на их головы холодную воду, загоняли под ногти деревянные колышки. Такой способ ведения следствия мог вызвать ужас у гуманистически настроенных европейцев. Следует отметить, что в русских источниках нет данных о широком применении подобных пыток при расследовании преступлений. Сначала следствие должно было доказать вину преступника. Для этого осуществлялся повальный обыск.

Двойственный характер в «Книге о посольстве» носит и описание внешнего облика русских людей. Жители Московии якобы имели средний рост, были голубоглазыми, с длинными бородами, короткими ногами и большими животами. Назвать такого человека красивым вряд ли можно. Сведения Павла противоречили утверждению Контарини и других авторов о том, что русские отличались красивой внешностью и были высокого роста.

Жизнь в Московии Павел считал хоть и сытной из-за обилия дешевого продовольствия, но не утонченной. Вслед за Барбаро и Контарини он отметил множество мясной продукции на русских рынках, которая стоила крайне мало. Но тонкие блюда, по его мнению, готовились только из дичи. Сам Йовий блюда русской кухни никогда не пробовал. Правда, Павел не стал обвинять русских людей в склонности к пьянству. Он лишь дал сведения о напитках: сладкое вино для торжеств, богослужения и лечения; мед, хранящийся в просмоленных бочках, для обычного употребления; пиво, брага и сок различных ягод, которые летом пили со льдом.

Йовий первым из европейских авторов сообщил о положении женщин в русских семьях. Несомненно, о нем он узнал от Дмитрия Герасимова, но истолковал по-своему. Из того, что знатным женщинам было не положено присутствовать на пирах, посещать в одиночестве дальние храмы и выходить на улицу без дела, Павел сделал вывод о том, что они не слишком почитаются мужчинами. Хотя из этих сведений можно сделать и

противоположное заключение – русские мужчины слишком дорожили своими женщинами, поэтому не желали, чтобы те присутствовали на попойках и подвергались опасностям во время дальних поездок или даже прогулок без охраны.

Несомненно, со слов русского посла Павел сообщил много данных о Василии III, его дворе и войске. При этом вся информация сугубо положительная. В «Книге о посольстве» описана красивая внешность 47-летнего русского государя (родился 25 марта 1479 года). Даны сведения о выдающихся достоинствах его души, о любви к нему подданных, о его воинских успехах (победил ливонцев, разбил поляков и отнял у них Смоленск, вел успешные бои с татарами). Рассказано, что в многочисленный государев двор входили царьки из присоединенных земель и воинские чины, которых по мере надобности приглашали из различных областей. Из разрядных книг известно, что при дворе Василия III были татарские и ногайские князьки. Многие из них принимали православие и женились на русских девушках из знатных семей. Например, казанский царевич Куйдакул после крещения принял имя Петр и женился на сестре великого князя.

Йовий сообщил, как для государя выбирали невесту. Собрали со всех мест красивых незнатных девушек, тщательно осмотрели не только с точки зрения красоты, но и здоровья, потом лучших невест показали государю. Окончательный выбор он сделал сам.

Конечно, эти сведения были сообщены Дмитрием Герасимовым, но вновь слегка изменены Йовием. Действительно, именно так была выбрана первая жена Василия III Соломония Сабурова. Правда, она отнюдь не была незнатной девушкой, поскольку принадлежала к древнему боярскому роду. Вполне вероятно, что и другие претендентки отличались родовитостью. Следует отметить, что раньше подобного способа выбора невесты для государя в Русском государстве никогда не было. Считается, что он был заимствован из Византии.

Со слов Герасимова Павел Йовий дал правильные сведения о русском войске: численность до 150 тысяч конных воинов, пеших почти нет. Оружием служили копья, булавы, луки со стрелами, сабли. Для защиты воины использовали круглые щиты, шлемы, панцири. Во время боевых действий они имели возможность отличиться и показать отвагу. За это государь награждал их земельным наделом, который навечно за ними закреплялся. Для защиты крепостей служили медные пушки. При этом караул несло только местное население, никаких иностранных наемников не было. На ночь улицы запирали рогатками, и передвигаться можно было только со светильниками.

В «Книге о посольстве» Павел Йовий постарался достаточно объективно представить ту информацию о Русском государстве, которая интересовала европейских правителей. Но получилось у него с явным налетом негатива. Выполняя задание Климента VII, Павел не испытывал симпатий к жителям Московии, в глубине души считая их далекими от цивилизации варварами.

Его сочинение сразу же после выхода в свет было отправлено в Россию вместе с новым папским послом епископом Скарентским. Ему, как и его предшественникам, не удалось добиться каких-либо ощутимых результатов. Василий III был категорически против унии с католической церковью, но соглашался вести совместную борьбу с неверными.

После его смерти в 1533 году отношения Русского государства с папским престолом прерываются и возобновляются только во второй половине XVI века.

В малолетство Ивана IV в Европе не были заинтересованы в союзе с ним – и сразу вместо положительных сочинений о Московии стали появляться отрицательные. Тот же самый Павел Йовий выразил скрываемую при написании «Книги о посольстве» неприязнь к русским людям и их правителям в сочинении «Описание мужей, прославленных ученостью». Оно было завершено в 1545 году, опубликовано в следующем 1546 году. Многократно переиздавалось: в 1551 году во Флоренции; в 1561, 1571, 1574, 1575, 1576, 1577, 1578 и 1596 годах в Базеле; в 1554, 1557 и дважды в 1559 годах в Италии. Всего оно вышло в свет 14 раз за один век – свидетельство большой популярности у европейской читающей публики.

Шестая книга «Описания мужей» была посвящена непосредственно Василию III. В ней помещен портрет государя, даны сведения о нем и его стране. Прежде всего автор отмечает, что владения москов (название русских людей, заимствованное из «Трактата» Меховского) были открыты королем сарматов Сигизмундом. Он победил их государя Василия под Оршей, и по этому поводу в Риме был отслужен благодарственный молебен. Европейский сразу делал вывод: моски – чуждые христианству и ранее не известные люди, и Польский король Сигизмунд I вел с ними успешную борьбу. Сведения Йовий взял из сочинения Матвея Меховского, но опустил данные о том, что московские государи отняли у польских королей четыре больших княжества. Ведь они могли быть истолкованы положительно – как свидетельство могущества московитов.

Желая уверить читателей в правдивости своей книги, Павел упомянул о Дмитрии Герасимове. Русский посланец якобы привез в Рим портрет Василия III и рассказал о желании своего государя

получить от Римского папы королевский титул. Но тогда в Русском государстве было запрещено рисовать портреты живых людей. Отсутствуют в русских источниках и сведения о том, что Василий III хотел получить королевский титул. Напротив, известно, что его отец Иван III заявил послу императора Фридриха, что русские государи имеют свой титул от прародителей и ни в каком «поставлении ни от кого» не нуждаются.

Если в «Книге о посольстве» Василий III охарактеризован самым положительным образом (красив, с выдающимися достоинствами души, любим подданными, удачлив в боях с ливонцами, поляками и татарами), то в «Описании мужей» он – абсолютно отрицательный персонаж. Все положительные качества русского государя Йовий переменил на противоположные! Василий якобы управлял страной «самым алчным способом», был «скареден», послов лишал даров, полученных от других правителей, отличался неудачливостью в войне, против врагов был не стоек, а люди подчинялись ему с большой неохотой. Желая убедить читателей в правдивости этих данных, Павел описал нападение крымского хана Мухаммед Гирея на Москву в 1521 году. В это время русский государь якобы так испугался, что спрятался в стоге сена. Представить в реальности эту картину просто невозможно, поскольку у Василия III была достаточно большая личная охрана, и сидеть в стоге сена ему было не нужно.

По утверждению Йовия, русский государь во время осады Москвы со страху признал себя данником Крыма. Спасли же русскую столицу немцы, отбившие атаки татар. Но в летописях содержатся данные только об осаде Коломны. К тому же в «Книге о посольстве» Павел сам уверял читателей в том, что обороной городов занималось местное население и никаких иностранных наемников для этого не использовали. Автор «Описания мужей» обвинил Василия III и в том, что он не вступил в бой с крымцами и не отомстил им за то, что они ограбили окрестности его столицы. По его версии, русский государь лишь жаловался на них соседям.

В русских летописях события освещены иначе[100]. Крымский хан, действительно, внезапно напал на окрестности Коломны летом 1521 года. Узнав об этом, Василий III выехал на Волок, где стал собирать войско. Мухаммед Гирей не стал его дожидаться и вернулся в степи. Осенью он хотел повторить поход, но на берегу Оки его уже ждало русское войско.

Несмотря на то, что все это известно из русских источников, некоторые историки предпочитают использовать западные известия при описании нашествия крымского хана 1521 года. Они

даже повторили нелепую байку со стогом сена.

Йовий написал, что русский государь несколько раз разводился. После того, как он отринул первую жену Соломонию, она якобы родила ребенка, который и стал наследником престола. На самом деле Василий III разводился только с Соломонией Сабуровой в 1525 году и в следующем году женился на Елене Глинской, которая была знатного княжеского рода литовского происхождения. Соломония не была матерью наследника престола, она лишь распускала слухи о своей беременности[101].

Общий вывод Павла о Василии III такой: «Разводы принесли Василию дурную известность, у подданных он не пользовался доброй славой, был непомерно алчен, не щедр, не великодушен, был обременен гнусным пороком отца и испытывал отвращение к женщинам, переносил сладкострастие на другой пол. Ибо, по укоренившемуся у москов обычаю, дозволено любить юношей».

Все эти обвинения были явным наветом и на Ивана III, и на Василия III, и на всех русских людей. Даже Контарини, со скепсисом относившийся ко всему русскому, утверждал, что московские государи любимы поданными и щедры по отношению к ним. Из русских источников можно узнать, что и Иван III, и Василий III были примерными семьянинами и любили своих жен. Так в летописях сообщалось, что Иван III очень горевал по поводу безвременной кончины первой супруги Марии и долго не женился вновь. От второй жены Софьи Палеолог у него было 12 детей. Сильную привязанность к первой жене Соломонии Сабуровой испытывал и Василий III. Несмотря на ее бесплодие, он не разводился с ней 20 лет. Любил он и вторую жену Елену Глинскую. Это известно из сохранившихся писем к ней.

Сразу несколько иностранцев всячески подчеркивали, что русские люди отличаются целомудрием и отсутствием склонности к порокам (Альберт Кампенский, Иоганн Фабри).

Что же до Павла Йовия, то автор был абсолютно беспринципным человеком и, судя по всему, выполнял политический заказ. «Книгу о московитском посольстве» он писал по указанию католического духовенства, желавшего заключить союз с русским государем Василием III. «Описание мужей» создавалось в период, когда верховная власть в Русском государстве была слабой из-за малолетства Ивана IV. Влияние Польского короля Сигизмунда на международную общественность в это время, видимо, было достаточно сильным, поэтому Йовий и сочинил в угоду ему памфлет на уже умершего Василия III. Король мстил успешному сопернику за свои военные поражения, Павел отрабатывал заказ.

Любопытно, что никто из авторов четырех заметных сочинений о Русском государстве, появившихся в первой трети XVI века, не был в самой стране. Какие из этих произведений – Матвея Меховского, Альберта Кампенского, Иоганна Фабри или Павла Йовия – рядовые европейские читатели считали достоверными? Факт в том, что трактаты с негативной информацией с середины века пользовались большей популярностью – их чаще переиздавали.

Франческо Да Колло
Доношение о Московии

Relatione sulla Moscovia

Престол сего великого господина Василия, императора и государя всея Руси и великого князя находится в городе Московии, окружность которого – три с половиной лиги[102], и который по большей части расположен в болотах, так что значительную часть приходится проходить по деревянным настилам[103], в коем городе имеется каменный кремль, построенный тому уже лет пятьдесят некоторыми итальянцами, присланными в угоду сему князю сиятельнейшим Лодовико, герцогом Миланским, или построен по образцу Кастелло-Рокка в городе Милане[104]. Он весьма укреплен и надежен, а внутри его есть дворец, тоже каменный, жилье и местопребывание князя. Там есть также каменная церковь, в коей совершаются богослужения. Во всем государстве, притом, что оно столь обширно, найдется разве что еще одна каменная церковь, да четыре-пять домов [каменных], все теми же итальянцами построенных[105]. Есть в этом городе река судоходная, называемая Московия, которая его омывает, как и значительную часть страны, много большей, чем Италия, – от коей получает князь титул великого князя, в отличие от многих других князей, его вассалов, которые находятся под его властью. [Город] имеет стены не каменные, но из дерева, столь хорошо спаянные между собою, что их поистине можно назвать укреплениями[106]; разделен на районы со своими разгородками: так что войти из одного в другой вовсе нелегко для всех[107]; и еще того менее разрешено кому бы то ни было переходить из одного города в другой или с одного места на другое без разрешения князя или его служителей. Покидать страну запрещено кому бы то ни было и в особенности чужеземцам, поскольку все выходы строжайше охраняются, и нарушителей подвергают суровейшим наказаниям[108]. Чужеземцам из любой страны свободно разрешено въезжать в страну, и, того более – их не только принимают, но и осыпают милостями; князь немедленно повелевает одеть их в лучшие одежды[109] и благоустроить их; если это ремесленники, им надлежит заниматься соответственным искусством, если же солдаты – эти особенно дороги; итальянцев же прежде всех уважают и любят. Нет здесь никакого писаного закона, но князь старательно

следует собственным обычаям. Его воля, однако, единственно почитается за закон, и настолько ему все подчинены, что, если он прикажет кому пойти и повеситься, бедняга не усомнится немедленно подвергнуть себя таковому наказанию. Не видно ни у кого и такой смелости, чтобы кто-то решился сказать – это имущество мое; но говорит – по милости великого государя приобрел я сие имущество. И, если сказать правду, все имущество, не только общественное, но и частное, каково бы оно ни было, – принадлежит сему князю, и он сегодня дает одному и отнимает от другого завтра и крайне часто в одно мгновение возвышает одного до самых высших степеней и положения и опускает другого до самого низа и нищенских условий. И тот, кто низложен или от коего отнято что-то, не только не жалуется или печалится, но, простершись ниц, бьет челом о землю и возносит хвалу государю, что тот его низложил или же отнял у него то имущество, коим он владел столько времени по его милости[110]. Дела духовные отправляются и для князя, и для народа его епископами, священниками и монахами согласно порядку и обряду греческому; высшее священство избирается князем, рукоположение же и воздвижение в сан принимают от патриарха Константинопольского, или же от его наместников в этой стране[111]. Отказываются подчиняться папе Римскому, не потому, что не почитают его за Наместника Христова и преемника Петра, но потому – говорят – что отклонился от порядка Христова и обычаев Петра.

Сей князь весьма силен, даже всемогущественен благодаря деньгам, серебру и золоту, ибо постоянно накопляет и мало тратит на войны и охрану своих городов, так как получает ежегодную дань из областей, – о которых затем будет идти речь – в огромных размерах, но не в золоте, или серебре, или деньгами, кои во многих областях неизвестны, но шкурами таких зверей, как соболи, куницы, снежные барсы, волки, горностаи, барсуки, собаки, и других животных разных видов[112], медом и воском; равным образом получает не только десятину злаками и плодами земли, но такую часть, сколько он хочет и сколько ему нравится, ибо не позволено противиться его воле. Цена этих шкур велика, есть соболи, которые стоят по сто дукатов за штуку[113] и которых очень ценят в особенности поляки, литовцы, самогиты, масовиты, богемы, слезы, молдавы, моравы, венгры, валахи и турки, прусы, ливоны, шведы, даны, англичане, немцы, французы, испанцы, итальянцы и, наконец, все народы, где дает себя знать холод. Из этих народов некоторые приобретают их за деньги, прочие – обменивая другие свои вещи и товары, как делают в особенности граничащие с Балтийским морем, которые доставляют на рынки в

город – столицу Ливонии, на берегу реки Двины – бархат, камку, атлас и другие подобные ткани, а московиты привозят соболей и другие меха, приезжают со знаками и даже с толмачами для обмена товарами[114]. Князь в этих делах более чем ловкий, имея свои места и постоянных представителей, которые настойчиво занимаются этой торговлей. Я уже сказал, что некоторые народы доставляют в качестве дани шкуры собак, ибо поистине есть собаки такой белизны и со шкурой столь блестящей и длинной, что сии меха выделяются красотой и ценностью большими, чем меха рысей[115]. Другие же собаки столь велики и сильны, что их обучают волочить повозки или сани, особенно в горах, где охотятся на соболей – таким образом, что охотники и лучники, которые их преследуют на этих санях по снегу, поднимаются до самых вершин гор и с такой ловкостью, что удобно ранят соболей только в носовые дырки, так как иначе испортился бы мех[116]. Меда же и воска великое изобилие; из меда приготовляется особый напиток, под названием медовуха, каковой используется в качестве пития всем благородным населением страны. Смею сказать, что видел леса в сто и более миль, полные пчел, которые сами по себе, без помощи людей, производят мед[117]. Этот мед, смешанный с разными фруктами и ягодами, особенно с земляникой – которая в огромном количестве и в больших размерах произрастает – делает описываемый напиток столь приятным этим людям, что – как они говорят – он ни с чем не сравним; они почитают его столь приятным, что никогда не насыщаются вполне и, более того – пьют его без всякой другой пищи, до полного опьянения. Но пить его дозволяется отнюдь не всем; более того – это запрещается всем, кроме как служителям князя, каковые, по приказанию его светлости, продают его и от сего извлекают великую прибыль[118]. Что же касается рыб, сия страна имеет их в большом количестве и таких размеров и столь доброго качества, что я не видал и не пробовал ничего подобного ни в какой другой стране. Из костей же и зубов сих рыб производят наручия для оружия, украшения для седел, шахматы и иные изделия, каковые кажутся сделанными из натурального эбена. Имеют сии страны зерна и фуража безмерно, – несмотря на то, что земля покрыта снегом почти девять месяцев в году, и вследствие столь долгого снежного периода почти все парнокопытные звери и животные – и в особенности зайцы, лисы, медведи и птицы – все белые, как снег.

Сей князь может поставить под ружье около 400 тысяч конников[119], по большей части лучников, а также других – копьеносцев и владеющих саблями, при весьма малых расходах, ибо они воюют не по найму, но из любви, уважения, страха и

подчинения, и обильное питание является для них единственной наградой. За два алтына можно получить большой мешок с зерном, а алтын равен примерно шести венецианским сольдо[120]. Из-за великого изобилия зерна имеется здесь и великое изобилие пива – широко распространенный напиток в этой стране, который производится из зерна. Есть здесь и великое изобилие мяса вследствие большого числа волов; самая же большая цена, что платят за лучшего вола, не превышает золотого дуката[121].

Изобилуют здесь также и молочные продукты, птицы дикие и домашние, и звери лесные, кои при столь большом количестве практически ничего не стоят.

Платою же за доблесть воинов служат одежды из различного качества материй шелковых и суконных, коими изобилует князь, получая их из разных концов страны; и смею сказать, что только в Москове видал более 200 тысяч камзолов, шитых золотом и из шелка, и камлотовых, по цене более низкой, подбитых куньим мехом или барсуком; они хранятся во множестве хранилищ мехов, качество коих [мехов] выше описано, и кои [хранилища] занимают главную улицу, длиннее, чем от Риальто до Сан Марко[122]. Хочу отметить, что всякий раз, когда нас приглашали к князю и когда приходилось идти к его светлости, мы видели с одной стороны улицы от нашего жилища вплоть до Кремля местопребывания сего князя, на расстоянии с пол-лиги – что составляет две с половиной итальянских мили – людей, одетых в одежды, полученные из казны, числом более 40 тысяч, расположенных в знак уважения; а когда приходилось возвращаться домой в ночное время, стояли зажженные лучины вышиной около шага по обеим сторонам улицы в двух шагах друг от друга, и они создавали такое освещение, как если бы было полуденное солнце[123]. Что же до прокормления нашего и нашего окружения, мы не израсходовали ровно ничего, ибо князь не терпел – более того, прямо запрещал – чтобы нам что-либо продавали; но с его двора нам посылались каждый день продукты разного рода и в таком количестве, что достало бы и двумстам персонам, так что приходилось питать ими прохожих, и ближних, и бедных, что мы и делали как по приезде, так и во время проживания там и возвращения через всю страну; и сии продукты обычно были дикие петухи, куропатки, фазаны, журавли, лебеди, дикие утки, зайцы и другие животные[124].

Имеет сей князь под господством и полною властью своею одну и другую Русь целиком, то есть Черную и Белую, кои суть царства громаднейшие. Черная, которая именуется Русью Королевской, почти непрерывно ведет войну против Южной Ливонии и весьма часто ведет сражения на замерзшем море.

Белая же Русь ведет войну против Ливонии Северной и весьма часто сражается в северном Ливонском море, иногда же на озере Пейбус (Чудское оз.), замерзающем со стороны сей Белой Руси. И одна, и другая Русь вместе ведут войну против короля Польского и великого герцога Литовского и против самогитов, прусов и курляндцев. Помимо сих двух Русей и княжества Московского, названный князь имеет под собою княжество Володимерское, княжество Смоленское с областью Смоленскою, приобретенною с недавнего времени и отторгнутою от короля Польского и Великого княжества Литовского, и коя была причиною стольких столкновений между московитами и поляками, а также литовцами, и стольких сражений[125]. Держит под собою также царство Псковское, где главный город того же имени, который разделяется двумя большими реками, его омывающими, Волгой и Окой[126]; княжество Тверское[127], княжество Югорское, область Сибирь, царство Новгородское, коего главный город того же имени омывается важной рекой Волгой, вышеназванной и известной, с которой сливается в конце города другая река, именуемая Окой, которая теряет имя[128]; княжество Пермское, очень большая область; княжество Вятское[129], Болгарское, царство Нижненовогородское, каковое имеет главным городом город того же названия, в окружности семь лиг; область Черенигова, некогда царство; княжество Рязанское, то есть Резенсон, выше коего имеется большое стечение воды – о чем писал тот самый Краковский доктор в Трактате о двух Сарматиях – и отсюда берет начало река Танай, которая отделяет Азию от Европы, что на самом деле не так и противоречит истине, как будет сказано; княжества Вятское, Волоцкое, Ржевское, Бельское[130], Устюжское, Ростовское[131], Ярославское, Белозёрское[132], Обдорское[133], Хмельское[134], Клинское, Зубцовское, Тверское[135], Суздальское, Биармия, некогда громаднейшее царство, граничащее с областью Скризинской[136] и другими княжествами, близкими ему, опустошенными частыми набегами татар; на границах коих – все они, подданные императора [хана] полевых татар[137] – имеется область Устюг[138], весьма обширная и некогда царство; помимо того, Вятка, обширнейшая область и некогда царство[139] на границе с татарами ногайскими – все эти под владычеством сего светлейшего князя. Помимо того, под его господством Вогульская область в самой Татарии, взятая из рук татар предшествовавшими князьями московскими[140]. Есть и область Тверская, в коей город того же имени с кремлем, называемым Творд, который окружен прежде названной рекой Волгой[141]. Владеет еще сей князь областью Казанской, названной Ордой, взятой из рук императора

татар Казани, за какую сии татары, даже будучи магометанами, выплачивают ежегодно дань вышеназванному светлейшему князю, служа ему на войне 30-ю тысячами коней, со всей верностью[142]. В сей области имеется один единственный кремль, называемый Казанский, который омывается рекой Волгой. И еще обладает сей князь двумя обширнейшими областями на Севере, Югра и Карелия, кои покрыты высочайшими горами и имеют обширнейшие поля, долины и леса и простираются вплоть до Ледовитого моря[143]; обитаемы они людьми совершенно чуждыми всякой чистоты, человечности и обхождения, которые являют лишь полное подчинение и приносят годовую дань вышеназванному князю собольими шкурами, шкурами снежных барсов, рысей и других подобных животных, медом и воском – всего этого у них в изобилии имеется, и не знают они употребления ни золота, ни какого иного металла; не имеют кровли, ни какого жилища, кроме лесов и хижин из ветвей и листьев; не умеют ни пахать, ни сеять, не знают хлеба; питаются мясом диких зверей, убитых на охоте, в шкуры которых одеваются, сшитые беспорядочно и кое-как; поклоняются Солнцу, Венере, почитают Рощи и Змей как нечто священное и считают, что таковая их жизнь блаженна и что не существует более блаженной жизни[144]. Имеются в этой области разные горы огромнейшей высоты, среди которых чаще всего называют – она же самая высокая – Югорскую[145], которая среди Рифея признается самой высокой, так что, хотя она и легко доступна, невозможно добраться до ее вершины иначе, как в четыре дня и четыре ночи; и – насколько мне говорили и заверяли люди, достойные доверия, в особенности маэстро Николай Любчанин[146], профессор медицины и астрологии и всех ученых наук – на сей вершине вечный свет, – что мне подтвердили также Угрин Базерович и один его брат, с коими имел я после оказанной мне князем милости долгие беседы; ибо князь повелел им прийти ко мне из их мест как знающих дальние области. Названный брат Угрина меня уверял, что он подымался до самой вершины названной горы или, по крайне мере, до той ее части, которая возвышается над всеми облаками и бурями воздушными, и где беспрерывный свет, не прерываемый никакою темнотою. На сей горе особенно живут соболи и многие другие виды животных и зверей, на коих охотятся охотники на повозках, которые тянут, как уже говорилось выше, собаки большой силы и обученные. Гора эта весьма близка области Югра и более других известна, так как живут здесь люди немного человечнее, или не такие зверские. От начала и до середины покрыта постоянно снегом, с середины и выше – земля пепельного цвета, и воздухом

невозможно дышать, если как-то не позаботиться об этом прежде – как это и сделал названный брат Угрина, который, чтобы противостоять этому, намазал – как он говорил – лицо, голову и руки козьим салом и держал во рту губку, пропитанную этим же салом[147]. Есть еще и другие горы Рифея как в европейской Скифии, так и в Азиатской, которые превосходят Гиперборei и вместе с ними соединяются[148], но самой высокой из всех является названная выше гора Югорская, на которой зарождаются известнейшие реки, среди коих очень часто упоминаемая древними и в новейшее время Танай, славная не только своей шириной и длиной, но так как природой была расположена, а людьми избрана для разделения Азии от Европы. Это верно, что начало свое берет с названной горы и что – протекая большой пастью по упомянутой провинции Югорской и Эксобигитанской и другим областям князя Московии и татаров полевых и чагатайских,[149] – получает увеличение из многих других рек, направляется в болото Меотиду и море Эвксинское, или Понтийское, – что подтверждается славнейшими из древних писателей, и в особенности Птоломеем, князем космографов. Хотя, как уже было сказано, согласно мнению современного краковского автора, который составил Трактат о двух Сарматиях и преподнес его императору Максимилиану, который поэтому поручил мне исследовать истину во время сего моего путешествия в Московию – эта река берет начало свое в государстве названного Московского князя и княжестве Рязанском из большого скопления воды, а не в горах, и что, протекая через земли татар, течет в болота Меотиды и в Эвксинское море. Тем не менее он признал ошибку и что был обманут – как мне подтвердил в присутствии короля Сигизмунда после моего возвращения из сих краев, в городе Петрокове, утверждая, что получил таковые сведения от нескольких пленников-московитов и что преподнес в дар [книгу свою] его императорскому величеству, зная, что он интересуется космографией, но что не предпринял иных усилий для установления истины, как то сделал я со всею тщательностью, устанавливая истину в Москве и в других местах от людей, знающих эти места; и все сии люди утверждали мне, что вышеназванная река берет начало на названной горе Югорской, а область Рязанская совершенно ровная, и названное скопление воды ни что другое, как из дождевых вод, которые стекают с гор, но с которых не вытекает никакая река; и потому невозможно, чтобы из этого скопления воды могли рождаться столь большие реки, кои текут в разных направлениях; согласно названному Краковянину, из сего скопления вытекает также река Двина,

которая, протекая вначале к северу, потом к западу, впадает в Балтийское или в Шведское море в части южной Ливонии, возле города Риги. Помимо того, рождается [все согласно Краковскому ученому] Борисфен, который направляется на юг, протекает по одной и второй Руси возле Львова[150], главного города, и потом в море Эвксинское. И этого недостаточно, но [доктор Краковянин] утверждает, что зарождается здесь также и река Волга, которая – протекая через земли Московии и Татарии в направлении к востоку – впадает в Каспийское море.

Эти сообщения далеки от истины и невозможны также и в силу уже изложенных причин; кроме того, Волга не может впадать в Каспийское море, так как [в этом случае] пересекалась бы Танаем, и в результате впадали бы вместе в названное море, что означает, что Танай имел бы течение свое вне гор Каспийских и Гирканских и своего моря [Эвксинского], и в результате обе области со своим морем оставались бы в Европе, – вещь неверная, как видно; выходит, так как говорят, что Каспийское море по своей форме представляет пруд, окруженный теми же горами Каспийскими и Гирканскими, и что в него не впадает никакая река, и никакая не вытекает из него; все эти начала рек из вышеназванного скопления воды – всего лишь плод воображения, как воображает он, или тот, кто его научил, утверждая, что не было никогда в этих частях северных гор Рифейских, Гиперборейских или иных; истина прямо в противоположном, как я уже сказал, и об этом свидетельствует также особенность и этимология вокабулы «Рифео» – которая на греческом языке означает «бурный» и «Борео», самый сильный из ветров, дующий в этих краях, и названные горы получили свое название от этого[151]. Гипербореи рождаются от утесов и скал Норвегии и Швеции и несутся в Северный Ледовитый океан, следуя землею названного князя московского, частично в области Югра, которая простирается вплоть до Ледовитого океана и включает в себя одну и другую стороны гор Рифейских и Гиперборейских на том пространстве, которое они захватывают[152].

Река Волга, самая значительная, также берет начало от названных гор Рифейских, как я узнал, и течет вначале на запад, потом на восток, а потом на юг, протекает через Новгород, в нее вливается река Ока – тоже значительная – и другие реки, и, протекая через территорию Московии и Татарии, пересекается рекою Танай и теряет свое название, впадая вместе с нею в Эвксинское море. Есть еще реки Молога, Шексна, Седугас, Белоозеро, Москва и Борисфен, здесь также называемый Днепром, каковые реки начинаются на разных горах Рифейских, стекают по эту сторону Борисфена в различные части и области Московии и

впадают в Волгу, Оку и Танай[153]; и Борисфен течет, как сказано, отделяя Тавриду, Херсонес и землю татар крымских и перекопских, и впадает в море Эвксинское. Река Двина, значительная, спускается с названных гор Рифейских и, пополнившись из названного скопления воды в княжестве Рязанском, направляясь немного на север, немного на запад, омывая Черную Королевскую Русь и часть Белой, впадает в Балтийское море в регионе южной Ливонии, вблизи Риги – главного города этой области. Думаю, что достаточно дал сведений об этих реках, наиболее важных для навигации и по своей величине, и о других, менее важных, которых много, говорить не буду, чтобы не было слишком скучно читать. В устьях некоторых рек, где с большими соединяются[154], совершаются торговля и обмен разного рода товарами, в особенности происходит это на границах разных областей, то есть Биармии, подчиненной князю Московскому, и Скризинии[155], на окраине Швеции. Помимо провинции Биармия, в направлении к Северному океану обладает сей князь различными значительными островами, среди коих Магнето, куда приплывают с разными товарами разные народы, производя обмен, как им удобнее, не заботясь о тонкостях дела[156]. Этот остров преизобилует рыбой и ведет богатую торговлю с различными странами света. Людей в этих областях и во всей стране вышеназванного князя продают, как куриц и других животных, на рынке; их продают, и о них заключают договоры. Отцы и матери приводят на ярмарки и рынки детей и продают их для удобства покупателей за ничтожную цену. Скажу больше, в городе Московии некоторые из наших купили нескольких молоденьких девиц от пятнадцати до восемнадцати лет, поистине прекрасных, для своего употребления и удовольствия всего за один дукат или унгар, и так обычно их покупают за большую или мелкую цену, и дети, которые родятся, остаются во власти купивших, которые могут их для своего удовольствия продавать и менять, хотя и не могут вывозить из страны, но могут только держать для всяческого употребления[157],– то, что запрещается нашими законами божественными и человеческими; но сия нация и в худший порок весьма погружена[158]. Сей великий князь Василий – как мне рассказали – решил завести жену, чтобы иметь детей и обеспечить себя законным наследником и преемником государства; для этого повелел объявить во всех частях своего государства, чтобы – не взирая на благородство или кровь, но лишь на красоту – были найдены самые красивые девственницы, и во исполнение этого указа были выбраны более 500 девственниц и приведены в город; из них было выбрано 300,

потом 200 и наконец сократилось до 10, каковые были осмотрены повивальными бабками со всяческим вниманием, дабы убедиться, действительно ли они девственницы и способны ли рожать детей, и нет ли у них какого недостатка, – и, наконец, из этих десяти была избрана жена[159]. В то время как я вел переговоры у его светлости по поводу вышеупомянутого соглашения о мире от имени его императорского величества, княгиня, к своему несчастью, не забеременела еще и потому не пользовалась тою репутациею и уважением, каковые ей полагались бы; и чтобы сделать ей приятное, мне пришлось вмешаться для освобождения ее брата, которого заключили в тюрьму за весьма легкие проступки. Все тогда же, когда я находился в Москве, я попытался со всем терпением и ученостью установить достоверно, каково расстояние от города Московы до Северного Ледовитого океана, который на большом пространстве служит границей для провинций и областей этого князя, – и благодаря полученным совпадающим сообщениям, и имея в виду промежуточные области, в особенности Югру, Биармию, Карелию с такими промежуточными отдельными горами Рифейскими и Гиперборейскими, долинами и склонами, – расстояние в любом случае должно было бы превышать 400 лиг, к коим надобно добавить 164 лиги, какие я преодолел от границ Литвы до самого города Московы, все по землям князя; следовательно, от границы с Литвою, которая располагается на юге, вплоть до названного Ледовитого океана должно было бы быть лиги 564, что составляет 2820 итальянских миль. Из счета исключены острова, которые могли бы покрывать пространство в 240 лиг. Равным образом и ширина этого государства его светлости должна почитаться обширнейшей и не менее 400 лиг, – принимая во внимание ширину одной и другой Руси, Черной Королевской и Белой, которые простираются более в ширину, нежели в длину. Помимо этих двух провинций, есть еще там Московия, Володимирия и многие другие области. Кроме того князь приобрел большую страну татар – так что расстояние от Балтийского моря, которое составляет границу с Западом, вплоть до страны татар на востоке, то бишь земли ханов крымских, перекопских, ногайских, полевых и чагатайских, и казанских, не может быть меньше 400 лиг. Что составляет 2000 итальянских миль[160]. Некоторые считают, что расстояние на самом деле еще большее. Ханат татар Казании – один из граничащих на Востоке – часто вторгался в земли князя, но в большом столкновении потерял часть своего государства, и два его сына были пленены московитами, затем крещены, как я уже говорил[161], и с того времени успокоился. Но московские границы нарушаются сейчас ханом полевых татар и татар

чагатайских, которые воздерживаются от набегов, если получают подарки и дары; но часто подарки и дары ему предлагает король Польский и тогда, пренебрегая обязанностями и обещаниями по отношению к князю, вторгается в его земли и наносит великий ущерб, даже если часто терпит тяжкие поражения от названного князя; но, благодаря изобилию людей и лошадей, которых он имеет, мало с этим считается и часто повторяет набеги. Татары ногайские, благодаря их большому числу и тому, что они между собою объединены, мало считаются со своими ближними соседями и нападают то на одного, то на другого; и, чтобы утихомирить их, соседи их платят им дань, как делают многие князья с гелветами, чтобы иметь их на собственной службе вместо того, чтобы быть принужденными к таковой дани. В особенности хан крымских и перекопских татар, тесть султана Селима, повелителя турок, граничит с названным князем Московским и с королем Польским и оказывает благодеяния то одному, то другому, – в зависимости от дани, какую получает от них. Во всяком случае, часто случается, что во время набегов оказывается побежденным вследствие разлива реки Борисфена, но, благодаря изобилию людей и лошадей, совершенно не думает об этом. С запада сей князь испытывает беспокойство от некоторых областей Швеции, расположенной около Балтийского моря нижнего и охватывающей многие провинции, в особенности Скандию, которую некоторые считали другой Европой[162], потом в море Океана внешнего – Норвегию[163], где по большей части замерзает море вблизи берегов. Эта враждебность объясняется различием обычаев и веры, так как московиты придерживаются греческого обряда, а шведы – римского, почему почитаются католиками.

Много беспокойства исходит также от Скризинии на Крайнем Севере, где столкновения происходят на воде, на земле и на льду. Сия провинция находится напротив Биармии и разделяется Белым озером, огромнейшим и изобилующим рыбою; на нем, когда оно замерзает, часто совершаются битвы, а когда лед тает, борьба происходит на судах[164]. Другая опасность и беспорядок исходит из Эльсингии[165] и Лапии, по эту сторону Балтийского моря, в отличие от другой Лапии, западной, по ту сторону этого моря. Не остается спокойной восточная Ботния, в отличие от западной, и также Тавастия, между коей и Московией происходит война на озере, когда оно замерзшее[166]. Финляндия находится в море Финском, то есть залив Вендский[167], второй рукав того же Балтийского моря, и часто находится в войне с князьями московскими, и сражения почти всегда происходят на льду, так как сие море почти всегда замерзшее. Наконец, среди врагов князя находятся также две Ливонии, Северная и Южная с

Курляндией, которая зависит от Великой Пруссии, где великий мастер – из семьи бранденбургских маркизов, имеющих герб такой же, как благородные семьи Ланда в Венеции. Это происходит потому, что король Польский имеет определенное преимущество над великим мастером Ливонским; более того, будучи кавалером Преблагословенной и Пресвятой Девы Марии Ливонской, он обязан обращать оружие в пользу короля Польского всякий раз, когда случается война между Московией и Польшей, и по той или иной причине – оскорбления ли, или защиты – эти провинции причиняют неприятности и ущерб Московии[168].

Это Балтийское море, которое мы уже упоминали, получает различные названия и представляет собой, в сущности, залив Атлантского океана, который в начальной части или при входе очень узок вследствие наличия разных островов, а потом расширяется и разделяется на два рукава.

Начало этого моря называется Кимврийское и Датское, благодаря там находящимся островам Дании, потом называется еще Германское, Прусское, Готское, Шведское и Ботническое. В этом первом рукаве находится Готландия, известнейший остров, древнейшее местопребывание королей готских[169], о чем убедительно свидетельствуют могильные надписи, которые там находятся. Второй рукав, с правой стороны, именуемый Ливонский, Финский или Московитский – получает название от областей, им омываемых и коими ограничивается: провинция Швеция, достаточно большая, и полуостров Скандия, включающий Норвегию, окружены Северным океаном, Балтийским морем, и Биармией, и Угрой, и горами гиперборейскими и названными московитскими областями, князь коих в этом Северном океане с судами или по суше с лошадями часто ведет войны с соседними областями и с теми, кого почитает врагами или превышающими их силою.

Я рассказал то, о чем сумел узнать от людей, более сведущих и более осведомленных об этих областях – в то время, когда совершал свою миссию, и я пользовался для своего исследования любой возможностью изучения, благодаря свободе, предоставленной мне князем, как я уже рассказал выше. Мне остается рассмотреть важную частность, касающуюся реки Танай, о происхождении которой я говорил выше. Речь идет о том, верно ли, что от нее происходят и берут начало и истоки наши среднеземные моря, начиная с Евксинского, которое в Азии омывает Трабизондскую империю и в Европе империю Константинопольскую и которое создает Пропонтиде и море, которое завершается между Босфором Фракийским и

Гелеспонтом, своим продолжающимся течением впадает в море Эгейское, потом Ионическое море – закрывающее Пелопонес при помощи Истма, или Морей, мать столь благородных и мужественных людей, и потом еще Адриатическое море, в конце коего располагается чудеснейший город Венеция, госпожа и царица этого моря; потом Сицилийское море; затем Тирренское; Лигурийское море; Галлийское; Сардийское; Балеарское; Испанское, или Иберское; Гадитанское, или Геркулесово, и Атлантический Океан; – или же исходят ли эти моря и берут свое начало из Южного океана, и этот океан входит и протекает через Гадитанское море [Гибралтарский пролив]. Кажется ясным, что дело обстоит именно так, то есть что океан является источником наших морей, как – в конце концов – всеми и признается. Однако, так как это море имеет приливы и отливы, а это против природы и свойств океана, где имеем постоянный прилив без отливов, – что общее мнение мало основательно, и что источник сих морей находится в другой части, то есть может исходить из болот Меотийских, именуемых скифами [сей] страны Тамиринда, что на нашем языке означает «мать морей», и происходит от знаменитой реки Танай, которая потом порождает Эвксинское море, от которого вытекают все остальные моря, так как оно располагается в более высокой части по отношению к Южному океану, расположенному, наоборот, в низшей части. Это мое мнение подтверждается тем, что Эвксино постоянно течет в направлении Босфора Фракийского, Пропонтиды и от Пропонтиды к Гелеспонту, то есть Эгейскому морю, которое к другим морям спускается без какого-либо противоположного течения. Правда, что Южный океан входит в наши средиземные моря через Гадитанское море, но все-таки благодаря отливу выходит и возвращается туда же. Выходит, что, если эти наши средиземные моря не имели бы источника выше, они остались бы, вследствие отливов воды в океан, сухими и без воды. Присовокупим к сему еще, что воды болота Меотиды вливаются со столь большой скоростью в Евксинское море, что еще на 50 миль сохраняют пресность и даже если в конце становятся солеными, можем сказать, что эта соленость или горечь происходит от почвы и дна, где они [воды] смешиваются – ибо ясно, что почва сообщает соленость воде, а не вода почве; так вблизи города Кракова можно видеть обширную территорию, производящую такое количество соли, что дождевая вода, которая там собирается, становится совершенно соленой; и этой соли достаточно, чтобы снабдить все королевство и его провинции, провинции России, Мазовии, Литвы, Самогитии и других еще чужих; то же видим и в Онгарии и в Италии; в городе Тироле

источник пресных вод, низвергающихся с горы, имеет некий камень, который делает их солеными и производит белейшую соль в изобилии для всей области и для посторонних. То же видно и в Зальцбурге и во многих других городах. Можем еще сказать об океане, что после вхождения [в наши моря] смешивает свою соленость с водами болота [Меотиды] и, когда с отливом уходит, оставляет это свое свойство в названных водах. Но, как бы то ни было, все это должно рассматриваться как честь величию реки Танай, происхождение которой было причиной опровержения мнений краковского автора. И так полагаю, что удовлетворил моего светлейшего и сочтеннейшего господина, в честь коего пожелал предпринять сей труд, который предлагаю его благоволению и доброжелательству с глубочайшим уважением.

Пер. О. Симчич.

Текст приводится по изданию: Итальянец в России XVI в. Франческо да Колло. Донесение о Московии. М. Наследие. 1996

Кампензе Альберт
Письмо Альберта Кампензе к Его Святейшеству Папе Клименту VII[170] о делах Московии

Глава I
О положении Московии и ее пространстве; о татарском императоре Тамерлане и о народах, сопредельных московитянам

/Положение и пространство Московии/. Московия, лежащая в дальнем от нас расстоянии, по направлению к востоку, занимает в длину и ширину огромное пространство. Протяжение ее от запада на восток составляет более шестисот миль немецких, или трех тысяч миль итальянских, а именно: от Новгорода (Novogardia) до Москвы пятьсот итальянских, или сто немецких миль (следовательно, Лапландия, лежащая гораздо выше Новгорода, отстоит от Москвы еще далее); от Москвы до Вологды (Volochda) сто итальянских миль; от Вологды до Устюга (Uszhuga) столько же; от Устюга до Вятки (Viathka) столько же; от Вятки до Печоры (Perusrani) тридцать немецких миль и столько же отсюда до Вогуличей (Vahulzrani). Сему последнему народу сопредельны многие скифские племена, живущие далее к северо-востоку в азиатской Сарматии и также подвластные московитянам.

В ширину, т. е. с юга на север, Московия простирается от земли руссов[171] и Литвы вплоть до океанов Скифского[172] и Северного. С запада она граничит с Ливонией, Балтийским морем и с Лапландией, а с востока не замыкается общими пределами Европы; но простирается далеко за Танаис, составляющий границу Европы и Азии и даже за Ра[173], величайшую из рек азиатской Сарматии[174], вплоть до гиперборейской Скифии[175], лежащей на северо-восточном краю Азии.

/Народы, обитающие в Московии/ На сем пространстве обитают многие народы, а именно: югры (Iugri), карелы (Corelli), печоране (Perusrani), вогуличи (Vahulzrani), башкиры (Baschirdi) и черемисы (Czeremissi). В недавнем времени все они покорены Московии великим князем Иоанном (Ivan), предшественником ныне царствующего великого князя Василия. Несколько пониже их к северо-востоку, также по ту сторону Ра, сопредельно с княжеством Суздальским, живут ногаи (Nogai), или западные

татары[176], составляющие самое северное племя из всего татарского народа. Еще пониже их, по направлению к реке Ра, в царстве Казанском (Ducato di Cazan), отстоящем от Москвы на двадцать семь дней пути, находится другое татарское племя, подвластное московитянам и называемое по месту жительства своего Казанскою Ордою. Наконец, ниже сей Орды, на пространстве между реками Танаисом и Ра и как бы к юго-востоку, татары занимают обширнейшие равнины, простирающиеся вплоть до морей Черного и Каспийского. Равнины сии уже более трех сот лет не были посещаемы нашими путешественниками; ибо около 1210 года татары, прибыв от подошвы Североиндийского хребта, заняли все земли, выше Меотийских болот и Танаиса лежащие, вытеснив из них и почти совершенно истребив прежних обитателей: гетов или готфов. Ныне разделены они на 5 орд или племен (moltitudini) (в роде пяти отдельных государств), из коих главнейшая, породившая, так сказать, все прочие и выславшая их в виде колоний, есть Джагатайская или Заволжская (Savolensi[177]).

/Тамерлан/ Государь сей Орды, называвшийся Темир-Кутлу[178] и известный в истории под именем Тамерлана, еще на нашей памяти, подобно молнии (с 1,200,000 воинов, как повествуют историки наши), опустошая и разоряя все, встречавшееся ему на пути, проник через Азию в Египет и победил турецкого султана Баязета[179], который сам в то время, захватив Македонию, Фессалию, Фокиду, Беотию и Аттику и ослабив частыми набегами Иллирию и Булгарию, с жестокостью в продолжение долгого времени держал в осаде Константинополь, главу христианской империи. Император Константинопольский принужден был, оставив столицу свою, бежать во Францию и в Италию, дабы просить помощи противу Баязета. Между тем Тамерлан принудил сего последнего снять осаду Константинополя и, выступив противу него с огромную ратью, разбил его, победил, взял в плен живого, заковал в золотые цепи и долгое время всюду возил за собою[180].

/Батый/ Отец этого Тамерлана известен у нас в истории под именем Батыя[181]; на татарском же языке называется Занка (Zanca). Во время Иннокентия IV вошел он северным берегом Меотийских болот с огромным войском в Европу и, завоевав сперва Россию, (где разрушил богатейший город Киев (Chiovia)), разбил поляков, силезцов (Sletii) и моравов и, наконец, устремился на Венгрию, которую разорил в конец и привел чрез то в ужас и трепет весь христианский мир. До него все татары были идолопоклонники[182]. Он первый, по убеждению сарацинов,

принял магометанскую веру. И потомки его досель пребывают упорными последователями сего учения. Может быть, они были бы христианами, если бы Христос имел таких ревностных священников и епископов, каких имеет вероломный Магомет.

От татарского племени, весьма, впрочем, благородного, получила начало свое Турецкая империя, коей основателем был некто Оттоман[183], незначащий татарский воин, отделившийся от своих соотечественников. Преемники его расширили и в течение двухсот лет так возвеличили империю, им основанную, что ныне вся вселенная с ужасом взирает на нее. Но довольно о татарах, на счет которых понудило меня распространиться соседство их с московитянами, с коими они граничат с востока, юго-востока и отчасти с запада.

/Народы, сопредельные московитянам/ На запад от них, по направлению к Прусскому морю,[184] живут, также сопредельно с московитянами, россы, литовцы и самогеты[185]. Пространство между страною, занимаемою татарами, и Пресским морем составляет около тысячи итальянских миль, а именно: от Киева, бывшей столицы русской до Вильны, столицы литовской, пятьсот миль, а от Вильны до Прусского моря около трехсот пятнадцати миль; остальное же пространство, недостающее до означенных нами 1000 миль, лежит за Киевом, по направлению к востоку. Со времен Ягеллона, первого великого князя Литовского[186], самогеты и литовцы находятся под властью Польши. Государь сей, приняв христианскую веру и сделавшись королем Польским под именем Владислава, обратил в христианство своих литовцев и самогетов. Это случилось еще на памяти отцов наших, не более как за сто тридцать семь лет пред сим. Великий князь Московский Иоанн (Ivan overo Giovanni), о котором выше сего было упомянуто, а также преемник его, ныне царствующий князь Василий, неоднократно, как при теперешнем Польском короле Сигизмунде, так равно и при его предшественниках Александре и Казимире, домогались владения большей части Литвы, т. е. стран, лежащих между Борисфеном, Меотийскими болотами и Танаисом и составлявших прежде царство россов. Киев, столица сего царства, при реке Борисфене, есть один из красивейших и богатейших городов, несмотря на то, что был разграблен и разорен в конец жестокостью и неистовством татар, которые и теперь еще, по соседству своему с Литвою, делают частые набеги на земли россов, от чего земли сии в настоящее время весьма мало населены.

Притязания свои князья Московские основывают на том, что Россия, находящаяся ныне во власти короля Польского, равно как

Лемберг (cilta Leopolina) и вся часть Польши, простирающаяся на север и северо-восток от гор Сарматских, следует с неколебимостью греческому закону и признает над собою власть Константинопольского патриарха[187]. По сей самой причине весьма многие до сих пор еще считают за одно московитян и россов, или рутенов, опираясь на то, что они говорят одним языком и исповедуют одну веру.

Но довольно о племенах, сопредельных московитянам. Обратимся теперь к тем, которые находятся под властью Московского государя.

Глава II
О княжествах и областях, подвластных Московии

Государство Московское, объемлющее значительное пространство в длину и ширину, заключает в себе множество обширных областей и княжеств, из коих главнейшие будут ниже сего исчислены мною. Для соблюдения же принятого порядка начну я с тех, которые более нам известны, а именно с ближайших к Польше и Литве.

/Кн. Псковское/ На север от Литвы прежде всего встречается княжество Псковское (Ducato di Plescovia), имеющее до трехсот тридцати итальянских миль в длину и целою третью более в ширину. Столица сего княжества есть Псков (Plescov overo Plescovia), обширный и укрепленный город на реке Двине (Zuiva[188]). За несколько лет перед сим Василий, нынешний государь Московский, завоевал это княжество со всеми принадлежащими к нему землями, причем взял более тридцати крепостей, хорошо снабженных и укрепленных, которыми Псков владел в Литве и остальной части Московии. Коренных жителей перевел он в свои владения, а Псков населил московитянами[189]. Княжество это, лежащее выше Ливонии, принадлежало прежде Польше и Литве. На восток от оного находится княжество Смоленское (Ducato Smolenchino), которое по пространству своему гораздо обширнее, нежели Псковское.

/Кн. Смоленское/ Главный город его есть Смоленск (Smolencho) при реке Борисфен. Василий недавно отнял это княжество у короля Польского и у литовцев и присоединил к своим владениям[190].

/Кн. Можайское/ С севера и северо-востока Смоленское княжество граничит с княжеством Можайским (Ducato di

Mosaisco), имеющим триста пятьдесят итальянских миль в длину и столько же в ширину. Предшественник Василия, Иоанн, отнял его силою оружия у Александра, предместника ныне царствующего короля Польского Сигизмунда[191].

К северо-западу от Можайского княжества лежит княжество Новгородское (Ducato di Novogardia), в котором находится знаменитейший и богатейший из всех северных городов – Новгород (Novogrod overo Novagardia), отстоящий от Балтийского моря на двести две мили. Он обширностью своею более Рима; зато строения в нем почти все деревянные. В Новгороде встречается столько богатых и великолепных монастырей и столько храмов, изящно и пышно разукрашенных, что для описания одной церкви св. Николая, весьма уважаемого московитянами, потребуется не менее целого года[192]. Этот знаменитый город, находившийся прежде под властью Литвы,[193] был взят со всеми принадлежащими к нему землями у Казимира, одного из предшественников Сигизмунда, великим князем Иоанном в лето спасения нашего 1479[194] и присоединен к Московским владениям. Сокровища Новгорода, по свидетельству очевидцев, вывезены в Москву на 307 повозках[195], наполненных золотом, серебром и разными драгоценностями.

Вот четыре обширные княжества, которыми в последние сорок лет значительно увеличилось государство Московское.

Глава III
Владения, составляющие собственно государство Московское

Собственно так называемая Московия, снабжающая великого князя по требованию его нужным количеством воинов, и где, сверх того, добровольно вписываются в воинскую службу многие благородные всадники, именуемые боярами и всегда готовые на брань по первому призыву государя своего, имеет, как я уже выше сказал, до шестисот немецких миль в длину и разделена также на множество обширных княжеств и областей.

/Кн. Московское/ Первое из них княжество есть Московское, лежащее на северо-востоке от Новгорода[196]. Москва, столица княжества и всего государства, замечательна по своей обширности; но строения в ней все деревянные, кроме одной крепости, которая находится посредине, в виде отделанного, довольно большого городка, и окружена твердыми стенами и башнями. В Московском княжестве считается до тридцати тысяч бояр или дворян, вписанных всадниками на воинскую службу и

всегда готовых к бою по воле великого князя. Сверх того, государь может всякий раз, когда только пожелает, собрать шестьдесят или семьдесят тысяч пехоты из молодых людей мужественных и уже совсем вооруженных.

/Кн. Рязанское/ К востоку от княжества Московского лежит княжество Рязанское (Ducato di Rezan), в котором находятся источники знаменитого Танаиса, отделяющего Европу от Азии. В этом княжестве считается до пятнадцати тысяч всадников, также из рода бояр, а из простолюдинов можно без труда набрать во всякое время вдвое или втрое более сего числа. К северу и северо-востоку с княжеством Московским сопредельно Тверское княжество (Principato di Tuverda), превосходящее первое своей обширностью. Главный город Тверь (Tuverd), при знаменитой реке Волге (Volga), или Ра, весьма обширен и гораздо пространнее и великолепнее самой Москвы[197]. В Тверском княжестве считается сорок тысяч всадников из бояр, и из простолюдинов можно, в случае нужды, набрать вдвое или втрое более.

/Кн. Ярославское и проч./ Сверх сего, в Москве есть еще много других владений и княжеств, как то: княжество Ярославское (Iaroslavia), Шухерцонское (Sehuherzonia), Шаховское (Szachovenia), Рубенское (Rubenia), Хельмское (Chelmschi), Цубецувожское (Zubezuvoschi) и Климское (Chimischi[198]). Каждая из сих областей занимает в пространстве от ста до ста пятнадцати миль и выставляет государю своему, по его назначению, определенное число всадников – из дворян, и пеших воинов – из простого народа. Нужно, однако же, заметить, что княжества, в начале сей главы нами описанные, населены более других и потому считаются главнейшими.

/Кн. Суздальское/ Далее к востоку, по ту сторону реки Ра, лежит княжество Суздальское (Ducato di Susdali) и многие другие области, жители коих единоплеменны с московитянами и признают над собою их власть. Впрочем, все они почти в конец разорены от постоянных набегов ногайцев (Nahaivi) и других татар, обитающих далее прочих Орд к северу и прилегающих к Суздалю с восточной его стороны[199].

/Казанская Орда/ Государству Московскому подвластна также одна татарская Орда, находящаяся при Казани (городе, принадлежащем московитянам и лежащем близ реки Ра, в двадцати семи днях пути от Москвы, по направлению к

востоку[200]). Орда сия, называемая Казанскою, кочует по степям и может выставить князю Московскому, по первому его требованию, до тридцати тысяч всадников. Впрочем, она соблюдает все обычаи древних татар и исповедует магометанскую веру.

/Скифские племена, подвластные Московии/ К северо-востоку от Московии, за Вяткою и Устюгом, в расстоянии пятисот немецких миль, живут печоране и вогуличи, народы племени скифского. Незадолго перед сим великий князь Иоанн, предшественник ныне царствующего князя Василия, покорив их своему владычеству, принудил креститься и исповедовать Христа и дал им в духовные наставники греческого епископа, или владыку (Vladico). Говорят, что по отбытии великого князя варвары схватили этого епископа, содрали с него кожу и потом умертвили в жесточайших мучениях. Князь, узнав о сем, поспешно возвратился назад, казнил зачинщиков бунта и, дав им другого епископа, снова обратил их к вере христианской[201]. За печоранами и вогуличами, по берегу Северного океана, живут другие скифские племена, как то: югры, карелы, башкиры и черемисы. Все они находятся под властью московитян, но доселе еще коснеют в идолопоклонстве.

Глава IV
О реках Московии и качествах ее почвы

Московия представляет вид совершенной равнины, усеянной множеством лесов и пересекаемой по всем направлениям пространными реками, наполненными рыбою.

/Днепр/ Главнейшая из сих рек суть следующая: Борисфен, называемый у московитян Днепром (Dnieper), берет свое начало в княжестве Смоленском близ знаменитой крепости Вязьмы (Versura[202]), завоеванной нынешним великим князем Василием у Сигизмунда, короля Польского, и течет прямо на юг, сначала мимо Смоленска, а потом мимо Киева, бывшей столицы России. Пробежав около трехсот немецких миль, он впадает, не далее как в десяти милях от полуострова Таврического, в Черное море. Неподалеку от источников Борисфена берет начало свое другая река, называемая Двиною (Duvina).

/Двина/ Она стремится прямо на запад, протекает через княжество Псковское, касается стен самого Пскова и при Риге, городе Ливонском, изливается в Балтийское море[203].

/Дон/ Источник Танаиса находится в Московии, в княжестве Рязанском, в семи днях пути от города Москвы. Река сия течет сначала к северу, повыше источников Борисфена, потом бежит попеременно то к югу, то к востоку, далее поворачивает несколько на запад и орошает плодоносные равнины татар и, наконец, пробежав около семисот итальянских миль, впадает тремя рукавами в Меотийское озеро и как бы наполняет его водами своими[204]. Московитяне называют Танаис Доном (Don), т. е. святым, потому что река сия изобилует рыбою и обтекает земли самые тучные и плодоносные.

/Волга/ Величайшая же из рек Московии есть так называемая Волга, протекающая в азиатской Сарматии и превосходящая величиною своею третью часть всех европейских рек[205]. Источники ее находятся на северо-западе от источников Танаиса. Она берет начало свое в обширном озере, называемом Белым,[206] и, пробежав довольно большое пространство по направлению к северо-востоку, орошает стены Твери, главного города княжества Тверского, принадлежащего Московии; потом, изгибаясь на юго-восток, протекает мимо московского города Казани и оттуда, разлившись бесчисленными рукавами по обширным татарским степям, впадает в Каспийское море[207], в расстоянии двадцати дней пути от Казани. Все эти реки берут начало свое в местах низменных, болотистых и лесистых, а не в тех баснословных Рифейских и Гиперборейских горах, которые произвело воображение греков и которых никто еще не видел в природе; ибо во всей Московии не встретишь ни одного пригорка, разве только на берегах Северного и Скифского океанов, где обитают югры, карелы, башкиры и черемисы[208]. При сем случае не могу довольно надивиться дерзости наших географов, которые без стыда и совести рассказывают невероятные вещи о Рифейских и Гиперборейских горах, в коих, по уверению их, берут начало свое означенные реки. Все это столько же справедливо, как и то, что повествуют они об обеих Сарматиях и вообще о странах северных. Стоит только, подобно мне, сличить показания их с рассказами новейших путешественников, чтобы вполне удостовериться в их бесстыдстве.

Глава V
О Герцинском лесе и деревьях, растущих в оном; о большом количестве меду, собираемого в Московии, и о свойствах ее жителей

/Герцинский лес/ Герцинский лес, рассеянный частыми и

густыми рощами[209] на всем пространстве Московии, снабжает жителей всякого рода деревьями, нужными для их употребления. Вообще у них гораздо более лесу, нежели у нас. Сосны – величины невероятной, так что одного дерева достаточно на мачту самого большого корабля, а дуб и клен (roveri) гораздо лучше, чем в наших краях. Эти два дерева, будучи распилены, представляют в разрезе своем удивительную и прелестную смесь цветов, наподобие волнистого камлота. Купцы наши вывозят их в большом количестве в числе прочих товаров из Московии и продают по весьма дорогой цене, несмотря на то, что у нас самих нет недостатка в лесе.

/Большое обилие пчел и меду/ Московия очень богата медом, который пчелы кладут на деревьях без всякого присмотра. Нередко в лесах попадаются целые рои сих полезных насекомых, сражающихся между собою и преследующих друг друга на большом пространстве. Поселяне, которые держат домашних пчел близ своих жилищ и передают в виде наследства из рода в род, с трудом могут защищать их от нападения диких пчел[210]. Вообразив это обилие меду и лесов, неудивительно, что все то количество воска и жидкой и твердой смолы, которое потребляется в Европе, равно как и драгоценные меха, привозятся к нам через Ливонию из Московских владений. На берегах Дона и Волги (Pa) растет, сверх того, во множестве ревень (Reuponteio) и аир (calamo aromatico).

/Народонаселение/ Московия, несмотря на обширность свою, весьма хорошо населена и так тщательно защищена на границах, что не только никто из служителей или рабов, но даже поселяне и вольные люди не могут выйти за пределы государства или войти в оное без особенной великокняжеской грамоты. Сему весьма много способствуют обширные леса и болота, которые, заграждая повсюду сообщения, вынуждают каждого держаться больших дорог, весьма бдительно охраняемых княжескою стражею.

/Богатство/ Если ж кто-нибудь вздумает уклониться от сего общего пути и избрать окольную дорогу, то неминуемо погибнет в непроходимых болотах. Московия весьма богата монетою (добываемою более через попечительность государей, нежели через посредство рудников, в которых, впрочем, нет недостатка[211]); ибо ежедневно привозится туда из всех концов Европы множество денег за товары, не имеющие для московитян почти никакой ценности, но стоящие весьма дорого в наших краях. К тому же вывоз золота и серебра за пределы государства строжайше запрещен, исключая тех только случаев, когда сам

великий князь посылает оные на продовольствие войска; ибо он ведет беспрерывные войны с соседями своими, как для внушения им должного страха, так равно и для распространения своих владений. Впрочем, он никогда не употребляет воинов чужеземных, а набирает рать свою из собственных подданных, которыми повелевает с неограниченною властью, имея полное право располагать жизнью их и имуществом.

/Свойства московитян/ Никто из московитян не смеет в чем-либо противоречить воле государя, и сей последний властен даже переводить их с места на место и назначать им жительство по своему усмотрению. Мужчины вообще рослы, сильны и привычны ко всем трудам и переменам воздушным; но очень склонны к пьянству. Эта народная слабость принудила государя их запретить навсегда, под опасением строжайшего взыскания, употребление вина, пива и другого рода хмельных напитков, исключая одних только праздничных дней. Повеление сие, несмотря на всю тягость оного, исполняется московитянами, как и все прочие, с необычайною покорностью.

Глава VI
О религии и нравах московитян

/Религия московитян/ Все многочисленные племена, подвластные московитянам (за исключением казанских татар, исповедующих, наравне с прочими татарами, магометанскую веру, и некоторых скифских народов, поклоняющихся идолам) веруют в Единого Бога, признают Христа Спасителя и отличаются от нас только тем, что отвергают единство церкви. Существенная же разница между их вероисповеданием и нашим состоит в немногих догматах, которые, впрочем, сами по себе не слишком важны для душевного спасения и могут, по собственным словам апостола, скорее, быть терпимы, чем искореняемы жестокостью или поставляемы в грех людям, не совсем еще утвердившимся в вере. Во всем прочем они, кажется, лучше нас следуют учению евангельскому. Обмануть друг друга почитается у них ужасным, гнусным преступлением; прелюбодеяние, насилие и публичное распутство также весьма редки; противоестественные пороки совершенно неизвестны, а о клятвопреступлении и богохульстве вовсе не слышно. Вообще они глубоко почитают Бога и святых Его и везде, где только встретят образ Распятого, немедленно падают ниц с сердечным благоговением[212].

/Богослужение/ Московитяне причащаются весьма часто

(почти всякий раз, когда собираются в церковь) и употребляют для сего хлеб кислый, принимая Святые Дары под двумя видами. Служб у них немного и не по нескольку вдруг; но один священник, отправляющий служение, приобщившись сам Тайн Христовых, выносит к народу, в церкви находящемуся, сосуд, наполненный, по их обыкновению, хлебом и вином; каждый берет из сосуда часть освященного хлеба, напоенного вином, и причащается из своих рук[213]. В церквах не заметно ничего неблагопристойного или бесчинного; напротив того, все, преклонив колена или простершись ниц, молятся с искренним усердием. Отец мой и многие другие почтенные особы, проживавшие некоторое время в Московии, уверяли меня, что московитяне были бы гораздо праведнее нас, если бы не препятствовал тому постыдный раскол их, уничтожение коего было весьма легко для предшественников Ваших и еще удобнее для Вашего Святейшества, как Вы изволите усмотреть из следующей главы.

Глава VII
О легчайшем способе привести московитян к единству Римской церкви

/Мнения великого князя в делах веры/ Если бы о сем предмете надлежало состязаться с целым народом, то мы, без сомнения, встретили бы множество препятствий и затруднений (ибо нелегко склонить кого-либо к оставлению или изменению веры предков), хотя, впрочем, эти затруднения нисколько не должны ослаблять усердия ревностного пастыря церкви в великом подвиге присоединения к стаду Христову миллионов душ, совратившихся хотя несколько с пути истинного. Но здесь встречается совсем противное. Вся власть сосредоточена в лице одного великого князя, неоднократно желавшего единства в делах веры, и потому непростительно и даже преступно равнодушие, с которым пастыри наши, оставляя досель без внимания выгоды церкви, не только сами не искали, но даже отвергали государя, спешившего навстречу им со всем своим народом и умолявшего о присоединении его к верной пастве Христовой[214]. Мне стыдно и даже больно напоминать здесь об этом равнодушии; но, к несчастью, дело сие уже слишком известно. Враги наши знают о нем и, к стыду нашему, ежедневно с новою гордостью выступают против нас и против защитников апостольского престола.

/Собор Флорентийский/ Еще за 50 или 55 лет пред сим, когда отец мой проживал в Московии, я часто и с душевным

сокрушением слышал от него, что один из великих князей (может быть, тот самый Иоанн, о котором было упомянуто выше сего, или его предместник) прислал послов своих из отдаленнейших стран света[215] к Римскому первосвященнику с просьбою о соединении церквей; но тот, в чьей власти находился тогда престол св. Петра, помышляя более о своих выгодах, нежели о пользах Иисуса Христа, потребовал от московитян значительной дани в знак их покорности и, сверх того, обложил их десятиною и еще другими поборами. Послы, возвратившись в отечество, к немалому соблазну соседственных народов убедили князя своего остаться в прежней ереси[216], утверждая, что закон их гораздо лучше нашего. Не знаю наверно, были ли с тех пор другие какие-либо подобные предложения со стороны московитян; но враги наши уверяют, что в недавнем времени великий князь опять возобновил их. Из сего очевидно, с каким малым трудом московитяне могут быть возвращены в лоно истинной веры (честь этого подвига, очевидно, предоставлена Вашему Святейшеству), тем более что нынешний великий князь Василий не только не отвергает соединения церквей, но всеми мерами ищет оного.

/Сейм латеранский и сношения великого князя с королем Датским/ Явным сему доказательством служит то, что во время возвещения блаженной памяти папою Юлием II буллы о сейме латеранском[217], Василий, чрез посредство Датского короля Иоанна, с которым находился в самых тесных и дружественных связях, просил о дозволении в лице своих послов присутствовать при означенном сейме. Истину сего события засвидетельствовал предместнику Вашего Святейшества, папе Адриану VI, мне самому и многим другим лицам, ныне в Риме находящемся, Нидрозиенский архиепископ Эней[218], муж доблестный, бывший в то время канцлером при Датском короле и умерший прошедшею зимою в апостольском дворце. К несчастью, смерть Юлия II, случившаяся в одно почти время с кончиною Датского короля Иоанна, воспрепятствовала исполнению желаний великого князя.

/Сношения великого князя с Максимилианом/ Спустя некоторое время после того, при блаженной памяти верховном первосвященнике Льве X[219], Василий настоятельно домогался у императора Максимилиана титла королевского[220] и, конечно, согласился бы присоединиться к Римской церкви, если бы тайные козни и хитрость Польского короля не разрушили сего дела. Об этом происшествии подробно рассказывал предместнику Вашего Святейшества, мне и многим другим преосвященный Иероним Бальбо, епископ Гургский, приезжавший недавно послом к

папскому двору от Фердинанда, эрцгерцога Австрийского, и бывший свидетелем переговоров между императором и Василием. Но к чему искать нам случаев отдаленных?

/Перемирие Василия с Сигизмундом/ Не самый ли этот Василий еще в нынешнем году ясно доказал преданность свою и желание соединиться с нами, во-первых, тем, что заключил на 5 лет перемирие с старинным врагом своим королем Польским (в то именно время, когда по взаимной вражде государей весь христианский мир едва не попал под власть турок и когда он легко мог воспользоваться этими обстоятельствами для совершенного разорения нашего[221]); а во-вторых, тем, что прислал послов к тому же самому Польскому королю, с 600 всадников и 200 повозок, прося его, как ближайшего и более других известного ему соседа, склонить прочих государей, дабы они, забыв, подобно ему, взаимные свои распри и обиды, занялись наконец благом христианского мира и соединили помыслы свои и оружие против общего врага имени Христова. Вместе с сим он предлагал самого себя и весь народ свой в поборники этому священному делу. О сем писал предместнику Вашего Святейшества, папе Адриану VI, преосвященный Фома Негро, епископ Скардонский, находившийся тогда нунцием апостольского престола при дворе короля Польского и бывший свидетелем переговоров, по сему предмету происходивших. Ныне этот епископ проживает в Риме и может во всякое время подтвердить истину того, что я объяснил здесь Вашему Святейшеству.

Нужно ли после сего искать новых доказательств христианского и братского к нам расположения государя, почитаемого нами еретиком и почти язычником и против коего мы не раз поднимали духовное оружие наше. В деле нашего спасения и для блага христианского мира он являет себя более истинным христианином, чем многие из наших государей, именующихся кафолическими, христианнейшими и ревностными защитниками веры, и которых со всем тем благочестивый Адриан VI, предместник Вашего Святейшества, ни просьбами, ни мольбами, ни пастырскими наставлениями не мог склонить к тому, чтобы они в эту годину общественного бедствия прекратили войны свои, более нежели междоусобные. В этих войнах не обращают они не малейшего внимания на кровь христианскую, как воду, ими проливаемую, на бедствия подданных, предаваемых конечному разграблению, даже на самый гнев Господень, как будто для них не существует Бога, которому они никогда не дадут отчет в своем необузданном желании властвовать, в своих

частных союзах и распрях и в губительных войнах, беспрерывно между ними возникающих. Кто бы поверил, что в то самое время, когда ни апостольская власть, ни строгость церкви не могут убедить западных государей принести в жертву Христу Спасителю взаимные обиды свои, или отложить на время свое мщение, или, по крайней мере, заключить между собой перемирие на три года для пользы христианского мира, придвинутого враждой их на край пропасти, – государь еретический для блага того же самого христианского мира (который, верно, бы погиб без помощи его) заключил с королем Польским перемирие не на 3 года, а на 5 лет, и в ту именно эпоху, когда ему представлялся удобнейший случай одолеть и в конец истребить старинного врага своего? Кто бы поверил, что в то самое время, когда наши государи православнейшие и христианнейшие, наши ревностные защитники веры истребляют друг друга и проливают потоки крови Христианской, не заботясь ни о взятии Родоса[222], который легко бы защитить могли, ни о покорении Белграда[223], ни даже о том, что турки стоят, так сказать, над их головами, – один только еретик радеет о спасении нашем, умоляя всех пробудиться от глубокого усыпления, взвесить собственные пользы и обратить хотя некоторое внимание на горестное положение наше, готовящее нам явную погибель? Кто бы поверил, что тот, кого мы бы должны были страшиться, как врага лютейшего, предлагает в защиту нашу себя и весь народ свой, тогда как государи православные не хотят и помыслить о помощи христианскому миру, который сами если не совсем уже предали в руки врагов, то, по крайней мере, разорили в конец; ибо положение владений их таково, что вряд ли можно соделать его более бедственным? Из всего этого явствует, что Московский государь (если только судить о людях по делам их, а не по тщетным и пустым титулам) вполне заслуживает имя монарха христианского; наши же государи, со всеми их пышными титулами, недостойны даже названия еретиков и язычников.

/Сношения Василия с Карлом V/ Теперь остается нам упомянуть еще о посольстве князя Василия к императору Карлу V, посольстве, прибывшем в апреле месяце сего года в Испанию, после восьмимесячного пути и как бы совершенно из другой части света. Князь чрез послов своих искал дружбы императорской, предлагая в замен ее все то, что может только предложить могущественнейший государь своему союзнику, и убеждал Карла (как то известно из многих писем, нами от мадридского двора полученных) восстать войною против турок, обещая ему с своей стороны значительную помощь деньгами и

войском[224]. Все это ясно доказывает, сколь легко и удобно склонить Московского князя, а с ним вместе и весь народ его к единству Римской церкви, а потому преступно бы было не заняться этим делом и не отправить в Москву искусных послов даже и тогда, если бы единственною целью нашею было только спасение множества заблудших душ. Но ныне, когда гибельное положение христианского мира требует помощи государя могущественного (которую он предлагает сам, невзирая на то, что нам следовало бы искать ее), ныне, говорю я, не только преступно, но даже безумно коснеть долее в обычной беспечности, отвергать союз для нас спасительный и, посмеиваясь над великодушием Московского князя, сделать его врагом своим. Последнее без сомнения случится, если мы не примем вызова его и, возблагодарив за оный, не предложим в свою очередь всего, что может быть ему полезно и что мы только предложить в силах.

/Путь из Московии в Турцию/ Не должно отнюдь верить тем, которые утверждают, будто нам нужны одни деньги московитян, славящихся своим богатством, а помощь их, по причине отдаления Московии от турок, вовсе бесполезна. Из Смоленского княжества, принадлежащего к владениям Василия, дорога идет через землю руссов (народа, сопредельного и дружественного с московитянами, с коими он следует одним обычаям) прямо в Валахию и Булгарию, а оттуда чрез Фракию в Константинополь. Этот путь весьма удобен для следования войск, как бы многочисленны они ни были, а также и для атаки; ибо из всех границ Турции самая слабая, как мне известно, есть та, которая находится со стороны Московии. К тому же Валахия и Булгария населены исключительно племенами христианскими, которые, находясь под властью турок, для них давно уже тягостною, охотно отложатся от них и соединятся с нашими войсками, если только явятся к ним защитники их свободы. Из Валахии же и Булгарии дорога вплоть до самого Константинополя совершенно открыта. В противоположность сему пути, границы турецкие, как морские, так и сухопутные, обращенные к нашей стороне, весьма крепки, хорошо защищены и не могут представить нам такой удобности для нападения, какую Валахия и Булгария представляют Московскому князю. Мысль, будто государь сей сочтет предприятие это слишком для себя отдаленным, совершенно несправедлива; ибо еще недавно он с воинством своим проникнул чрез места гораздо более дикие к самым дальнейшим пределам востока и покорил многие скифские племена, а некоторые из них принудил даже к принятию веры христианской.

Далее автор рассказал «О причинах, по которым верховный первосвященник обязан принять московитян в число паствы своей» – прим. ред. – сост.

Пер. В. И. Семенова.

Текст воспроизведен по изданию: Библиотека иностранных писателей о России. Т 1. СПб. 1836

Фабри Иоганн
Религия московитов

Светлейшему государю Фердинанду[225], эрцгерцогу Австрийскому

Религия московитов, [обитающих] у Ледовитого моря

Издано доктором Иоганном Фабри.

Каспар Куррарий

Здесь, друг, ты имеешь свидетельства божественных установлений варваров, дабы не пошатнулось почитание твоих собственных божественных установлений.

Ввиду [разного] характера людских наклонностей я не сомневался, что найдутся такие, которые, как только прочитают это [повествование] о религии, благочестии, нравах и могуществе московитов, заподозрят, что я скорее угодил [своей] наклонности, нежели что дела обстояли так, как мы честнейшим образом сообщили, особенно при том, что среди людей значительно преобладает та часть, которая едва ли дала бы себя убедить в каком-либо благом мнении об этом народе, и что едва ли какой-нибудь другой народ доселе имел более худую славу в отношении религии. По этой причине, хотя и поздно (ведь уже переписчик[226] завершил труд), попался [мне] случайно экземпляр того письма, которое божественным Карлом, королем Римским, было предназначено государю московитов, и надписью на котором, поскольку, надеюсь, для некоторых она будет представлять интерес, я хотел снискать милость читателя, присоединив [эту надпись] в качестве приложения как для того, чтобы предмет, сам по себе темный, скорее вызывал доверие благодаря столь высокому автору, так и для того, чтобы мы узнали, наконец, о христианах, нравы и весь уклад жизни которых исполнены не чем иным, как истинным благочестием.

«Светлейшему и могущественному государю господину Василию, Божьей милостью императору и повелителю всех рутенов[227], и великому князю Владимирскому, Московскому,

Новгородскому, Псковскому, Смоленскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятскому, Болгарскому, Нижегородскому, Черниговскому, Рязанскому, Волоцкому, Ржевскому, Белевскому[228], Бельскому, Ростовскому, Ярославскому, Белозерскому, Удорскому, Обдорскому, Кондийскому и иных, старшему брату и другу нашему дражайшему.

Карл, император римлян»[229].

Светлейшему государю и господину божественному Фердинанду, государю и инфанту Испании, эрцгерцогу Австрийскому, герцогу Бургундскому и иных, наместнику священнейшего цесарского величества в Римской империи, всемилостивому своему государю доктор Иоганн Фабри желает здравия и мира во Христе, Господе нашем.

Как только ты, светлейший государь, с приветливостью и великолепием, свойственным твоей царственной душе, встретил и принял московитских послов, которые ныне благополучно и с радостью прибыли к тебе в Тюбинген из Испании от священнейшего цесарского величества[230], ибо там их осыпали почестями даже много больше, чем подобало бы, ты, по свойству твоего замечательного ума, тотчас поручил, чтобы я как можно скорее вместе с некоторыми знаменитыми, просвещенными и искушенными во многих вещах мужами, годящимися для дела подобного рода, расспросил, и притом от твоего имени, о происхождении, обычаях, нравах, религии и прочих подобных предметах сих московитов, до недавнего времени нам, немцам, неведомых[231]. Это можно было нам исполнить тем легче, что при них состоял переводчик, хотя и московит родом, [однако], кроме своего родного языка, посредственно владевший немецким и латинским[232]. Без сомнения, в особенности для того, светлейший государь, ты пожелал дать нам таковое поручение (если кому-нибудь оно, возможно, показалось бы необычным), чтобы точнее узнать тех, с кем божественный цесарь Максимилиан, дед твой, для блага государства некогда вступил в союз[233]. Затем есть другое, что увеличило еще твое желание разузнать об этом: чтобы, когда подчас в собрании ученых мужей, где ты бываешь часто, или государственных чинов заходит речь об иноземцах, ты мог равно осветить, если не в состоянии по опыту, то, по крайней мере, основываясь на документах, все, касающееся разнообразных нравов иноземцев. Побуждаемый этим, и я, как пристало мне, охотно повиновался твоей воле; и мы

сразу же приступили к делу и прежде всего объявили [московитским послам], в чем состоит твое намерение; оно им, дивящимся нраву и уму такого государя, пришлось весьма по сердцу. С этим они могли связывать большие надежды, поскольку из всех [государей], к коим по древнему праву гостеприимства они наведывались во время долгого, длящегося уже два года пути с востока на запад, ты был единственный, кто в различных отношениях высоко оценивал их народ. Словом, они, благодаря всему этому настроенные благожелательно, не обходили молчанием ничего из того, о чем мы спрашивали, и, более того, рассказывали обо всем весьма обстоятельно. Так же и я, светлейший государь, повинуясь тебе и исполняя должность верного переводчика, изложу без каких-либо пропусков в том же порядке и виде все сведения об этих людях, которые могли быть преданы гласности, и даже больше, нежели они сообщили.

Итак, прежде всего считаю уместным и необходимым поведать как о принятом повсюду сейчас наименовании этого народа (как они называются), так и о том, какое было в старину, что потребует от нас великого труда. Ибо для сопоставления и греческих памятников с латинскими, и древних [в целом] с более новыми нужна немалая проницательность ума. Как легко все изменяется, часто можно видеть на примере нравов. Итак, я нахожу, что народы, теперь называемые нами общим именем московиты[234], некогда, по свидетельству Плиния[235], именовались роксоланами (московиты, роксоланы), коих, однако, Птолемей[236], изменив немного букву, на восьмой карте Европы называет росоланами, а равно и Страбон[237]. Они же давно уже зовутся рутенами (рутены). И они суть те самые народы, которые некогда, по сообщению Страбона, стойко сражались с полководцами Митридата Антипатора[238]. Нынче же из того, что я упоминал прежде, ничто так сильно не изменилось со временем, как названия стран и областей. Из-за того, что царский град всей области их назван Москвой, они и сами приняли имя московитов (почему они зовутся московитами); некоторым же, подобно Волатерану[239], угодно производить оное от реки Москвы; как бы это имя ни производить, не столь важно, лишь бы смысл имени был ясен.

Прежде правил ими князь Иоанн, женой которого была Елена из рода Палеологов[240], Константинопольских императоров (некогда был у них князь Иоанн, который взял в жены Елену из рода Палеологов).

За этими роксоланами, как утверждает Страбон[241], никто [более] не обитает. Итак, рутены, или московиты, расположены более к востоку, весьма близко от Борисфена[242], граничат с

одной стороны с литовцами и далее с поляками, а с другой – с татарами (местонахождение московитов, отовсюду окруженных врагами). Эти татары постоянно ведут против них войну, совершая частые набеги. Они терпят почти все время бесчисленные невзгоды войны также от каффского царя[243], который, несомненно, в отношении военной силы является могущественнейшим среди татар и название [свое] получил от Каффы[244], живя близ моря в Херсонесе Таврическом[245].

Итак, с севера они окружены Ледовитым морем, коего берег, хотя и весьма обширен, почти весь принадлежит герцогу Московскому (О Ледовитом море по преимуществу, коим они окружены с севера). Это то самое море, которое древние называли Кроновым озером[246] по причине почти постоянного льда на нем. [Название] Кроново по-гречески происходит от Крона, по-латински именуемого Сатурном[247]: поскольку Крон – старец холодный и медлительный, то поэтами он изображается в качестве такого рода звезды. Посему все холодное, медлительное и подобное тому называли Кроновым, в том числе и это море, которое, по причине великого холода, господствующего на севере, и особенно большого в той части, которая наиболее удалена от солнца, обычно замерзает на много тысяч шагов. Почему и Гекатей, по свидетельству Плиния, называет оное море на скифском языке Амалхиевым[248], что на латынь может быть переведено как Заледенелое. Так, по той же причине Аммоний-историк, наоборот, озеро близ Констанца, которое Солин в других случаях именует Прегантинским[249], зовет Акроновым[250], поскольку совсем не помнят, чтобы оно когда-либо было полностью замерзшим.

Однако дабы долее не уклоняться от плана, [скажу, что] империя князя Московского воистину весьма обширна и протяженна, охватывая немалые территории в Азии, а также в Европе. Град Москва (Знаменитые города. Москва) – поскольку иначе мы никак не сможем понять, каков он, то путем следующего сравнения словно бы представим его глазам самым доступным образом – больше Колонии Агриппины[251], как сообщили [московитские послы], которые, проезжая через этот город, его осмотрели, пожалуй, с большим тщанием, чем остальную Германию. Не меньшей, однако, чем Москва, величины другие города (Владимир. Псков. Новгород. Смоленск. Тверь): Владимир, Псков, Новгород, Смоленск, Тверь, застроенные, по рассказам, пышными царскими хоромами, а также хорошо укрепленные стенами, которые сооружены из тесаного камня или из обожженного кирпича[252]. По сравнению с другими особенно сильно укреплен Псков, опоясанный тремя стенами[253]. Прочие

же города, коим у них несть числа, не столь знамениты. Так как названия ранее упомянутых нами городов принял в свой титул и наименование император Руси, всякий раз, вступая [с кем-либо] в сношения через посла или письменно, император московитов обыкновенно пользуется следующим титулом (Титул императора московитов.): «Василий, Божьей милостью император всея Руси и великий князь Владимирский и Московский, Новгородский, Псковский, Смоленский и Тверской». Сим-то именно титулом, приветствуя тебя в славной твоей Вене от имени великого [князя] Василия 24 числа месяца августа прошлого года, [московитские послы] открыли свою речь[254].

Князь Московский имеет под своей рукой многочисленных князей провинций, весьма могущественных (Провинции и князья.). Среди них не последним является и убеленный сединами брадатый старец, коего император рутенов отправил в качестве посла, посетившего вначале Твою Светлость, а затем в Испаниях Его Цесарское Величество. Всякий раз, когда требует военная необходимость, он обычно выставляет своему императору тридцать тысяч конницы[255]. Есть и другие князья, располагающие немалой военной силой. Замечательно и заслуживает высшей похвалы у них то, что всякий из них (сколь послушны наместники провинций своему императору), как бы ни был он знатен, богат и могуществен, будучи потребован [великим] князем хотя бы через самого низкого гонца, тотчас спешит исполнить любое повеление своего императора, яко повеление Божье, даже тогда, когда это, казалось, сопряжено с риском или опасностью для жизни. Более того, величайшим проступком и бесчестьем считается у них, если кто-то по своей воле не услужит во всем [своему] герцогу. И напротив, весьма славна в муже покорность [государю]. По этой причине за короткое время [великий князь] может собрать двести или триста тысяч или иное огромное число [ратных людей][256], когда он намеревается вести войско против своих врагов (сколь великое войско могут они вывести в короткое время) – татар, каффского царя или кого-то другого. Словом, нет другого народа, более послушного своему императору, ничего не почитающего более достойным и более славным для мужа, нежели умереть за своего государя (у них также почетно умереть за государя). Ибо они справедливо полагают, что так они удостоятся бессмертия[257].

С таким сильным войском из конницы, подобной рою пчел, они часто одерживают решительные победы над турками, татарами и другими народами. И тогда, когда цесарь Максимилиан вступил с ними в союз, они вели войну с королем Польским. Поскольку они постоянно воюют, постольку они

постоянно становятся искуснее в военном деле, как в обороне, так и в наступлении. (Военное умение.) Прежде, подобно парфянам, они одерживали победы, действуя больше отступательным, нежели наступательным образом, забрасывая [врагов] стрелами из луков; теперь же они стали искуснее во всех видах войны наступательной и оборонительной, применяют медные орудия, именуемые бомбардами, расставляют удивительной величины строи с обычной [для них] старательностью. Главное же, как утверждают многие историки, московиты никогда не наслаждались благами мира, и, если бы их страна не была хорошо ограждена природой и местоположением, есть опасность, что они многократно уже были бы завоеваны.

Язык их весьма похож на богемский (язык), хорватский и славянский[258] и столь близок [языку этих народов], что славянин мог бы совершенно понять московита, разве только, по мнению некоторых, у московитов более жесткий и грубый выговор. Ведь, как сообщают историки, славянский язык получил имя от смешения, которое произошло в Вавилоне во времена «сего сильного зверолова» Нимрода, [как он назван] в «Бытии»[259]. Впрочем, не могу довольно надивиться тому, что хотя между Далмацией и Московией расположена Верхняя и Нижняя Паннония, однако венгры не имеют ничего общего с московитами также и по языку. Почему и существует предположение, что некогда сей народ [московиты] был разделен на легионы и из Далмации переселился туда; по этой причине также Волатеран утверждает, что язык рутенов есть полудалматский. Как бы то ни было, несомненно, что у богемцев, хорватов, далматов и московитов язык сходствует – это мы выяснили у твоих переводчиков, которых ты держишь при себе во дворце, когда наведывались к ним. В самом деле, хотя эти переводчики родом хорваты и далматы и никто из них никогда не ездил к московитам и не жил у них, однако, когда встретились с ними, смогли понимать их речь.

В Московии находятся необыкновенно обширные леса, в которых ловятся черные лисицы и белые медведи (Леса. Звери отличной от нашей окраски.); прежде мы знали об этом по документам, теперь же по рассказам самих послов. И неудивительно, ибо причиной сего мог стать чрезвычайный северный холод, всегда порождающий белизну, как свидетельствует философия. Живет также в лесах много людей, весьма прилежных в занятиях звероловством. Есть у них и пчелы в великом множестве (обилие пчел), от которых в изобилии они получают мед и воск, ценящиеся у них, однако, невысоко. Поскольку же из-за частых войн земля у них остается

необработанной и невозделанной, то жизненные припасы они получают не от чего иного, как от мехов (главный товар – меха), для приобретения которых приезжают купцы как из наших, так и из более отдаленных краев – столь высокими качествами они обладают; ибо наиболее ценящиеся у нас меха – собольи, бобровые, горностаевые и им подобные – мы покупаем у них. Договариваясь только на словах, без долгих околичностей они заключают торговые сделки и [предлагают] товар за товар[260]. Хотя и золотые и серебряные деньги в большом у них ходу, однако весьма часто меняют они меха на плоды и другое, необходимое для жизни.

Среди племен, [подвластных] императору московитов, есть и такие, которые не употребляют и не имеют ни вина, ни хлеба, а питаются, подобно зверям, [мясом] зверей (многие из них в том, что едят, сходствуют со зверями); этим они сходствуют с татарами, народ неизвестный и совершенно дикий, обитающий в лесах по берегам Ледовитого моря неподалеку от Татарии. Жители других городов Московии, то есть Новгорода и далее (а многие питаются подобно нам), как и мы, употребляют в еду блюда из рыбы, более приставшие в гражданском общежитии[261]; в способе же приготовления, как я сам убедился, они несколько отличаются от нас.

Да, почти забыл [сказать] о том, что, как пишет Волатеран, рутены используют монету (Использование денег) без клейма: желая это, однако, выяснить, я узнал от московитов достоверно, что у них в большом ходу венгерские деньги[262].

Но важнее всего то, что они держатся христианской веры (исповедуют веру христианскую, в которой наставлены первоначально апостолом Андреем), которая, как они утверждают, им была первоначально возвещена святым апостолом Андреем, братом Симона Петра[263]. Все, что было принято при Константине Великом 318 епископами в 318 г. в Никее, городе Вифинии, на первом Никейском соборе[264], и все, переданное и возвещенное Василием Великим и святым Златоустом, почитают они столь святым, непреложным и чистым, что от него, как и от Евангелия Христа, вплоть до сего дня никому из них не дозволено было отступить ни на вершок. И таково их смирение, что все, однажды установленное святыми отцами на соборах, никто никогда не осмелился бы подвергнуть сомнению (с каким благоговением они чтят установления отцов и считают их священными). Итак, с большим постоянством души, нежели многие из наших, они твердо стоят в первой вере, воспринятой от апостола Андрея, его преемников и святых отцов и впитанной ими с материнским молоком[265]. Они ни в коем

случае не допускают, чтобы в их среде происходили расколы на различные ереси (каким образом они излечиваются от ересей). Если случится какое-либо недоразумение в вере или в обрядах богослужения, для разрешения всего этого обращаются они только к духовному [авторитету] архиепископа и других епископов, ничего не оставляя непостоянному и несогласному [разумению] народа. «Ибо уста священника должны хранить ведение, и закона ищут от уст его»[266].

У них есть архиепископ (разряды священнослужителей), кафедра коего находится во граде Москве, там же, где и престол императора. Имеется также много епископов, один из них в Новгороде, в котором жил Исидор, кардинал при Римском понтифике Евгении[267], как свидетельствует Рафаэль; другие в Ростове, Суздале, Твери, Смоленске, Рязани, Коломне, Вологде и в Крутицах, каждый из коих имеет свою епархию[268]. Все эти епископы почитают архиепископа своим главой. Сей же архиепископ до того, как патриарх Константинопольский попал под тиранию магометан, всегда признавал [власть] этого патриарха над собой. Однако они всегда и по праву признают, что Римский понтифик в качестве преемника [апостола] Петра выше Константинопольского патриарха[269]. Не забывающий об этом и сегодня император рутенов является столь усердным покровителем религии (пример благочестия императора по отношению к Константинопольскому патриарху), что и доселе имеет обыкновение ежегодно посылать Константинопольскому патриарху милостыню[270], коей тот мог бы жить, смиренно ожидая конца сего египетского рабства. Ибо [император] почитает для себя нечестивым бросать того, кто, как известно, главенствовал над столь многими церквами и от кого некогда восприняли веру почти столь же многочисленные и обширные страны.

Поскольку же зашла речь о звании и местопребывании епископов, то следует шире и прямее (как говорится) поведать об их власти; я вижу, что они не очень разнятся во многих отношениях от наших (власть и обязанность епископов в совершении таинств); в этом я удостоверялся не раз. В самом деле, у московитов есть закон и установление, по которому священников и всех других клириков рукополагают только епископы (Таинство Рукоположения). Ни одному священнику не дозволено отправлять Таинство Конфирмации ([Таинство] Конфирмации)[271]. Ибо они утверждают, что на обязанности епископа лежит, после того как человек, принявший крещение, стал возрастным, путем возложения рук и крестного знамени представить свидетельство обретенной [им] веры и подтвердить

помазанием, каковое производится на челе. Они же на Тайной Вечере приготовляют и освещают хрисму и масло ([Таинство] Миропомазания), кои затем используются при крещении, конфирмации, елеосвящении. Только они рукополагают и низлагают священников. И ни при каких условиях не дозволено мирянам надзирать за ними (за клиром надзирают только епископы. 1-е Тимофею. 5.), поскольку [московиты] прямо следуют наставлению Павла к Тимофею, которое гласит: «Обвинение на пресвитера не иначе принимай, как при двух или трех свидетелях»[272]. И сам император никогда не вмешивается в дела о наказаниях клириков; у них твердо установлено и принято, что надзору, суду и наказанию только епископа подлежат те, которые ему подвластны соответственно порядку евангельскому и которые принесли обет служить Господу[273]. Эти епископы, как и у нас, имеют своих викариев и оффициалов, которые управляют подданными и осуществляют правосудие в делах церковных. Епископы живут десятинами, по установлению Божьему, пользуются пожалованными им по праву имениями, владеют селами и замками (богатства епископов из десятин, сел, замков и других владений)[274]. Прочие же священнослужители кормятся разными десятинами[275], приношениями и многим другим, [что поступает им] как от живых, так и от мертвых. Они имеют закрепленные за ними бенефиции (церковные же приходы закреплены за прочими), пожалованные им как духовными, так и светскими покровителями. Однако в этом плане они действуют осмотрительнее, чем подчас мы, поступающие более небрежно. Ибо нелегко получить какую-либо церковную должность или приобрести бенефиций (пожалование бенефициев), если прежде не убедятся, что [соискатель] может соответствовать им, с помощью [лиц], сведущих в церковных делах, подобно епископам или викариям. Среди приближенных епископа есть люди как знатного, так и иного происхождения. Несомненно, именно от епископов зависит сохранение или погибель всей религии рутенов. Они имеют обыкновение проводить богослужения, в особенности когда собираются у императора. В качестве знаков своего сана (знаки епископского сана) они используют точно так же, как и наши епископы, посохи и митры. Воздержание в пище и питии архиепископов и остальных епископов превыше всяких похвал и столь замечательно и велико (частые посты духовенства), что они почти наравне с монахами их страны, которая ими изобилует (множество монахов), связаны тем же законом, ни при каких обстоятельствах не дозволяющим им употреблять в пищу мясо.

Итак, пусть безумствующая толпа у нас в Германии[276] не

думает, что можно так легко издеваться над монахами, словно над какими-то чудовищами, и поносить их; несомненно избран Богом народ, который умножился повсюду во вселенной; по сей день люди, побуждаемые бесчисленными примерами, дивятся [монашеству], словно это что-то новое, хотя в христианстве нет чина древнее; монашество, гораздо более соответствующее Евангелию, чем глупые предположения наших людей, [там] до сих пор почитается; народ, огрубевший в беспрерывных войнах, высоко ценит то, чем мы гнушаемся.

Неподалеку от Москвы находится преогромный монастырь (неподалеку от Москвы монастырь, знаменитый чудесами святого Сергия), в коем живет постоянно до трех сотен братии по уставу Василия Великого. В нем – погребение игумена святого Сергия, поклониться которому приходят люди даже из иных и весьма отдаленных земель, ибо оно прославлено многими чудесами, достойными великого удивления христиан. Из коих было бы достаточно упомянуть об одном, наиболее замечательном, случившемся там несколько лет тому назад, – о даровании зрения двум слепым. Ибо когда игумен был еще жив, столь велика была его жизни святость, что люди верили и были вполне убеждены, что молитвами своими он многое может испросить и стяжать у Бога для смертных. Посему-то с необыкновенной набожностью посещают они гробницу его, чтя его.

Все обитающие в монастырях, как монахи, так и монахини, живя по одному и тому же уставу, нося одинаковое, то есть черное, платье, ведут жизнь столь благочестивую, что заслужили не только удивление, но и величайшее почтение. Отношение к монашескому обету у них совсем не так неуважительно, как у нас сейчас (нерушимость обета); коль скоро кто вступил в монастырь, тому никогда, никоим образом и ни под каким предлогом не дозволено будет оставить его или нарушить в чем-то обет свой. Как и у нас, поступающие в монастырь дают троякий обет, то есть послушания, нищеты и целомудрия. Если кто, нарушив обет, бежит из монастыря и будет схвачен, того в наказание за такое злодеяние заключают навсегда в узилище. Так святы обеты сии, что хотя великой властью располагают у рутенов архиепископ и епископы, однако и для них в этом не делается никакого исключения. Тому, чтобы Господу давали обет и исполняли его, наставляет Писание Ветхого и Нового Завета, более того, требует сама Истина.

Принцип целомудрия (целомудрие) имеет столь великое значение, что ни при каких условиях монахам не дозволено брать жен, а монахиням – выходить замуж. Ибо сие запрещает Павел и вся церковь. Тот же, кто женился на девице незапятнанной

репутации (обычаи московитов относительно женитьбы священников, а также тех священников, которые состоят в браке), [может быть] рукоположен в священники, в монахи, однако, не принимается никогда. Если же епископ или священник, будучи неженатым, дал обет и принят на служение Господу, он [уже не может] соединяться узами брака, но обязан вечно хранить целомудрие. Ежели кто преступает закон и имеет сожительницу (грех, однако, у рутенов чрезвычайно редкий), тот очень строго наказывается епископом и лишается своего бенефиция. Если жена, на которой [священник] был женат, умирает, то сочетаться браком с другой он уже более не может. Ибо Павел говорил, что [выбирать] в епископы надо не двоеженца, но мужа, имевшего одну жену[277]. Но, как кажется, составляет венец набожности и усиливает дух благочестия то, что священнику, состоящему в браке, никоим образом не дозволяется спать с женой в ночь перед богослужением, в особенности перед совершением литургии; ибо они видят[278] опасность в том, что она будет совершена со грехом. По этой же причине ради пущего благоговения и следующую ночь они воздерживаются от своих жен. Таково в них благоговение по отношению к Таинству Тела и Крови [Христовой] и почитание оного, таково настроение духа. Пусть это будет теперь примером для наших [священников], имеющих обыкновение совершать сие пресвятое таинство, залог всего искупления нашего, руками, запятнанными грехом. Или пусть их подвигнет хотя бы пример Давида, который, даже испытывая крайний голод, принял, однако, от Ахимелеха хлебы предложения не иначе, как [уверив первосвященника, что] ни он, ни рабы его не знали жен или чего-либо мирского «ни вчера, ни третьего дня»[279]. А разве не большую чистоту должен блюсти тот, кому сосуды Господа и, более того, самого Господа предстоит подавать и руками осязать?

Другая важная обязанность священников состоит в том, чтобы возвещать народу Евангелие Христово, сиречь спасение и мир (другая общая, и притом важная, обязанность священников – возвещать Евангелие Христово); это обыкновенно совершается везде во все воскресные дни, праздники Пресвятой Девы Марии, а также апостолов и некоторых исповедников и мучеников. Слово же Господне с равным благоговением и проповедуется, и слушается. Велико их почитание Девы Марии, к которой, как к Матери Христа, они часто обращаются в молитвах для заступничества перед Сыном. Ибо она, как считается, в качестве Богородицы (почитание Богородицы) воистину может для нас на земле многого добиться от Сына. Итак, праздники, [установленные в честь] нее, как-то: Благовещения, Сретения,

Рождества, Успения и все другие[280] – они празднуют по обряду греческой церкви с соблюдением положенных постов, молитвами, чтением и пением литургии (литургия), которую служат на протяжении всего года, исключая период Четыредесятницы, когда служится литургия св. Григория. И та, и другая литургия втрое длиннее, нежели принятая у латинян. Твоей Светлости небезызвестно, какова литургия папы св. Григория, на которой ты присутствовал иногда в Испаниях, о чем ты мне иной раз рассказывал, где, как известно, в некоторых местах она совершается. С благоговением приходят люди слушать литургию, словно для участия в ее совершении. Их литургия тем отличается от нашей, что совершается, как и у греков, кислым хлебом. В чаше они смешивают поровну воды и красного вина, причем вода должна быть у них теплая, потому что из бока Господня не без великого таинства истекли кровь и вода, которая, как следует веровать, была теплой; иначе же едва ли можно было бы счесть сие чудом. Таинство [пресуществления] Тела и Крови [Господней] освящается только священником, который, почти как и наши, облаченный в белое, устремив ум горе – к Богу, совершает эту мистерию, завещанную Христом на последней трапезе в качестве достаточного залога всех его обещаний, что признает весь мир.

Во время литургии они равным образом читают Послания и Евангелие. По прочтении Евангелия Никейский символ веры поется не сразу, но вслед за ангельским песнопением[281], которое зовется Свят[282]; и когда закончится молитва Господня, затем следует антифон о Деве Марии[283]. И равным образом освящение осуществляется словами, употребленными Христом, коим, как они верят, дана такая сила, что, как только они произнесены священником, тварь превращается в своего Творца[284], и это происходит как бы с необходимостью. Пока так совершается, подается ячменный хлеб средней величины, в середине которого помещается гостия, имеющая так же, как и у нас, форму распятия; претворив ее силой благословения в Тело Христово, священник принимает ее и ест, оставшийся же хлеб, разделенный на кусочки, раздает просящим; они его принимают по одному с великим благоговением не как Тело Христово, но как благословенный и некоторым образом святой хлеб. У них принято также праздновать литургии, посвященные Троице, Пресвятой Деве и различным святым. И так как у них, вне сомнения, есть представление о чистилище, они усердно молятся за умерших, помогают им [заупокойными] службами. В этом отношении они проявляют столь великое благочестие, что многие два раза [в год] правят за упокой умерших так называемые годины: одну – в день

кончины человека, другую же – в установленный Церковью день празднования того святого, имя которого носил покойный. По этому поводу христиане совершают обильные приношения и пожертвования. Они утверждают, что все, касающееся обрядов и в особенности литургий, исходит из первоначальных установлений церкви, как учат Златоуст, Василий Великий и Григорий Богослов. Итак, об этом таинстве пусть будет сказано короче, чем следовало бы. Ибо едва ли можно найти христианина, который смог бы удовлетворительно поведать толпе верующих человеческими словами [суть этого таинства], столь важного; мы по праву веруем, что от него зависит отпущение грехов.

Итак, давайте перейдем к другим таинствам, [необходимым] для христианского спасения. Таинство Евхаристии (Таинство Евхаристии) – так, как его практикуют у них, – устраивают для людей в то время, в какое его установил Сам Христос и затем восприняла церковь, то есть во время Пасхи; пожалуй, однако, в другом порядке, нежели совершает и предписывает Римская церковь.

Крещение (крещение) они считают первым и главным таинством, отчего, если кто-нибудь им пренебрегает и порочит его, тот наказывается смертью. Они крестят детей во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Для совершения этого таинства, какая бы необходимость ни случилась, они никого из людей не считают достойным, кроме священника. Прежде чем крестить, священник, родители, крестные, родственники, друзья, одним словом, все присутствующие долго и благоговейно молятся, дабы Всевышний Бог с небес удостоил младенца полноты своей благодати, помогая ему на всем протяжении его жизни. После этих молитв, обращенных к Богу, направляются в церковь, чтобы совершить здесь крещение; зимней же порой из-за опасных для ребенка морозов обычно проводят крещение в особом месте. Свидетелями оного, как и у нас, являются крестные, коим надлежит хранить память о крещении, не пренебрегать, когда подойдет и потребует возраст ребенка, наставлением его в христианской вере, восхвалять Бога за столь великую милость[285] и молиться, чтобы сей божественный дар веры, ниспосланный ребенку, умножался день ото дня. Итак, прочитав молитвы, а также заклинания, ребенка трижды целиком погружают в воду, если окажется, что он от природы крепок; в иных же случаях кропят водой, что, однако, бывает редко, ибо обрызгивание считается менее действенным. Затем также совершают помазание лба и плеч миром и елеем. Соль же, употребляемая нами, и месиво из слюны и пыли не очень используются у московитов; но у них принято [требовать, чтобы крестные] трижды отреклись [сатаны] и трижды

[объявили] исповедание веры. Действительно, все, что от тех, кто заложил у роксоланов первые основы веры, передавалось как бы из поколения в поколение, они всегда сохраняли твердо, в чистоте и нерушимости; и они считают, что христианам нельзя и в будущем, подобно тростнику, раскачиваемому ветром, под воздействием чьего-либо ловкого уговора удаляться от этого, а также, если ангел не спустится с небес, разрешать отворачивать, подобно воску, умы свои от сих уставов.

Затем мы спросили, признают ли они обрезание и принято ли оно у них. Они ответили, что весьма чуждаются оного, ибо рассматривают его как след древнего и упраздненного иудаизма, и, мало того, гнушаются им, не впуская никого из иудеев в пределы царства рутенов, даже если бы за это им обещали много тысяч золотых. Однако они не отрицали, что татары много убеждали их [избавиться] от крайней плоти и что сами они обрезаны для очищения от греха, совершенного ветхим Адамом, получаемого наподобие заразы; в этом [татары] следуют магометанскому закону, который установил Магомет, дабы сразу приобрести себе как можно больше последователей, сделав склонными и расположенными к принятию его иудеев. [Московиты] особенно подчеркивали, что этот обряд весьма чужд им и что они не допускают ничего такого, что не было бы созвучно и согласно во всем евангельской истине, православной вере, которую они столько веков сохраняли чистой, неосквернённой, святой, ибо впитали ее с молоком матери.

Если же кем овладеет противное [учение] и он начнет впадать в ересь, того они поначалу вразумляют, доколе [яд учения его], подобно раковой болезни, не распространится столь широко, что уничтожить оный было бы невозможно, – тотчас епископским осуждением такого человека, как загнивший член, отсекают [от общества верных] и извергают [из оного]. Они постоянно заверяют, что никогда не будут относиться пренебрежительно к исповеданию Христа и Креста Его и никогда не будут привержены идолопоклонству. В лесах, однако, имеется много [обитателей], весьма удалившихся от человеческого образа жизни, которые соделались идолопоклонниками.

Когда ребенок взрослеет и достигает совершеннолетия (Таинство Конфирмации), так что он способен засвидетельствовать свою христианскую веру, его ведут к епископу для получения Таинства Конфирмации сей веры, сообщаемого ему знаком креста, который наносится елеем на челе. Совершение сего таинства не доверяется никому, кроме епископа: из этого можно предположить и заключить, что поскольку всю свою религию они наследовали из поколения в

поколение от апостолов, то возложение рук – либо при конфирмации, либо при посвящении в сан – доверено только епископу, и такого [правила] доселе обязывали держаться все [древние] памятники, и постоянным соблюдением оно было сохранено.

Что касается брака (брак), то, как они говорили, у них очень остерегаются и избегают кровнородственных браков, и этим [запретом] нелегко пренебречь, ибо, если обнаружится, что заключен брак с родственником до четвертого колена, он [объявляется] противозаконным и навечно запрещенным. Ибо что однажды предписано святыми отцами, то они никогда не пытаются отменить. И, более того, они равным образом имеют обыкновение чтить вообще всякое родство, коим сочетаются крестные при крещении и конфирмации[286]; это предусмотрено и декретами Римской церкви. Если при выяснении этих вопросов возникает какой-либо спор, то он разрешается судом епископов, которые, однако, [даже] при смягчающих обстоятельствах никоим образом не проявляют снисходительности, дабы не было никакого урона для [церковных] установлений.

Они гнушаются прелюбодейства, пожалуй, в большей степени, нежели мы. Ибо они его жестоко ненавидят и преследуют. Существует непреложный закон, согласно которому доколе жив муж, жена не может вторично выйти замуж; но если он умер, лишь тогда она по закону становится свободна; иначе она должна жить с мужем неразлучно. Потомство почитается [у них] единственным утешением во всех несчастиях и бедствиях, которые случаются, а равно и высшим счастьем, оно порождает стойкость в тяготах; превозносят они терпеливость, надежду на лучшее, заботу о добром имени, стремление к добродетели, усердие в работе и другое подобного рода, что родители стремятся привить своим детям.

[Посвящение] в сан священников происходит у них с помощью определенных молитв и церемоний. И они верят, что власть ключей (вручение ключей)[287] им не пожалована, доколе, по примеру Христа, им не сказаны на ухо слова: «Примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся»[288]. Словом, эта евангельская формула, предписанная нам Христом, всякому, кто был призван и поставлен в качестве священника епископом, дает власть, коей он может разрешать [человека] от грехов или признавать достойным наказания за них. Ибо в обязанности священников у московитов входит использовать покаяние (покаяние). Человек, который достиг взрослого возраста (тайная исповедь), так что он в состоянии употреблять силы своего ума и различать добро и зло, правду и неправду, хворь и не хворь, когда

он осознает, что грешил, и раскаивается тотчас, воздавая надлежащим образом [Богу] жертву сокрушенного духа, прибегает к стопам священника и ему, как бы занимающему место Бога, со слезами и стенаниями на ухо рассказывает одно за другим все содеянные прегрешения, какие он может вспомнить, и затем от священника, словно от заместителя Христова, принимает милость отпущения. Для совершения сего у них есть определенное время: ибо ежегодно, по установлению церкви, им положено творить [исповедь] в праздник Пасхи. Однако многие благочестивые люди не пренебрегают тайной исповедью и по прославленным [церковным] праздникам. Ежели кто-либо не станет исповедоваться в отведенное для этого пасхальное время, того предадут анафеме, и все гнушаются общения с ним до такой степени, что не дозволяют входить в храм. Итак, имеющий исповедаться, дабы по достоинству стать участником великого Таинства Крови и Тела Господня, прежде должен в течение нескольких дней подавлять свою плоть до [полного] подчинения ее и обрести иные достойные плоды покаяния в качестве свидетельства душевного сокрушения. Соответственно, они убеждены, что сорокадневный пост (пост) установлен для нас непосредственно Христом и апостолами именно в это время, поскольку оно в наибольшей степени благоприятствует Венере всех родящих и возбуждает во всех живых существах жесточайший зуд, когда в высшей степени необходимо укрощать плотским воздержанием беззаконие ветхого Адама. Это воздержание соблюдается у них очень строго семь недель, так что в течение всего этого времени никому не дозволено питаться мясом, яйцами, сыром и животным маслом. Кроме того, они также постятся с десятого дня ноября вплоть до праздника Рождества Спасителя нашего Иисуса Христа[289]. Есть у них и другие недели, когда они постятся, как, [например], в июне на праздник Петра и Павла, и несколько недель в августе на праздник Успения Марии[290], и все среды и пятницы в году. Так, восемь из тех чужеземцев, которые были с Твоей Светлостью, приняли обет воздерживаться от употребления мяса трижды в неделю – по понедельникам, средам и пятницам; это Божьей милостью, как утверждал переводчик, до сих пор ими соблюдалось. Таково соблюдение [у московитов] этих установлений, что считается заслуживающим кары проступком в какой-нибудь пост питаться мясом или яйцами. Рассказывали также, что среди них имеются и такие, которые, постясь, не употребляют в пищу ничего, что, как очевидно, некогда обладало жизнью, даже рыбу. Имеются и другие, которые в определенные для поста дни не пьют ни вина, ни чего-либо другого из напитков.

Услышав об этом, мы были так потрясены, что, охваченные восторгом, казались лишенными ума, поскольку сравнение наших христиан с ними в делах, касающихся христианской религии, производило весьма невыгодное впечатление. И ничего более не запало в наши души, как [мысль о том], что мы, которые много себе усвоили от древа веры нашей, оказывается, в отношении плодов хуже, чем они. Итак, нам, добрым христианам, следует усердно молиться, дабы [Господь] однажды положил предел этого фараоновского ожесточения наших сердец[291] и сподобил благодати, чтобы вместе с другими народами, которые, как мы считаем, вообще ведут звериный образ жизни, [нас] можно было узнать по этим плодам доброго древа[292]; поскольку самоотвержение существует для того, чтобы наши души даровать Богу и чтобы Бог сделался милостив и предал забвению наши прегрешения, ибо однажды Он обратил взор свой, исполненный великого милосердия, на раскаяние и стенающий и сокрушенный дух ниневитян[293].

Они творят и другие виды покаяния, коими, как они верят, Бог примиряется с нами. Из них наибольшей силой обладает молитва (молитвы); в частом употреблении оной нелегко найти, полагаю, равных им. Каждый день с рассветом все они, простершись всем телом во прахе, обращают к Богу долгие молитвы и молятся почти беспрерывно. Из коих первое место занимает Молитва Господня, затем вместе с архангелом Гавриилом славят Пресвятую Деву[294]; они произносят исповедание веры в Символе, который, как внушили нам древние, происходит от апостолов; среди них нет никого, который не совершал бы ежедневных молебнов. Более богатые, могущие по состоянию своему делать большие издержки и обученные русским письменам, покупают себе молитвенники, такие только, которые приняты церковью; их мы видели у послов.

У них нет презрения или пренебрежения к [священным] образам (образа святых), каковое, вопреки всякому благочестию, распространилось из-за этих мятежей сегодня у нас[295]; так что у них пред очами памятники, благодаря коим никогда невозможно предать забвению благодеяния Божьи. Однажды, когда я вошел в покои братьев блаженного Франциска, в которых была опочивальня главы посольства, я обнаружил там в отменном порядке в головах спящего расположенные: дивной красоты образ Пресвятой Девы, написанный по подобию того, который, как говорили [послы], был создан некогда Св. Лукой и находится в Москве[296]; далее – картина Воплощения Господня[297]; следующая показывала, как Его бережно держит на руках Симеон[298]; следующая содержала бегство в Египет; следующая –

страсти, воскресение и победное вознесение [Господа] на небеса[299]. Была еще одна картина, на которой замечательно изображены были скорби и радости Пресвятой Девы Марии. Наконец, была [картина] с изображениями и именами апостолов[300]. С левой стороны возвышался стол, на котором лежала книга превеликих размеров с рутенскими письменами; по ней, как объяснили, князь[301], словно [выполняя] урок, ежедневно произносил молитвы.

Они часто посещают церкви (храмы)[302], на сооружение которых расходуют большие средства, именуя их по-евангельски домами молитвы и украшая различными образами Распятого, Пресвятой Девы, апостолов и некоторых других, – это, по их утверждению, им позволяют делать обычаи древнейших христиан. И их нелегко смутить тем, что среди греков Константинополя семьсот лет назад были такие, которые учили, что [священные] образы подобают идолопоклонникам и истинным христианам нельзя их держать[303]. На втором Никейском соборе были осуждены все те, кто упорствовал в этом мнении[304]. Не сыскать среди московитов ни одного, который, пользуясь священными образами как памятниками [веры], поклонялся бы им. Ибо все они знают, что Закон возбранил почитать камни. И, наоборот, в Писании нет такого места, которое бы не дозволяло или запрещало пользоваться сими памятниками [веры]. Московиты имеют обыкновение подобного рода памятники [веры] помещать даже в трапезных на виду, дабы постоянно являлось духу то, что Бог сотворил ради нас, и легче вспоминалось о примере для всей нашей жизни – Христе.

Что касается обрядов (обряды), то они, как и мы, при священнодействиях используют свечи; ведь у них изобилие воска, а они считают, что плодами земли и всем тем, что у кого есть, следует воздать почитание Богу. Преимущественно свечи возжигаются тогда, когда во время литургии священник касается Тела и Крови Господней, совершая таинство всего искупления нашего. На органы Пипина, которые, однако, первоначально нам были доставлены из Греции[305], они вообще ничего не тратят и до сих пор ими не пользуются.

По сравнению со всеми их другими деяниями не менее значимо то (милосердные деяния), что они берут на свое содержание много нищих, которых каждый из них, по своему достатку и как того требует евангельское благочестие, наделяет милостыней, одевает, поит [и кормит], принимает, творя и другие подобного рода вещи, облегчающие существование сынов Божиих, из боязни подвергнуться Страшному Суду, когда скажет Христос в долине Иосафат козлищам, отделив их от овнов:

«Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его; Ибо взалкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг и не одели Меня; […] так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне»[306]. Таким образом, раздавая не скудную, но щедрую и доброхотную [милостыню], они сеют покаяние постом, молитвами и всем, что составляет покаяние, дабы некогда обильно пожать отпущение грехов и награду за свое милосердие – дар вечной жизни, к чему всем нам всеми силами души только и надлежит устремляться. Для сего [также] совершают они паломничества к установленным святым местам; этот предмет сейчас я считаю нужным опустить. Ибо если Твоей Светлости докладывать обо всем, что имеет отношение к религии [московитов], то это займет целый том.

Всякий человек, серьезно чем-нибудь заболев и, как [ему] представляется, находясь на самом пороге смерти, имеет обыкновение не только на тайной исповеди сознаваться в своих грехах, но и для того, чтобы засвидетельствовать свою веру во Христа, который в силу этого свидетельства обещал прощение проступков, прибегает к Таинству Причастия; он также настаивает на елеосвящении. В этот момент они усердно молятся за больного и устраивают молебен. И, наконец, по окончании чистосердечного признания в [грехах] и совершении всего сообразно общему для христиан обряду, исповедующийся получает от священника отпущение грехов.

Итак, [московиты] признают семь таинств[307], которые того, кто обращается к ним из христианского благочестия, несомненно удостаивают всего, что обещано Спасителем. И они не думают, что можно быть обманутым Его обещаниями, но твердо верят всему тому, чему учит церковь. Кроме того, они признают за десятью заповедями ту же власть, с какой они с [самого] начала были переданы Моисею, [то есть] в качестве никогда не подлежащих смерти, поскольку они уверены словом [Спасителя] в том, что Он пришел, чтобы исполнить Закон, а не для того, чтобы его нарушить[308].

От архиепископа и епископов [московиты] получают индульгенции (индульгенции), однако в этом деле они поступают, пожалуй, благочестивее, чем мы[309]. Ибо они считают весьма нечестивым, чтобы приобреталось за большие деньги то, что ими получено безвозмездно. И нельзя даровать какому-нибудь епископу разрешение питаться мясом.

Училища [у московитов] есть, однако весьма малочисленные (училища); в них обучаются дети благородных особ словесности, преимущественно же священным наукам, преподаваемым обычно

на рутенском языке. Очень немногие занимаются иноземными языками; изучению же греческого посвящают себя многие ради писаний святых отцов – [Иоанна] Златоуста, [Григория] Назианзина, Василия [Великого] и других – и для того, чтобы они могли сообразовывать все, перенятое у греков, со своими обыкновениями или религией[310]. Еврейским пренебрегают совершенно, если не считать единственный возглас «аллилуйя», часто повторяемый во время литургии.

[Евангелия от] Матфея, Марка, Луки, Иоанна, послания Павла и другие нами принятые [произведения] вместе с Апокалипсисом (подлинные книги) они числят среди канонических писаний Нового Завета. К каноническим же писаниям Ветхого Завета они относят то же, что и католическая церковь. Они признают Римского понтифика викарием Христа и наследником Петра. По этой причине у московитов принято отмечать праздники св. Климента, св. Льва и блаж. Григория. Касательно же того, что [Римским потификом] они осуждаются как отступники и схизматики, они заявили, что отдают себя на суд Бога, праведного Судии. Очень часто делались попытки убедить их вернуться в лоно западной церкви; однако о том, почему они кончались, к несчастью для людей, неудачей, пожалуй, больше пользы было бы умолчать, нежели, поведав, либо возбудить негодование против тех, кто слабее, либо навлечь гнев кое-кого на меня. Однако они утверждали, что питают добрые надежды на то, что когда будет найдено согласие с его цесарским величеством, всеобщим главой, а равно с Твоей Светлостью, то легко воспоследует, что Тот, Кто есть истинный мир[311], им также устроит, чтобы было найдено согласие с верховным пастырем[312].

От нас они несколько отличаются в таинстве освящения [хлеба и вина] и преломления хлеба (чем они отличаются от нас). Они держатся убеждения точно так же, как и греки, что Дух Святой исходит только от Отца, а не от Сына[313]. Хотя среди греков многие отрицают чистилище, а другие пытаются доказать его существование с помощью Писания, [московиты] утверждают, что в этом отношении они безусловно не допускают раскола и даже готовы держаться твердо одного и того же мнения с Римской церковью[314]. С величайшим рвением они присутствуют на наших литургиях; по их словам, их ничто так не угнетает, как то, что некоторые, словно чуждые веры, пренебрегают оными, в то время как сами они тщательно соблюдают почти все наши священные обряды.

Они также торжественно справляют четыре праздника, то есть Рождество Господа, Пасху, Пятидесятницу и день, когда

Матерь Господа была взята Сыном на небо[315]. С большим благоговением относятся они к апостолам, но особенно – к святому Николаю[316], которого они чтят, прославляют и призывают [в заступники] (обращение к святым). И не только они, но и многие из татар и магометан. Воскресенье вайи они празднуют по примеру Римской церкви, освящая [ветви] вайи, олив и других подобного рода деревьев. Они утверждают, что сие освящение тварей не только благочестиво принято церковью, но и надежно обосновано Священным Писанием. Ибо из того, что в главах пятой и девятнадцатой книги «Чисел» сказано о воде, ясно видна сила заклятия[317]. И всем хорошо известно из Послания Павла к Тимофею, что тварь «освящается словом и молитвою»[318]. Наконец, у них принято посредством слов заговаривать змей, изгонять бесов, даруя освобождение [тому, кто ими] одержим. Ибо Христос в Писании завещал постами и молитвою изгонять бесов[319]. Знак Христа и Образ Распятого носят они с собой, даже когда выступают [войной] против врага, чая одержать победу благодаря тому, благодаря чему одержал ее Христос. Они верят, что святые могут выступать нашими заступниками перед Богом, и надеются, что те делают это неустанно, полагая, что их голоса будут услышаны скорее. По этой причине они им молятся и поклоняются. Тех, кто принародно грешит, они подвергают отлучению, которое на их языке называется obscha[320]; отлученный лишается всякого общения с людьми и участия в церковной жизни. Единственное, что нами, разумеется, не может быть одобрено и что нашим установлениям в высшей степени чуждо, – так это допущение детей, едва достигших трехлетнего возраста, к Таинству Евхаристии, совершение его на кислом хлебе и причащение людей из ложки хлебом, покрошенным в вино, в качестве Тела и Крови [Господа].

Таковы, Светлейший государь, нравы московитов, таковы [их] религия и благочестие; ты, славный на весь мир ревностным попечением о божественных вещах, не желая, конечно, о них оставаться в неведении, по этой причине повелел исследовать то, что касается до [религиозности] сего народа, который – поскольку отовсюду окружен турками и татарами и обитает весьма далеко от нас у Ледовитого моря – доселе в продолжение нескольких веков имел малое сообщение с нашей империей, а потому и с христианами. Тем не менее святую эту веру во Христа, изначально усвоенную ими от отцов, они не позволили погубить дерзкому, нечестивому и греховному невежеству, сохранив ее до настоящего времени в целости, чистоте и святости. Отчего, Светлость Твоя, ты не мог никак надивиться, как случилось, что

люди, ожесточенные беспрестанными войнами и не имевшие никогда мира, столь твердо держатся стародавней своей религии. Немцы же все довольно давно уже отошли от Христа. Я не могу как следует разгадать, что за бес, или что за эриния[321], их околдовал, кто обратил их к не знаю какому бешенству и самовластию, которыми не только безрассудно, но и, более того, беспрепятственно преследуют их те, кто взял на себя обязанность мешать [достижению] вечного отечества, засвидетельствованного Христом, для тех, которые трудятся на земле с опасностью и ущербом для своей души. Но всего более, говоря коротко, недостойно немцев, которые всегда почитались в высшей степени преданными христианству людьми, то, что, как действительно можно видеть, они начинают предпочитать враждебное религии. Ибо где [у рутенов] обнаруживается корень жизни, там наши немцы скорее находят смерть; если те – Евангелие Божие, то эти воистину злобу людскую укоренили; те преданны постам, эти же – чревоугодию; те ведут жизнь строгую, эти – изнеженную; они используют брак для [сохранения] непорочности, наши же немцы совсем негоже – для [удовлетворения] похоти; и не вызывает никакого сомнения то, что если у них [совершение] таинств уничтожает бремя грехов, то, к прискорбию, у наших пренебрежение таинствами увеличивает это бремя. Что касается государства, то те привержены аристократии[322], наши же предпочитают, чтобы все превратилось в демократию и олигархию.

Итак, с полным основанием ты и все государи Германии могут негодовать и сокрушаться, что дошло до того, что вместо истинного доселе благочестия их [люди] предались всякому нечестию по отношению к богам, родителям, предкам и отечеству. Ведь, забыв [нашу] древнюю добропорядочность, они предают врагам как отечество свое, так и души свои. Впрочем, однако, считаю, что надеяться надо на лучшее, ибо собственной тяжестью неизбежно уничтожится нечестие.

Теперь, впрочем, прошу тебя благосклонно и милостиво принять сей мой труд, хотя он и не столь значителен, чтобы быть достойным Твоей Светлости, и одобрить его, и к тому же в скором времени поручить [еще один], который, пожалуй, больше пользы принес бы душе твоей, – о нравах, установлениях, благочестии Софи, великого царя персов, с послом которого[323] ты некогда встретился в городском собрании Нюрнберга. Будь здоров, и я молю, чтобы меня, тебе преданного и покорного, ты, по своему обыкновению, соизволил иметь подле себя постоянно.

Тюбинген, 18 сентября года 1525.

Базель, [отпечатано] у Иоганна Бебеля в январе 1526 г.

Пер. А. Н. Кудрявцева.

Текст воспроизведен по изданию: Трактат Иоганна Фабри «Религия московитов» // Россия и Германия. Вып. 1 Изд. РАН ИВИ. 1998

Иовий Павел
Посольство от Василия Иоанновича к Клименту VII

Павел Иовий – Иоанну Руфу, архиепископу Консентийскому.

Ваше Высокопреосвященство!

Вы изъявили желание иметь на латинском языке описание нравов московитян, заимствованное мною из ежедневных бесед с Димитрием, прибывшим недавно к папе Клименту VII-му в качестве московского посла. По мнению Вашему, основанному на благочестии и добродетели, отличавшими Вас с юных лет, могущество Римского первосвященника должно еще боле возрасти в глазах народов, если они узнают, что не какой-нибудь вымышленный или неизвестный царь, но повелитель многочисленных племен, обитающих на северо-востоке, в самое благоприятное для него время обнаружил желание принять догматы нашей веры и вступить с нами в вечный союз, тогда как некоторые германские народы, превосходившие, как казалось, благочестием все другие племена, увлекшись пагубным заблуждением, в нечестии и безумии отпали не только от нашего вероисповедания, но даже и от самого Бога. Несмотря на множество и важность других моих занятий, могущих служить мне достаточным извинением, я охотно и притом с возможною скоростию поспешил исполнить желание Ваше, опасаясь, чтобы от продолжительного медления и слишком тщательной отработки самый предмет мой не лишился новости и занимательности. Да послужит рвение мое знаком глубочайшего моего к Вам уважения и всегдашней готовности исполнять волю Вашу. Я охотно соглашусь понести бесславие, если таковой удел готовит мне несовершенство труда моего, нежели обмануть лестное для меня ожидание Ваше.

Павел Иовий Новокомский.

План сего сочинения

Прежде всего намерены мы описать вкратце положение страны, по-видимому, весьма малоизвестной Плинию, Страбону и Птоломею, и представить оное на чертеже[324], а потом уже приступим к краткому изображению нравов жителей, их

богатства, религии и военных постановлений, подражая в сем случае Тациту, представившему нравы германцев отдельно от общей истории; причем мы постараемся удержать ту же простоту, с каковою рассказывал нам все здесь предлагаемое в свободное время сам Димитрий, вынужденный к тому нашими докучливыми и ласковыми расспросами. Димитрий хорошо владеет латинским языком, ибо еще в юных летах получил первое образование свое в Ливонии и отправлял несколько раз важную должность посланника во многих христианских государствах. Показав на опыте ревность свою к пользам отечества и особенную деятельность при дворах королей Шведского и Датского и у великого магистра Прусского, он в недавнем времени был отправлен послом ко двору императора Максимилиана, где, окруженный людьми всякого рода и обращаясь беспрестанно в кругу общества образованного, удобно мог очистить правильный и гибкий ум свой от всего, что еще оставалось в нем грубого.

Причина посольства

Первоначальным поводом к сему посольству был генуэзский капитан Павел, который, прибыв в Москву по торговым делам, с грамотою от папы Льва X, вступил сам собою с приближенными князя Василия в переговоры о соединении обеих церквей. Будучи от природы характера смелого и предприимчивого, Павел задумал искать какого-то нового и невероятного пути для провоза из Индии благовонных и пряных товаров. Занимаясь торговыми делами в Сирии, Египте и Понте, услышал он, что товары сии можно провозить из Восточно-Индийского полуострова сначала вверх по реке Инду, а потом сухим путем через хребет Паропамиз в реку Окс, протекающую в Бактриан. Река сия выходит из одних почти гор с Индом и, взяв противоположное ему направление, принимает на себя многие другие реки и впадает в Гирканское море[325] при порте Страве. От Стравы, по мнению Павла, лежит безопасный и удобный путь морем к торговому городу Цитрах и к устьям Волги; потом вверх по рекам Волге, Оке и Москве до города Москвы; далее от сего города сухим путем до Риги и, наконец, из Риги в Сарматское море, откуда можно свободно пройти во все западные государства.

Павел негодовал на португальцев за то, что они, покорив оружием большую часть Индии и заняв все торговые рынки, одни скупали благовония Востока и отправляли их в Испанию, где по непомерным ценам продавали европейцам; флот их беспрестанно сторожил берега Индийского моря, от чего производившаяся

доселе во всей Азии и Европе с большими выгодами торговля чрез Персидский залив, Евфрат, Аравийское море, Нил и наше море почти вовсе прекратилась. Кроме того, товары, привозимые португальцами, были гораздо хуже прежних. Продолжительное плавание и сырость в кораблях вредили благовониям, так что они, оставаясь долгое время за недостатком покупателей в лиссабонских кладовых, теряли свою силу, вкус и запах и почти совершенно выдыхались. Португальцы, сверх того, старались сбывать только старый товар, уже заплесневевший, оставляя свежий в своих кладовых.

Хотя Павел, желая возбудить общую ненависть против португальцев, в ожесточении своем утверждал, что, по открытии нового пути, пошлины, с товаров взимаемые, значительно увеличат казну царскую, и пряности, употребляемые во множестве московитянами во всех их яствах, сделаются гораздо дешевле; однако предложение его не было принято. Василий почел неприличным открыть человеку неизвестному, и притом иноземцу, области, служащие путем к морю Каспийскому и в Персию, и потому Павел, не достигнув цели намерений своих и из купца сделавшись послом, возвратился в Италию уже по смерти Льва X и вручил преемнику его папе Адриану грамоту Василия, в которой сей последний в самых почтительных выражениях изъявлял Римскому первосвященнику искреннейшее свое расположение. Нужно объяснить, что за несколько лет пред сим во время войны московитян с поляками Василий просил сейм Латеранский[326], чрез короля Датского Иоанна (коего сын Христиерн в недавнем времени лишен престола), доставить послам Московским безопасный проезд в Рим; но так как король Иоанн и папа Юлий умерли едва ли не в один и тот же день, то Василий, лишившись в первом из них деятельного посредника, отложил преднамеренное им посольство. Тем временем война между Василием и королем Польским Сигизмундом все боле и боле разгоралась, и когда она окончилась победою, одержанною поляками при Борисфене, то в Риме повелено было отправлять благодарственные молебствия, как будто бы победа над московитянами была победою над врагами христианства. Поступок этот весьма много отдалил царя Василия и его народ от папы.

Вторичное путешествие Павла в Москву

Между тем вскоре после сего папа Адриан VI умер и на место его вступил в на престол Климент VII. Узнав, что Павел, все еще

не престававший питать безрассудной надежды на открытие нового пути на Восток, готовится ко второму путешествию в Москву, Климент снабдил его грамотою к Василию, в коей убеждал сего последнего признать над собою владычество Западной церкви и, по обычаю единоверцев, заключить с Римскими двором вечный союз, долженствовавший, по его мнению, доставить счастье и славу царю Московскому; сверх того папа обещал святейшею властью своею даровать ему титул короля, вместе с королевскими регалиями, ежели он, отвергнув догматы греческой веры, прибегнет к покровительству Римской церкви. Известно, что Василий давно уже домогался у папы такового титула, зная, что Его Святейшество имеет право даровать оный и что самые императоры исстари получают от папы золотую корону и скипетр – знаки их достоинства. Сказывают даже, будто он просил о сем императора Максимилиана и неоднократно отправлял к нему для того послов.

Снабженный папскою грамотою Павел (с самых юных лет привыкший странствовать по свету с большим счастьем, нежели выгодою), несмотря на то, что был уже дряхл и страдал застарелою каменною болезнью, скоро и благополучно прибыл в Москву, где очень благосклонно принят был Василием. Пробыв при дворе его два месяца и не находя силы свои достаточными для перенесения трудностей предполагаемого им пути, он бросил все виды свои на индийскую торговлю и мечтательные свои планы и возвратился в сопровождении Московского посла Димитрия в Рим, где все полагали, что он не успел еще добраться до Москвы.

Прием, сделанный Московскому послу в Риме

Папа приказал отвести Димитрию покои в великолепнейшей части Ватиканского дворца, где раззолоченные потолки, изящной работы обои и постели, покрытые шелковыми тканями, долженствовали удивить взоры Московского посла, облеченного, по приказанию Его Святейшества, также в шелковые одежды. Франциск Херегат, епископ Апрушинский, несколько уже раз отправлявший важную должность посланника в отдаленных странах и заочно известный Димитрию по рассказам Павла, должен был, по повелению папы, везде сопутствовать Московскому послу и показывать ему церковные драгоценности и редкости Рима. Отдохнув несколько дней и смыв с себя грязь, накопившуюся от продолжительного и трудного пути, Димитрий

в великолепной национальной одежде представлен был папе и, преклонив пред ним по обыкновению колена[327], поднес от своего имени и от имени царя дары, состоящие из собольих мехов, и вручил Его Святейшеству от Василия следующую грамоту, предварительно переведенную на латинский язык самим Димитрием, а потом и толмачом иллирийцем Николаем Сикценским.

Грамота великого князя Василия к папе Римскому

Папе Клименту, пастырю и учителю Римской церкви, великий государь Василий, Божиею милостию царь и обладатель всея Руси, великий князь Володимерский, Московский, Новгородский, Псковский, Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и проч. Государь и великий князь Новгорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ржевский, Бельский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский и проч. Прислали вы к нам капитана Павла, гражданина генуэзского, с грамотою, в которой убеждаете нас в соединении с вами и другими государями христианскими действовать советом и силою против врагов христианства; чинить обоюдно, как вашим, так и нашим послам, свободный и беспрепятственный пропуск и по взаимной приязни извещать друг друга о здравии нашем и состоянии дел государственных. Мы же, при всеблагой помощи Божией, доселе ратовав неленостно и постоянно против нечестивых врагов Христовой веры, готовы и впредь воевать с ними. Равномерно готовы мы жить в добром согласии с другими государями христианскими и давать свободный пропуск их подданным в нашем царстве. Чего ради и посылаем к вам Димитрия Герасимова, нашего человека, с сею нашею грамотою; Павла же капитана отсылаем обратно. Но вы в скором времени отпустите Димитрия и повелите проводить его здравым и невредимым до наших границ. Мы же с своей стороны обещаем поступить таким же образом, если вы пришлете к нам с Димитрием посла вашего, желая словесно и письменно известить нас о делах государственных, дабы, сообразив желания всех христиан, мы могли действовать с нашей стороны приличнейшим образом. Дано в царствование наше, в город Москве, в лето от сотворения мира семь тысяч тридцать третье (7033 или 1525), апреля третьего дня.

Пребывание Димитрия в Риме

Полагали, что Димитрий, как человек опытный в делах государственных и особенно сведущий в Св. Писании, имеет какие-либо тайные и важные поручения, которые объявит папе на аудиенции словесно. Он в недавнем времени выздоровел от лихорадки, которою долго был одержим от перемены климата, и совершенно восстановил силы свои и прежний цвет лица, так, что, несмотря на шестидесятилетнюю старость, с охотою ходил слушать торжественное служение папы, совершавшееся со всею пышностью, при гармонических звуках музыки, в день св. Космы и Дамиана; был в Сенате в то самое время, когда папа и все придворные чины принимали кардинала Кампеджио, только что возвратившегося из посольства в Венгрию, осматривал святые храмы и с изумлением любовался остатками древнего величия Рима и жалкими остовами прежних зданий. Надлежит полагать, что, по обозрении всего этого, он в скором времени объявит папе желания государя своего и, приняв от Его Святейшества достойные дары, возвратится в Москву с папским легатом епископом Скаренским.

Имя московитян и описание страны, ими занимаемой

Имя москвитян недавно только стало известно, хотя, впрочем, Лукан и упоминает о мосхах, как о народе, соседственном с сарматами, а Плиний говорит, что они жили при источнике Фазиса, повыше Черного моря, к востоку.

Страна их весьма обширна. Она простирается от жертвенников Александра Великого (около источников Танаиса) до отдаленнейшего края земли, к Ледовитому океану, под самый север. Поверхность ее – большею частью плоская и изобилует лугами, хотя летом во многих местах болотиста. Это происходит от того, что вся Московия пересекается большими реками, которые, поднимаясь от тающих весною снегов и разрешающегося льда, во многих местах поля превращают в болота, а дороги покрывают стоячею водою и глубокою грязью, не просыхающею до тех пор, пока реки сии, при наступлении новой зимы, не покроются опять льдом и болота не окрепнут от сильных морозов так, чтобы можно было безопасно ездить по оным. Большую часть Московии занимают Герцинские леса, которые, будучи уже в некоторых местах заселены и в продолжение времени расчищены трудолюбием жителей, не представляют более тех страшных и непроходимых дебрей, как прежде. Сказывают, что они наполнены множеством диких зверей и тянутся, не перерываясь, по всей Московии в направлении к северо-востоку до самого

Скифского океана, так что при всех стараниях никому еще досель не удалось открыть конца их. В той части, которая принадлежит Пруссии, водятся огромные и свирепые буйволы, видом похожие на быков и называемые визонтами[328], а также альцесы (Alces), род зверей, сходный с оленями и отличающейся мясистою мордою, высокими ногами и несгибающеюся щеткою. Москвитяне называют их лосями, а немцы еленями. Животные сии известны были еще К. Цезарю. В Герцинских лесах водятся также необыкновенной величины медведи и страшные, большие черные волки.

Соседние народы. Татары

На востоке от московитян живут скифы, ныне называемые татарами, народ кочевой и с давних времен славящийся своим воинственным характером. Телеги, покрытые войлоками и кожами, служат им вместо домов, – и этот образ жизни еще в древности приобрел им название амаксовиев[329] (Hamaxovios). Вместо городов имеют они обширные становища, не обведенные ни рвами, ни насыпями, но защищаемые бесчисленным множеством всадников, вооруженных стрелами. Татары разделяются на орды; это слово на их языке значит собрание народа в одно целое, наподобие государства. Каждою ордою управляет особенный вождь, избираемый по знатности рода или по воинским доблестям. Побуждаемые честолюбием они часто ведут жестокие войны со своими соседями. Татарских орд, как известно, находится бесчисленное множество, ибо татары владеют обширными степями, простирающимися до самого Китая (Cathayum), знаменитой страны на берегах Восточного океана. Те из татарских племен, которые ближе к московитянам, известны по торговым сношениям своим и по частым набегам. В Европейской Татарии при Ахиллесовом поприще[330] (Dromos Achillis), что в Таврическом Херсонесе, живут перекопские татары. Дочь хана их находится ныне в замужестве за турецким императором Селимом. Питая непримиримую вражду к полякам, перекопские татары беспрерывно опустошают земли, лежащие между Борисфеном и Танаисом. Как в религии, так и во всем другом они весьма сходны с турками, которые в Тавриде владеют Лигурийскою колониею, называвшеюся в древности Феодосиею. Татары, обитающие в Азии на обширных равнинах между Танаисом и Волгою подвластны Московскому царю Василию, и от воли его нередко зависит даже самое избрание их государей. Между ими в особенности замечательны кремские татары[331]

(Cremii), народ, славившийся прежде богатством и воинскими доблестями, но лишившийся несколько лет тому назад от внутренних междоусобий всей своей силы и знаменитости. За Волгою обитают казанские татары, которые весьма дорожат дружбою московитян и признают их своими покровителями. Далее на север от Казани живут шибанские татары (Sciabani), сильные по своему многолюдству и обширным стадам; а за ними ногайские татары, славящиеся в настоящее время богатством своим и воинскою доблестию. Сия обширнейшая орда не имеет государя, но управляется, подобно Венецианской республике, благоразумными старцами и храбрыми мужами. К югу от ногаев, близ Гирканского моря, живет племя загатайское (Zagathai), знатнейшее из всех татарских племен. Загатаи имеют города, построенные из камня. Самарканд, столица их, замечательна по своей обширности и великолепию. Чрез нее протекает величайшая в Согдиане[332] река Яксарт, впадающая сто миль далее в Каспийское море[333]. В наше время Персидский царь Измаил Софи[334] воевал с сими народами, но весьма неудачно. Вынужденный в одно и то же время бороться с ними и с султаном Селимом, он был на голову разбит сим последним в одном сражении и должен был уступить ему Армению и Таврис, столицу своего государства. В Самарканде родился Тамбурлан, или Темиркутлу (Themircuthlu), как утверждает Димитрий, который, победив Селимова прадеда Баязета Оттоманского в битве при городе Анцире в Галатии[335], взял его в плен и торжественно возил в железной клетке по всей Азии, завоеванной силою страшного его оружия.

Загатаи снабжают московитян множеством шелковых тканей; татары же, обитающие внутри земель, не доставляют им ничего, кроме быстрых лошадей и превосходных белых материй, не тканых, а сваленных из шерсти. Из них делаются фельтрийские епанчи, столь красивые и столь хорошо защищающие от дождя. У московитян они берут в обмен только шерстяное платье и серебренную монету, пренебрегая прочим убранством и излишнею домашнею рухлядью. Им достаточно одних плащей для защиты от суровой погоды и одних стрел для отражения неприятеля. Впрочем, в случае набега на европейские страны, предводители их покупают у персов железные шлемы, брони и сабли.

С полуденной стороны сопредельно московитянам другое племя татар, живущее в Азии около Азовского моря (Palus Meotides), а в Европе при реках Борисфене и Танаисе, т. е. на равнинах, примыкающих к Герцинии. В древние времена пространство сие занимали роксоланы[336], геты и бастарны,

откуда, по моему мнению, произошло и самое название России; ибо часть Литвы именуется и поныне Нижнею Россиею, а самая Московия Белою Россиею. К северо-западу от Московии лежит Литва; с запада же Пруссия и Ливония средними частями входят в самые пределы Московии в том месте, где Сарматское море, проходя сквозь тесный пролив Кимврийского Херсониса[337], склоняется лунообразным заливом к северу.

Лапландцы

На самом отдаленном берегу океана, где обширнейшие государства Норвегия и Швеция как бы перешейком соединяются с материком, живут лапландцы, народ чрезвычайно дикий, подозрительный и до такой степени боязливый, что один след иноземца или даже один вид корабля обращает их в бегство. Лапландцы не знают ни произрастений, ни плодов и вообще никаких даров природы. Стрельба из лука доставляет им всю пищу их, а звериные кожи – всю их одежду. Жилища их составляют небольшие пещеры, наполненные сухими листьями, и древесные пни, выдупленные огнем или временем. Некоторые живут на берегу моря, в местах, более удобных для ловли рыбы, которую добывают во множестве, несмотря на несовершенство своих орудий. Они коптят ее и таким образом сберегают впрок. Лапландцы очень малы ростом, имеют бледные и как бы разбитые лица, но зато одарены величайшею быстротою ног. О свойствах сего народа даже ближайшие его соседи, московитяне, ничего не знают; ибо, по словам их, напасть на лапландцев с небольшим отрядом было бы безрассудно и гибельно; идти же с большею ратью против племени бедного – и бесполезно и бесславно. Лапландцы променивают московитянам на разные товары белые меха, известные у нас под именем горностаев (armelinae); причем не только не ведут разговора с купцами, но даже избегают их взоров. По обоюдном сличении продаваемых товаров они оставляют на месте меха свои, и таким образом заочно между не известными друг другу людьми производится самая искренняя и справедливая мена.

Пигмеи

К С. С. З. от лапландцев, в стране вечного мрака, по свидетельству некоторых достоверных лиц, живут пигмеи[338], которые в полном возрасте своем едва превышают нашего

десятилетнего ребенка; они боязливы, щебечут, как птицы, и по строению тела, равно как и по свойствам своим, боле похожи на обезьян, нежели на обыкновенных людей.

К северу от Московии обитают бесчисленные племена, подвластные московитянам и занимающие все пространство до Скифского океана, на расстоянии трех месяцев пути.

Страна, ближайшая к Московии, есть Холмогоры. Она изобилует всякого рода земными произрастениями и орошается величайшею из всех северных рек, Двиною, которая сообщила имя свое другой, меньшей реке, впадающей в Балтийское море. Двина постоянно в известные времена года разливается, подобно Нилу. Наводняя прилежащие поля, она утучняет их плодоносным илом и тем самым умеряет суровость климата и противоборствует влиянию северных ветров. Во время ее разлива, происходящего обыкновенно от таяния снегов и от сильных дождей, устье ее, при впадении в океан, уподобляется пространному морю, так что на гребном судне нельзя переехать его в один день; но лишь только вода начнет сбывать, на всем пространстве образуются обширные и плодороднейшие острова. Посеянный на них хлеб родится без возделывания и почти в одно и то же время всходит, вырастает и колосится, с удивительною скоростью, как бы опасаясь нового разлития.

Пермь, печера, югры, вогуличи и пеняжане

В 600 милях от Москвы, там, где река Юг впадает в Двину[339], лежит торговый город Устюг. Туда приезжают пермь (Permii), печера (Peccerri), югры (Inugri), вогуличи (Ugulici), пеняжане (Pinnagi) и другие отдаленнейшие народы и привозят с собою дорогие меха (как то: куниц, соболей, волков, оленей и черных и белых лисиц), которые променивают на различные товары. Лучшие собольи меха с проседью доставляются из Перми и Печеры и употребляются для царской одежды и для украшения нежных плеч знатных боярынь, которые умеют придать сему наряду вид живых соболей. Впрочем, эти народы не сами добывают их, а получают от других отдаленнейших племен, живущих близ океана. Еще в минувшем веке пермь и печера были язычниками и приносили жертвы идолам; ныне же исповедуют христианскую веру. В страну югров и вуголичей лежит путь чрез непроходимые горы, вероятно, те самые, которые в древности именовались Гиперборейскими. На вершинах их ловят превосходных соколов, между коими особенно замечателен род белых соколов с пестрыми перьями, известный под названием

Herodium. Там же водятся иерофалки, неприятели цаплей, и разные породы священных перелетных соколов, не известные даже самым роскошнейшим государям древности, занимавшимся птицеловством.

Кроме народов, упомянутых мною и платящих дань Московским царям, есть еще племена, по отдаленности своей не известные даже самим московитянам, ибо никто еще не доходил до океана. Об них знают только по слуху и по рассказам купцов, большею частью баснословным. Достоверно только то, что Двина, принимающая в себя бесчисленные реки, с большим стремлением течет к северу, и что море, в которое впадает она, имеет столь огромное протяжение, что, придерживаясь правого его берега, можно доплыть до самого Китая, – ежели не встретится на пути какой-либо новой земли.

Китай

Китайцы населяют самые отдаленнейшие страны Востока, почти параллельные с Фракиею. Португальцы видали их в Индии, куда они приезжали для покупки благовонных товаров. В путешествиях своих они доходили даже до Золотого Херсонеса[340] и привозили с собою собольи меха. Это последнее обстоятельство явно показывает, что Китай лежит недалеко от скифских берегов.

Предание об участии московитян в Готском походе

Я спросил Дмитрия, не осталось ли у них какого предания или письменного памятника о готах, которые за тысячу лет пред сим разрушили империю Цезаря и опустошили город Рим. Название готского народа, отвечал он, равно как и имя царя Тотилы[341] у нас весьма хорошо известно; в походе же против Римской империи принимали участие многие народы, и более других москвитяне. Присоединившиеся к ним ливонцы и приволжские татары еще более увеличили их силы; названы же все они вообще готами потому, что готы, населявшие остров Исландию или Скандинавию[342], были главными виновниками сего похода.

Мы уже видели, какие народы окружают Московское государство. Думаю, что Птоломей под своими модоками[343] разумел московитян, коих название заимствовано от реки Москвы, протекающей чрез столичный город того же имени.

Город Москва

Город Москва по своему положению в самой средине страны, по удобству водяных сообщений, по своему многолюдству и, наконец, по крепости стен своих есть лучший и знатнейший город в целом государстве. Он выстроен по берегу реки Москвы на протяжении пяти миль, и домы в нем вообще деревянные, не очень огромны, но и не слишком низки, и внутри довольно просторны; каждый из них обыкновенно длится на три комнаты: гостиную, спальную и кухню. Бревна привозятся из Герцинского леса; их отесывают по шнуру, кладут одно на другое, скрепляют на концах, – и таким образом стены строятся чрезвычайно крепко, дешево и скоро. При каждом почти доме есть свой сад, служащий для удовольствия хозяев и вместе с тем доставляющий им нужное количество овощей; от сего город кажется необыкновенно обширным. В каждом почти квартале есть своя церковь; на самом же возвышенном месте стоит храм Богоматери, славный по своей архитектуре и величине; его построил шестьдесят лет тому назад Аристотель Болонский, знаменитый художник и механик[344]. В самом городе впадает в р. Москву речка Неглинная, приводящая в движение множество мельниц. При впадении своем она образует полуостров, на конце коего стоит весьма красивый замок с башнями и бойницами, построенный италианскими архитекторами. В полях, принадлежащих городу, водится необычайное множество диких коз и зайцев, которых, однако, никто не имеет права ни ловить тенетами, ни травить собаками; только своим приближенным и послам иностранным государь позволяет иногда иметь это удовольствие. Почти три части города омываются реками Москвою и Неглинною; остальная же часть окопана широким рвом, наполненным водою, проведенною из тех же самых рек. С другой стороны город защищен рекою Яузою, также впадающею в Москву несколько ниже города. Самая же Москва, протекая на юг, изливается под городом Коломною в большую реку Оку, которая в пространном течении своем, приняв в себя еще нисколько других рек, широким устьем втекает в Волгу. При впадении ее стоит город Новгород Нижний, получивший название свое от Великого Новгорода, почитающегося его метрополиею.

Источники Волги и других рек

Волга, в древности Ра, вытекает из больших и глубоких болот, именуемых Белыми озерами. Они лежать на северо-западе

от Москвы и, подобно Альпам, с вершин которых стремятся Рейн, По, Рона и другие менее значительные реки, дают начало всем почти рекам, протекающим по Московии. Болота сии заключают в себе неиссякаемые источники и тем самым заменяют горы, которых, по уверению путешественников, вовсе нет в целой стране; от сего занимающиеся космографиею почитают сказкою прославленные древними Рифейские и Гиперборейские горы. Из сих-то болот вытекают Двина, Ока, Москва, Волга, Танаис и Борисфен. Волгу татары называют Эдилем, Танаис – Доном, а Борисфен ныне именуется Днепром. Он впадает ниже Тавриды в Эвксинский Понт; Танаис изливается при торговом городе Азове в Меотийское море, а Волга, взяв начало свое на севере от Москвы, стремится большими излучинами сперва на восток, потом на запад и, наконец, на юг и втекает обильными рукавами в Гирканское море.

Цитрахан

Близ устья ее стоит татарский город Цитрахан, куда съезжаются на славную ярмарку мидийские, армянские и персидские купцы. На левом берегу Волги находится также Казань.

Казань

Татарский город, от которого получила название свое Казанская Орда. Он отстоит от устья Волги и Каспийского моря на пятьсот миль. Выше сего города на сто пятьдесят италианских миль, при впадении в Волгу реки Суры, нынешний государь построил город Сурцикум[345].

Сурцикум

С тем, чтобы в сей безлюдной стране доставить безопасные жилища и ночлеги людям торговым и гонцам, отправляемым к пограничным воеводам для извещения их о делах татар и движениях сего беспокойного народа, Московские государи, соображаясь с обстоятельствами или желая присутствием своим возвысить новые и малоизвестные страны, в различные времена имели столицу и двор свой в разных городах.

Новгород

Таким образом, Новгород, лежащий на северо-запад от Москвы, ближе к Ливонскому морю, был прежде столицею государства и всегда славился бесчисленным множеством строений своих, выгодным своим положением при обширном и богатом рыбою озере и, наконец, древнейшим и весьма уважаемым москвитянами храмом, сооруженным за 400 лет пред сим, в соревнование с Византийскими императорами, во имя св. Софии, Иисуса Христа, Сына Божия[346]. В Новгороде царствует вечная зима и мрачная продолжительная ночь, потому что арктический полюс возвышается там над горизонтом на шестьдесят четыре градуса; Москва же, находясь шестью градусами ближе к экватору, во время солнцестояния, по причине коротких ночей, подвержена чрезвычайному зною.

Владимир

Город Владимир, отстоящий от Москвы в двухстах милях на восток, именуется также престольным градом; ибо мужественные государи Московские перенесли туда столицу свою в то время, когда, ведя беспрестанные войны с соседними народами, они вынуждены были находиться ближе к театру военных действий и быть всегда готовыми к отражению скифских племен. Он лежит по сю сторону Волги, при реке Клязьме, которая впадает в Волгу. Впрочем, Москва по выгодному положению своему преимущественно пред всеми другими городами заслуживает быть столицею; ибо мудрым основателем своим построена в самой населенной стране, в средине государства, ограждена реками, укреплена замком и, по мнению многих, никогда не потеряет первенства своего. Она отстоит от Новгорода на пятьсот тысяч шагов. На средине пути сего построен город Тверь, при реке Волге, которая в сем месте, будучи близка к своему источнику и не умножив еще вод своих другими значительными реками, весьма не широка и течет спокойно; от Твери через леса и дикие пустыни лежит путь в Новгород, а оттуда до Риги, ближайшей гавани на берегу Сарматского моря, считается менее пятисот италианских миль. Это последнее расстояние имеет много преимуществ пред прочими потому, что заселено частыми деревнями, и на самом пути находится город Псков, орошаемый двумя реками. От Риги, подвластной магистру Немецкого ордена, до Любека, гавани в заливе Кимврийского Херсонеса, полагается морем менее тысячи италианских миль, но переезд сей сопряжен

с большими опасностями.

Расстояние от Рима до Москвы

От Рима до Москвы считается кратчайшим путем до двух тысяч шестисот италианских миль. Путь сей, лежащей чрез Равенну, Тревизу, Каринтские Альпы, Виллак Норический, Вену Паннонической и Ольмиц Моравийский, что за Дунаем, составляет до Кракова, столицы Польского царства, не более тысячи ста италианскихь миль; от Кракова до Вильны, столицы Литовской, пятьсот миль; столько же до города Смоленска на Днепре; и, наконец, от Смоленска до Москвы около шестисот италианских миль. Путь от Вильны чрез Смоленск до Москвы в зимнее время по крепкому снегу, превращающемуся от морозов и частой езды в твердый лед, совершается с неимоверною скоростию; зато в летнее время не иначе можно проехать здесь, как с большим трудом и с чрезвычайными усилиями, потому что тающий от солнца снег образует болота и грязные, непроходимые топи, на которые для проезда настилают с величайшим трудом деревянные гати.

Произведения Московии

В Московии нет ни винограда, ни маслин, ни даже вкусных яблок, потому что все нежные растения, кроме дынь и вишен, истребляются холодным северным ветром. Несмотря на это, поля покрыты пшеницею, просом и другими хлебными произрастениями, а также всякого рода зеленью. Самое же важное произведение московской земли есть воск и мед. Вся страна изобилует плодовитыми пчелами, которые кладут отличный мед не в искусственных крестьянских ульях, но в древесных дуплах. В дремучих лесах и рощах ветви дерев часто бывают усеяны роями пчел, которых вовсе не нужно собирать звуками рожка. В дуплах нередко находят множество больших сотов старого меду, оставленного пчелами, и так как поселяне не успевают осмотреть каждого дерева, то весьма часто встречаются пни чрезвычайной толщины, наполненные медом. Веселый и остроумный посол Димитрий рассказывал нам для смеху, как один крестьянин из соседнего с ним селения, опустившись в дупло огромного дерева, увяз в меду по самое горло. Тщетно ожидая помощи в уединенном лесу, он в продолжение двух дней питался одним медом и, наконец, удивительным образом выведен был из сего

отчаянного положения медведем, который, подобно людям, будучи лаком до меду, спустился задними лапами в то же дупло. Поселянин схватил его руками за яйца и закричал так громко, что испуганный медведь поспешно выскочил из дупла и вытащил его вместе с собою.

Товары, отпускаемые московитянами в Европу

Московитяне отпускают в Европу лучший лен, коноплю для канатов, воловью кожу и множество воску. У них нет ни золотых, ни серебряных рудников, а также во всей стране не замечено драгоценных камней; но природа, лишив их сих сокровищ, щедро вознаградила за то богатыми и редкими мехами, которые в наше время, по значительному на них требованию и по непомерной роскоши, до такой степени возвысились в цене, что мех для шубы стоит не менее тысячи золотых монет. Прежде продавали их гораздо дешевле, ибо жители отдаленного севера, не знакомые еще тогда с нашею утонченною образованностью и безмерною роскошью, по простоте своей нередко меняли их на самые дешевые и маловажные вещи. Так, например, жители Перми и Печеры платили за железный топор столько соболей, сколько московские купцы, связав вместе, могли продеть в отверстие топора, куда влагается топорище.

Религия московитян

За пятьсот лет пред сим московитяне поклонялись языческим богам, как то: Юпитеру, Марсу, Сатурну и многим другим[347], которых древние в безумном заблуждении из могущественных царей или мудрецов возвели в достоинство богов. Христианскую веру приняли они в то время, когда греческое духовенство, не слишком постоянное в мнениях своих, начало отделяться от латинской церкви; от сего они с непоколебимою твердостию сохраняют и поныне учение и обряды, принятые ими от греческих наставников. Они верят, что Дух, третье лице Св. Троицы, исходить только от Бога Отца, между тем как по всей справедливости должно признавать происхождение Его от Отца и Сына[348]. На Флорентийском соборе, созванном Евгением IV, после жарких споров оказалось, что упорство греков основывалось на исправлении одних только слов, а не мыслей, тем более что греческие епископы, убежденные ясными доводами, тогда же признали, что Дух Святый исходит от Отца чрез Сына.

Таинство Причащения совершают московитяне не на опресноках, как следовало бы по всей справедливости[349], но на квасном хлебе, и причащаются в двух видах, как причащаются у нас одни только священники; т. е. пресвитеры их раздают всему народу для причащения Тело и Кровь Христову. В новейшее время (еще на памяти у отцов наших) богемцы, увлеченные сим пагубным заблуждением, отстали от латинской церкви. Далее, московитяне, совершенно в противность учению христианской веры, полагают, что ни ходатайство церкви, ни молитвы ближних и друзей за души усопших недействительны,[350] и почитают выдумкою место чистилища, в коем души праведных, очищаясь долговременным мучением в огне, многими поминовениями и индульгенциями святейших пап, наследуют потом блаженство в Царстве Небесном. Во всем прочем московитяне соблюдают те же обряды, каким следуют греки, причем с дерзостью и упорством отвергают первенство Римской церкви. Больше же всего ненавидят они иудеев, так что содрогаются при одном их имени и не впускают их в свои пределы как людей презренных, вредных и в недавнем еще времени научивших турок лить медные пушки. Во время священнодействия читают у них громогласно с амвона жизнь Иисуса Христа и истории всех его чудес, описанную четырьмя евангелистами, а также послания св. апостола Павла или поучения отцов церкви. В сем последнем чтении упражняются они даже и вне литургии; но сие относится преимущественно к священникам, известным своим благочестием. Московитяне не позволяют монахам своим говорить проповеди в церквах и собирать, как у нас, народ для тщеславных состязаний и рассуждений о делах божественных. Мужи, утвердившиеся в вере, думают, что сердцам грубым и неопытным приносит более пользы учение простое, нежели глубокомысленное изъяснение таинств религии. Московитяне имеют в переводе на их иллирийском языке и сохраняют с особенным уважением Священное Писание, Историю Ветхого и Нового Завета и творения святых отцев: Амвросия, Августина, Иеронима и Григория.

Духовенство

Епископы и другие высшие духовные лица живут в назначенных им городах и селениях, отправляют богослужение, разрешают религиозные споры и имеют власть со всею строгостью наказывать распутство. Глава духовенства, называемый у них митрополитом, испрашивается от Константинопольского патриарха; архимандриты же и епископы выбираются по жребию

из достойнейших кандидатов. Люди, отказавшиеся добровольно от житейских удовольствий и посвятившие себя исключительно божественному созерцанию и богослужению, разделяются в Московии на два класса; те и другие живут в монастырях; но одни могут по своим делам выходить из оных и вообще ведут жизнь более свободную, как у нас братья орденов св. Франциска и св. Доминика; другие же составляют класс монахов святейшей жизни и строго следуют уставу, данному им св. Василием. Им не позволено переступать за порог жилищ своих даже в крайней опасности. Погребенные в темных кельях, вдали от света, они ведут самую суровую жизнь и считаются людьми, совершенно уже усмирившими плоть свою и утвердившимися в благочестии.

Посты

Весь народ постится четыре раза в год (и, кроме того, еще в некоторые дни недели) и в это время воздерживается от мяса, яиц и молока. Первый пост бывает так же, как и у латинян, в начале весны, после нашего праздника Пепла; другой – летом, в честь св. апостолов Петра и Павла; третий – пред осенью, когда мы празднуем память Вознесения Девы Марии на небо, и, наконец, последний – пред праздником Рождества Христова. По средам московитяне не едят мяса, а по пятницам яиц и молока[351]; зато в субботу стол их наполняется яствами всякого рода, и весь день проходит в веселии. Вигилий пред праздниками они не наблюдают[352].

Храмы

Храмы у московитян в величайшем почтении, так что ни мужчины, ни женщины, вкусив приятности любви, не могут входить в церковь, не омывшись прежде в домашних банях. От сего часто случается, что множество лиц обоего пола во время Божественной службы стоят за церковными дверьми и, тем обнаруживая недавнее свое невоздержание, принуждены бывают подвергаться дерзким и колким насмешкам со стороны молодых людей.

Праздники

В день Рождества Иоанна Крестителя и праздника Трех

волхвов[353] священники раздают народу небольшие благословенные хлебцы, которые, по их мнению, исцеляют от лихорадки; в известное же время года совершают они богослужение на реках, покрытых льдом. Для сего на берегу ставят палатку, к которой отправляется духовенство в сопровождении знатнейших особ, поющих священные песни; прибыв на место, окропляют его святою водою и, обойдя несколько раз кругом, совершают торжественно водоосвящение, для чего прорубают во льду отверстие. По окончании церемонии недужные и больные бросаются в реку, быв уверены, что освященная вода омоет нечистоту болезни.

Погребение умерших

Умершему обвивают голову полотном и потом, в сопровождении священников, выносят без большой пышности и хоронят не в церквах, как делаем мы, следуя, так сказать, нечестивому и постыдному обыкновению, но на церковных погостах или под папертью.

По усопшим, как и у нас, совершаются в продолжение сорока дней поминки, что, конечно, весьма удивительно, ибо московитяне не верят, что души умерших пребывают в чистилище и что наказание за грехи может смягчиться молитвою и богоугодными делами друзей. Во всех прочих догматах веры держатся они с величайшею твердостью всею того, что признаем и мы по нашему исповеданию.

Язык и просвещение московитян

Московитяне говорят языком иллирийким и, подобно славянам, далматам, богемцам, полякам и литовцам, употребляют также иллирийские письмена. Ни один язык, как уверяют, не имеет такого обширного и повсеместного употребления, как иллирийский. Им говорят при дворе Оттоманском, и еще недавно был он в большой чести в Египте, между мамелюками, при дворе Мемфисского султана. На сей язык переведены многие книги, преимущественно трудами св. Иеронима и Кирилла. Книги сии находятся почти у каждого московского боярина, и, кроме их, они имеют еще у себя отечественные летописи и Историю Александра Македонского, Римских кесарей и Антония и Клеопатры, писанные также на отечественном их языке. Философиею, астрономиею и другими

науками, равно как и рациональною медициною, московитяне никогда не занимаются; должность врача исправляет у них всякий, кто только имел случай испытать действие каких-нибудь неизвестных трав.

Летосчисление

Летосчисление свое ведут московитяне не от Рождества Христова, но от сотворения мира, и год свой начинают не с января, а с сентября месяца.

Законы и судопроизводство

Вся Московия управляется самыми простыми законами, основанными на правосудии государя и беспристрастии его сановников, и, следовательно, весьма благодетельными, ибо смысл оных не может быть искажен и перетолкован хитростью и корыстолюбием судей. Воры, убийцы и разбойники наказываются смертью. При исследовании преступления обвиняемому льют на голову холодную воду; говорят, что этот род пытки нестерпим. Иногда для вынуждения признания твердыми и заостренными гвоздями отдирают у него ногти от пальцев.

Телесные упражнения

Юноши упражняются в различных играх и преимущественно в тех, которые имеют ближайшее соотношение с воинским ремеслом, как-то: в беге и прыжках, в борьбе, в конском ристании и пр. Для всех сих игр, в особенности же для стрельбы в цель, назначены известные награды.

Московитяне вообще – роста среднего и телосложения здорового и весьма крепкого; имеют голубые глаза, длинную бороду, короткие ноги и огромное туловище. Они ездят верхом с поджатыми ногами и стреляют весьма искусно, так что, будучи даже обращены в бегство, метко бросают чрез себя назад стрелы.

Пища

Домашняя жизнь их представляет более изобилия, нежели утонченности. Столы свои уставляют они всякого рода яствами,

какие только роскошь может пожелать; со всем тем жизненные припасы у них весьма дешевы; курицу или утку можно купить за самую малую серебряную монету; крупного и мелкого скота везде неимоверное множество, а мясо животных, убитых зимою, может сохраняться на холоде почти в продолжение двух месяцев.

Лучшим кушаньем почитается у них, как и у нас, дичь, которую они ловят во множестве охотничьими собаками и сетями.

Их ястреба и соколы (из коих лучшие получаются из страны печерской) берут не только фазанов и уток, но даже лебедей и журавлей. Ястреба суть низший род орлов или коршунов; благороднейшую же породу их составляют соколы, которые были известны еще древним. В Московии ловят одну черноватую птицу, величиною с гуся, с алыми бровями, коей мясо вкуснее самого фазана. На их языке она именуется тетеревом; Плиний же называет ее Erythratao. Птица сия известна жителям Альпов, особенно ретийцам, обитающим близ источников Адды. В реке Волга ловят множество рыбы огромной величины и отличного вкуса, в особенности же сомов, известных древним под названием силуров. Зимою рыбу сию обкладывают льдом и таким образом сохраняют свежею в продолжение долгого времени. Прочие сорта рыб ловятся в большом количестве в упомянутых уже мною Белых озерах.

Не имея своего собственного виноделия, московитяне пользуются вином привозным и употребляют его только на больших пиршествах и в богослужении. В особенности ценится у них сладкое критское вино (Мальвазия), которое пьют они только вместо лекарства или подают в случае, когда желают выказать особенную пышность. Весьма удивительно, что вино сие, привозимое с острова Крит чрез Кадикский пролив, несмотря на качку в Средиземном море и Атлантическом океане, не теряет вкуса и запаха своего и доставляется внутрь скифских лесов совершенно не испорченным. Московитяне пьют еще напиток, приготовляемый из меда и хмеля и сохраняющийся в продолжение долгого времени в засмоленных бочках, отчего он делается крепче и лучше. Напиток сей называется медом. Сверх сего употребляют они также, подобно немцам и полякам, пиво и водку, которые выгоняют из пшеницы, ржи и ячменя. Эти два напитка подаются непременно на каждом пиру. Последний имеет силу вина и приводит в опьянение того, кто пьет его в большом количестве. Чтоб сообщить меду и пиву более вкуса, прохлаждают его, опуская в стакан кусок льду, коего целые глыбы в продолжение всего лета тщательно сохраняются у бояр в подземных погребах. Некоторые любят также сок, выжатый из

спелых вишен; он имеет светло-багровый цвет и очень приятен вкусом.

Неуважение к женскому полу

Жены и вообще женский пол не пользуются у московитян таким уважением, как у других народов; с ними обходятся не лучше, как с рабами. Люди высшего круга весьма тщательно наблюдают за поведением и скромностью своих жен. Они не могут являться на пиршествах, ни ходить в отдаленную церковь, ни даже без важного дела отлучаться из дома. Зато простонародных женщин всякому иностранцу весьма удобно склонить к тайному свиданию небольшими подарками; из сего должно заключить, что знатные люди мало дорожат их любовью.

Семейство Василия

Великий князь Василий еще прежде двадцатилетнего возраста[354] лишился отца своего Иоанна, имевшего в супружестве Софию, дочь Фомы Палеолога (брата Константинопольского императора), владевшего многими землями в Пелопонесе. София, по изгнании отца ее турками из Греции, жила некоторое время в Риме. Иоанн имел от нее пять сынов: великого князя Василия, Георгия, Андрея, Димитрия и Симеона, из коих два последние похищены смертью. Василий имеет в супружестве Соломонию (дочь Георгия Сабурова, верного и умного царского советника), украшенную всеми женскими добродетелями, но, к сожалению, неплодную.

Брак царей

Московские государи, желая вступить в брак, повелевают избрать из всего царства девиц, отличающихся красотою и добродетелию, и представить их ко двору. Здесь поручают их освидетельствовать надежным сановникам и верным боярыням, так что самые сокровенные части тела не остаются без подробного рассмотрения. Наконец, после долгого и мучительного ожидания родителей, та, которая понравится царю, объявляется достойною брачного с ним соединения. Прочие же соперницы ее по красоте, стыдливости и скромности нередко в тот же самый день, по милости царя, обручаются с боярами и

военными сановниками[355]. Таким образом, Московские государи, презирая знаменитые царские роды, подобно Оттоманским султанам, возводят на брачное ложе девиц большею частью низкого и незнатного происхождения, но отличающихся телесною красотою.

Характер Василия и его деяния

Василий находится теперь в сорок седьмом году жизни своей и красотою тела, величием души, воинскою славою, любовию и благосклонностию к подданным превосходит всех своих предшественников. В шестилетней войне своей с ливонцами[356], которые возбудили против него семьдесят два города, он остался победителем и скорее предписал, нежели принял, мирные условия. При самом начале царствования своего разбил он поляков и, взяв в плен полководца их Константина, родом русса, привез его в оковах в Москву; но впоследствии при Борисфене, близ города Орши, сам проиграл важное сражение тому же самому Константину, освобожденному из плена. Несмотря, однако, на сие поражение, город Смоленск, древнее достояние Московии, по-прежнему остался во власти Василия. Против татар и особенно против перекопцев, живущих в Европе, московитяне несколько раз вели войну с успехом, мстя за их опустошительные набеги.

Войско

Василий может выставить в поле до 150,000 всадников, которые разделяются на полки; каждый полк имеет свое знамя и своего воеводу. На знамени царского полка изображен Иисус Навин, испросивший у Бога, как повествует Священное Писание, власть продлить день и остановить течение солнца. Пехота в обширных татарских пустынях почти бесполезна, как по неудобности длинной, простирающейся до самых пят одежды воинов, так и потому, что татары более выигрывают внезапным нападением и быстротою своих коней, нежели фронтовою битвою или схваткою. Лошади московские ниже среднего роста, но крепки и весьма быстры. Всадники вооружены саблями, пиками, железными булавами, стрелами, а некоторые и мечами; оборонительное же оружие их состоит из щитов, частью больших, как у азиатских турок, частью же малых, угловатых, с выпуклою поверхностью, как у греков; кроме того, они защищаются

панцирями и покрывают голову пирамидальными шлемами. Нынешний государь устроил также у себя конную артиллерию, и в московской крепости лежит на колесах множество медных пушек, литых италианскими мастерами.

Василий часто с особенною пышностью и необыкновенным радушием, нисколько, впрочем, не унижающим сана его, пирует посреди своих бояр и иностранных послов. В самой зале пиршества, на двух столах, расставлено множество серебряных позолоченных сосудов. Ни во дворце, ни в других местах государь не содержит на жалованье и воинской стражи, кроме одних только лиц, составляющих двор его; сторожевые же посты охраняются верною городскою дружиною. Все городские улицы запираются воротами или рогатками, и ходить ночью позволено только по самой крайней необходимости и то не иначе, как с фонарем.

Двор

Двор составляют князья и главнейшие военные сановники, которые чрез определенное число месяцев поочередно вызываются из областей для поддержания придворного блеска, для составления царской свиты и для отправления разных должностей. При наступлении войны войско набирается из ветеранов и рекрут, для чего в каждом городе воевода обязан вести счет молодым людям и способных к оружию вносить в список. Во время мира из областной казны выдается им известное, весьма, впрочем, незначительное жалованье. Зато военные люди свободны от податей, имеют всегда преимущество пред крестьянами и во всех делах своих пользуются царским покровительством. Во время войны для истинной доблести открывается благородное поприще, и вообще по всем частям государственного управления находятся полезные и прекрасные учреждения, так что всякий по заслугам своим получает или вечную награду, или вечный стыд.

Пер. М. Михайловского.

Текст воспроизведен по изданию: Библиотека иностранных писателей о России. Т 1. СПб. 1836.

notes

Примечания

1

Волга впадает в Каспийское море – это неоспоримый факт! – *Прим. авт.*

2

На льду Москвы-реки ему хватило бы на 300 000 кур или 120 000 уток! – *Прим. авт.*

3

Это одно из его прозвищ. Два других – Великий и Грозный. Из-за того, что у внука Ивана III Васильевича было то же отчество и те же прозвища, Иван IV Грозный в некоторых более поздних записках европейцев слился со своим великим дедом. Тем иностранцам оно, может, и простительно. Во-первых, люди чужие, во-вторых, уровень образования, можно сказать, допотопный. А вот нашим доморощенным сегодняшним образованцам, которые тут же, с пол-оборота начинают верещать, как увидят «Иван III Грозный», должно быть стыдно за свою лень, нелюбопытство и темноту…

4

Олеарий спутал информацию о существовании слободы «Налейка» при Василии III и факт выселения иноземцев за городскую черту при Иване IV в 1580 году.

5

Campagna di Tartari – татарские степи.

6

Mare di Bachan – Бакинское море, которое сам Контарини здесь же определяет как море Каспийское.

7

Дербент по легенде считался городом, который был основан Александром Великим. Название «Железные ворота» (здесь «Porta di ferro») присвоено ему издавна. Ср. «Каспийские ворота» в тексте «Getica» Иордана (Иордан, § 51, стр. 75, 133; § 55, стр.76, 139; примеч. 154, 180, 388). Барбаро посетил Дербент в связи со своим посольством в Персию. Он подробно говорит об этом городе, который служил воротами между Скифией (Татарией) к северу и Мидией к югу. «Дербент лежит на Бакинском море (mar di Bachu), удаленный от гор на расстояние одной мили; на горе находится замок. К морю, как два крыла (due ale), спускаются стены; их концы уходят под воду. Ширина города от ворот до ворот равна полумиле. Стены сложены из громадных камней по римскому способу (alia romana). На нашем языке слово Дербент значит узкий проход, „пролив“ (stretto), но некоторые, понимая особенности этого места, называют его Темиркапы (Temircapi), что по-нашему значит железные ворота (porta di ferro). Действительно, придумавший эти слова нашел весьма подходящее название – ведь город отделяет Мидию от Скифии. Если кто хочет, отправившись из Персии, из Турции, из Сирии и вообще из стран по сю сторону [„da indi insu“ – здесь подразумевается с юга на север, „наверх“], пройти в Скифию, пусть он войдет через одни ворота и выйдет через другие» (Persia, p. 55 r).

8

Sturioni, morone – осетры, белуга и вообще крупная красная рыба Каспийского моря и Нижней Волги; о высоком качестве рыбы этих мест хорошо знали итальянские купцы, и сведения о ней помещались во всех руководствах по торговле, таких, как «Pratica della mercatura» флорентийца Пеголотти и др.

9

По-видимому, эти большие, «почти круглые» рыбы – тюлени Каспийского моря.

10

Barca в данном случае – морской бот, парусное судно средней величины, которое имело особое управление при помощи «zanche» (как попытался описать Контарини) и ходило в виду берега. На боте помещалось 35 человек с их кладью; в их числе были капитан и шесть матросов. См. слова «барка», «баркас» и «бот» в Словаре Даля, где разобран вопрос о деревянных судах на Волге.

11

О «деспине», т. е. Софье Палеолог, жене Ивана III, и об ее отце, «деспоте» Фоме Палеологе, см. ниже.

12

Una salina grandissima – несомненно, огромное соляное самосадочное озеро Баскунчак. Контарини не мог – из-за всяческих затруднений с местными властями – точно узнать, где расположено это озеро; он ошибся, сказав, что оно лежит за (di qua) Астраханью в сторону морского берега (verso la marina), тогда как Баскунчак находится севернее Астрахани, к востоку от Волги (Ахтубы).

13

Franchi, т. е. итальянцы, воспринимались татарами как враги, потому что итальянские (генуэзские) владения – и главный их центр Каффа – менее чем за год до этого отошли под власть турок. Кроме того, еще продолжалась турецко-венецианская война (1463–1479 гг.), а татары были на стороне турок; временами они посылали послов к Узун Хасану в Тебриз, он же после своего поражения под Эрдзинджаном (10 августа 1473 г.) уже не выступал против Мухаммеда II. Тана, по-видимому, замерла сама собою, и татары не признавали больше ни генуэзцев, ни венецианцев.

Comerchieri – сборщики пошлин.

15

Контарини отметил связи Астрахани с Москвой: русские приходили сюда за солью; русские и татарские купцы ездили с товарами между Астраханью и Москвой.

16

alermi – непонятное, по-видимому, неправильно прочитанное слово, обозначающее валюту. Эта сумма не названа в дальнейшем, когда у Контарини, уже в Москве, возникли затруднения по поводу возврата русским и татарским купцам тех денег, которые он взял у них в долг с процентами – с целью откупиться от преследовавших его татар.

17

Относительно медового напитка bevanda (здесь – «vivanda») di mele у русских Барбаро и Контарини пишут, рассказывая о Москве; Контарини впервые упоминает этот напиток, говоря о свадьбах в Луцке.

18

Контарини был в Астрахани летом 1476 г. Тогда главным ханом – «императором» Большой Орды – был хан Ахмед (1460–1481).

19

Большая Орда, по Контарини, располагалась на территории между Волгой и Доном; с юга она примыкала к степям Черкесии и к степям по Нижнему Дону, с севера – к пределам (confini) Московского государства.

20

Значительные здания в Астрахани были до 1395 г., когда город был разрушен войсками Тимура.

21

Касим-хан назван правителем (Tana, § 52) Астрахани, хотя выше говорилось о трех братьях, племянниках главного хана Большой Орды, как о владетелях Астрахани. Быть может, Касим был старшим из троих? Ниже Касим назван племянником (nepote) хана Большой Орды, несомненно, Ахмеда. В летописи этот Касим упомянут под 6988 (= 1480) г. и назван «братаничем» (племянником по брату) «царя Ахмата Болышия Орды», который шел в последний раз к Оке, против Ивана III (Моск. свод, стр. 327).

22

Ср. о подобных степных караванах, в которых шли послы, а вместе с ними купцы с товарами и табунами лошадей, ниже у Контарини при описании его пути из Астрахани в Москву в августе 1476 г. (Contarini, p. 95 r). Ср. также летописное сообщение о приходе в Москву (7 июля 1474 г.) русского посла Микифора Басенкова «с послом царевым Ахмута Болшиа Орды с Кара Кучуком». В караване было много купцов, которые привели «коней продажных» (Моск. свод, стр. 302–303).

23

Gesdi – персидский город Иезд.

Deserti (иногда «campagne deserte») – степи.

25

О хвостах курдючных баранов писал Барбаро (Tana, § 34). Отметим ошибку в переводе Семенова (стр. 92): «…удалось мне достать баранью ногу» (!), хотя по-итальянски отчетливо сказано, что это была не нога, а засоленный бараний хвост, т. е. большое количество соленого сала.

26

Двумя реками или потоками (due fiumare) Волги Контарини называет главное русло и параллельную ему Ахтубу. Путь Контарини и русского посла Марка между этими двумя реками не удалось осуществить. Как видно по дальнейшему рассказу, весь караван пошел по левому берегу Ахтубы, а переход через Волгу на ее правый берег совершился выше отделения Ахтубы от главного русла.

27

Неясно, кто был отцом Касима. Шпулер (Spuler, p. 175) называет Касима внуком хана Кичик-Мухаммеда (отца Ахмеда), т. е. правильно, что Касим был племянником («братанич») хана Ахмеда.

28

Узкий проход, в данном случае узкий перешеек (passo stretto) между Доном и Волгой – известная узкая (около 70 км) полоса земли, где Волга и Дон приближаются друг к другу, в районах Волгограда и Калача-на-Дону.

29

Глагол «passammo» является стянутой формой из «passavano» – 3-е, а не 1-е лицо множ. числа. Ведь Контарини не пошел вместе с караваном, но присоединился к нему позднее.

30

По-видимому, татарский посол в Москву. Принадлежавшие ему стада паслись на том острове, куда попал Контарини.

31

Здесь «passo» значит переправа, переход через реку. Контарини должны были сопроводить к месту переправы (через Ахтубу?), так как в дальнейшем караван двигался по волжскому левобережью.

32

С Контарини поехал его переводчик Дмитрий, проделавший с ним весь предыдущий путь.

33

15 августа – день христианского праздника Успения Богородицы.

34

Имеются в виду русские и татарские купцы, шедшие по степи вместе с послами.

35

Сначала караван шел вдоль левого берега Волги, к северу. Это продолжалось, как сообщает Контарини, 15 дней. После переправы на правый берег караван двинулся по степи, направляясь к Оке.

gli – ему, т. е. послу Анхиоли, который был во главе идущего вдоль Волги каравана.

37

Контарини не назвал имени хана Ахмеда (1460–1481).

38

Более чем за двести лет до опубликования труда Контарини написал свой «Итинерарий» Вильгельм Рубрук; в этом сочинении на ясном латинском языке автор дал хорошее и весьма подробное описание татар, их жизни и обычаев (Rubruk, p. 220–238).

39

Словом «possanza» выражено понятие не о мощи вообще, а специально о военной мощи, в данном случае татар. Когда Контарини рассказывал о своем путешествии на приеме у Польского короля Казимира IV, то он говорил о «possanza» татар и Узун Хасана.

40

Spade у татар – сабли. Иоанн Плано Карпини (1246 г.) дал точное описание сабель татарских воинов, добавив, что ими обладают «богатые» (divites); итальянец употребил более ходкое на западе слово «меч» (gladius): «У богатых – мечи с острыми концами, с одним только режущим краем (лезвия) и слегка кривые» (loh. de Piano Carpini, p. 685).

41

Второго, оставшегося в живых, слугу Контарини звали Дзуанне Унгаретто; здесь к его фамилии приставлен артикль: L’Ungaretto, Longheretto.

42

Контарини употребил местное причерноморское определение холодного ураганного ветра – бора, от греч. – северный ветер. В Толковом словаре Даля показано ударение на последнем слоге – бора.

43

Непонятно в данном сочетании слово Soria, что значит Сирия. Предполагаем, что здесь первоначально было написано название Сарай (Sarai) и татары сравнивали свое местонахождение в степи по долготе со своей столицей Сараем: «… они говорили, что мы были в Сарае (eramo nella Soria), но на 15 дней к северу от него». Рамузио (Ramusio, II, p. 122 v), не разгадав слова Soria, заменил его Таной (noi eravamo per tramontane piu di quindici giorni sopra della Tana).

44

По-видимому, ошибка: едва ли в степи могло отстать (от какого-то из предшествовавших караванов) такое количество лошадей (400 голов), причем верблюдов оказалось только два. Может быть, правильнее было бы читать не «quatrocento» (400), а «quaranta» (40).

45

Контарини начинает рассказ о России (Rossia) с пограничных мест на правобережье Оки. К естественному южному рубежу московских земель – берегу Оки – в разных пунктах постоянно подходили татары. Жители деревень южнее Оки, конечно, всегда находились в страхе, как отмечает Контарини, опасаясь татарских набегов.

46

Марк был послом Ивана III к Узун Хасану. Слово «rosso» (Marco rosso) в применении к русскому послу и значит «русский», но не является фамилией. Контарини русских называет «rossi» («casaletti de rossi» – деревушки русских; «tartari et rossi» – татары и русские; есть и другие примеры). Контарини отметил появление Марка в Тебризе, определив его следующими словами: «uno Marco rosso, quale era venuto per ambasciatore del duca di Moscovia, signore della Rossia Bianca» (Contarini, p. 83 r – v). Покидая Тебриз 28 мая 1475 г., Контарини для удобства путешествия примкнул к группе трех послов; это были Марк, посол Московского великого князя, Людовик, посол герцога Бургундского, и посол Узун Хасана, отправлявшийся на Кавказ (ibid., p. 84 v). Первый этап их совместного пути закончился в городе Фассо, где они узнали, что Каффа взята турками и поэтому в Крым плыть невозможно. Послы разошлись: Контарини пошел на Тифлис и Шемаху, Марк двинулся на юг к Вати, во владения князя Горгоры, но затем пришел, как и Контарини, в Щирван. Оба они встретились в Шемахе и отсюда проделали вместе весь путь до Москвы. Ошибочно полагать, что русский посол Марк посетил (?) не только Узун Хасана (к которому он и был направлен как посол), но и ширваншаха («sivansa» у Контарини) Фаррух-Ясара (ср.: Афанасий Никитин, стр. 142). В Шемахе Марк оказался лишь в силу превратностей его пути из Персии на север, как и Контарини.

47

Рязань. – Resan. Контарини и его спутники еще находились на правом берегу Оки, которую перешли выше, около Коломны.

Анна, сестра Ивана III.

49

Коломна – Colona. Город находился, как известно, близ впадения Москвы-реки в Оку.

50

Контарини и его спутники на пути в Москву должны были пересечь Оку. Он специально не описывает и даже не упоминает о своей переправе, но пишет, что в Коломне есть большой мост (un gran ponte), где переходят через Оку (ove si passa la detta fiumara). Очевидно, Марк и Контарини со своими спутниками и сопровождавшие их русские и татарские купцы переехали Оку по мосту в Коломне, где вообще была главная переправа через эту реку, имевшая, по-видимому, важное военное значение. В августе 1472 г., когда хан Ахмед привел войска под Алексин, Иван III пришел прежде всего в Коломну, чтобы защитить мост. Из Коломны же великий князь по окончании войны ушел в Москву. В июне 1480 г., в начале последнего похода хана Ахмеда на Русь, Иван III отпустил «к Оце на берег своих воевод с силою», сам же двинулся к Коломне и стоял там «до покрова», т. е. до 1 октября (Моск. свод, стр. 297–298; 327–328).

51

Путь от Астрахани до Москвы (вверх по Волге, затем по степям и лесам к Рязани и Коломне) занял 47 дней.

О Тривизане см. § 29.

53

На службе у Ивана III были некоторые татарские царевичи. Много раз упомянут в летописи царевич Даньяр, сын Касыма, внук Улуг Мехмеда. Даньяр Касымович сопровождал Ивана III в походе на Новгород летом 1471 г. (Моск. свод, стр. 286–287, 290). Даньяр выступил со своими татарами против хана Ахмеда, пришедшего в августе 1472 г. к Алексину на Оке (Моск. свод, стр. 297). Наконец, Даньяр участвовал во втором походе Ивана III на Новгород осенью и зимой 1477–1478 гг. (Моск. свод, стр. 311 и 316). Быть может, царевич Даньяр и был тем начальником конного отряда из 500 человек, который охранял южные границы Московского государства от татар Большой Орды и которого ежегодно посещал Московский великий князь, как случилось и при Контарини в конце 1476 – начале 1477 г. Иногда Иван III сам призывал на свою сторону татарских царевичей, не примкнувших к хану Большой Орды. Например, в 1471 г. Никита Беклемишев был послан «в поле» с поручением «искати царевича Муртозы Мустофина сына, звати его к себе служити». Беклемишеву удалось «перезвать» Муртозу на московскую службу: через некоторое время «приехал служити великому князю царевич Муртоза, сын казанского царя Мустофы». В 1473 г. Иван III дал ему землю на границе своего государства, на Оке: «Городок новы на Оце со многими волостьми» (Моск. свод, стр. 291 и 301). Иногда сами татарские царевичи являлись на службу к Московскому великому князю. В 1479 г. пришли к Ивану III «ис поля два царя служити»; это были сыновья крымского хана Хаджи Гирея, т. е. братья Менгли Гирея – «Мердоулат царь с сыном Бердоулатом, да и брат его Айдар» (Моск. свод, стр. 326).

Контарини определил бояр Ивана III западноевропейским термином «бароны». В памяти «баронов» еще свежи были впечатления от событий, связанных с венецианцем Иваном Тривизаном, столь возмутившим и обеспокоившим великого князя.

55

Контарини занял еще в Астрахани значительную сумму денег у купцов, чтобы откупиться от татар, намеревавшихся продать его в рабство.

56

Когда Контариви выехал из Венеции 23 февраля 1474 г., его сопровождали священник Стефан в качестве капеллана и доверенного canceliere, переводчик Димитрий и двое слуг, Маффео из Бергамо и Дзуанне Унгаретто. Маффео умер от чумы в Тифлисе в октябре 1475 г. Остальные трое – священник, переводчик и второй слуга – уцелели и вернулись в Венецию.

57

Каттаро или Котор – крепость на далматинском побережье южнее Дубровника, захваченная венецианцами в начале XV в. Ювелир из Котора Трифон был, судя по имени, славянин или грек.

58

В Москве Контарини познакомился со знаменитым зодчим, итальянцем из Болоньи Аристотелем Фьераванти, который приехал в Москву с посольством Семена Толбузина 26 марта, в день Пасхи, в 1475 г.; Аристотель обосновался в Москве на полтора года раньше, чем туда приехал Контарини (Моск. свод, стр. 303; Воскр. лет., стр. 180; Никон. лет., стр. 157; Соф. Вторая лет., стр. 199; Львовская лет., стр. 300).

59

Контарини не только был знаком с Аристотелем Фьераванти, но и видел, как Аристотель строил Успенский собор в Московском Кремле – «церковь на площади» (una chiesa sulla piazza). Собор был окончен позднее, чем Контарини покинул Москву (в январе 1477 г.), и освящен 12 августа 1479 г.: «Бысть же та церковь чюдна вельми величеством и высотою, светлостью и звоностью и пространством, такова же преже того не бывала в Руси, опроче Владимерскыя церкви…» (Моск. свод, стр. 303, 323–324). В декабре 1477 г., во время второго похода на Новгород, Иван III вызвал «мастера Аристотеля Фрязина», чтобы он поставил мост на Волхове под Городищем; мост был «на судех» и оказался очень прочным (там же, стр. 317).

Возможно, что греки, прибывшие в 1472 г. в Москву вместе с Софьей Палеолог, и происходили из Константинополя, но сопровождать Софью в ее путешествии к Ивану III они могли не из Константинополя, а только из Рима. Софья родилась в Морее и никогда не бывала в Константинополе, который к тому же был взят турками, когда ей было лет пять от роду; перед выходом замуж за Московского великого князя она с братьями жила в Риме под попечительством папы и в Москву отправилась из Рима (через Любек, Колывань, Юрьев, Псков и Новгород). – Титул «деспина», женский род от слова «деспот») происходит от титула деспота, который носили все сыновья императора Мануила II, в том числе и отец Софьи, Фома Палеолог. По-видимому, от греков и итальянцев в Москве Контарини привык слышать название «деспина» в приложении к Московской великой княгине, чем подчеркивалось ее происхождение из семьи византийских императоров. В русских летописях это слово не встречается; там Софья названа «царевной» (Моск. свод, стр. 281, 292, 293, 296, 298, 299), а после венчания с Иваном III «великой княгиней» (там же, впервые на стр. 300). В те же примерно годы XV в. деспиной в Италии, в Морее и в Малой Азии называли дочь трапезундского императора Иоанна IV (1446–1458), которую его преемник на троне Давид в 1459 г. отдал в жены Узун Хасану, надеясь на его помощь Трапезунду в борьбе с турками. Мухаммед II овладел Трапезундом без особых усилий: Узун Хасан не вмешался, но трапезундскую царевну – жену мусульманского владыки – стали считать заступницей за дело христиан, способной повлиять на своего мужа. В инструкциях Иосафату Барбаро как венецианскому послу в Персию предписывалось представиться супруге Узун Хасана, названной в итальянском тексте посольской «комиссии» деспиной (la Despina) (Cornet. Le guerre, doc.55, a.1473, Ian. 28, p.74; doc.60, a.1473, Febr. II, p.81). На это византийское название воздействовало привычное тюркское определение ханских жен словом «ха-тун» (см., например: Тизенгаузен, I, стр. 292–295, Ибн-Батута), что значит госпожа, жена государя, хана. В записках анонимного итальянского купца, торговавшего в Персии в конце XV – начале XVI в., сообщается, что имя дочери трапезундского императора, жены Узун Хасана, «Деспинакатон», «Despinacaton» (Viaggio d'un mercatante, che fu nella Persia. Ramusio, II, p.94 v – 95 r). То же самое отмечено на первых страницах сочинения итальянца Джованмария Анджолелло, бывшего на службе у Мустаффы, сына Мухаммеда II, в конце XV в. (Breve narratione

della vita et fatti del signer Ussuncassano, fatta per Giovanmaria Angiolello. Rarausio, II, p. 66 r).

61

Контарини различает в Москве центр ее в виде замка (castello) или кремля, где он попытался поселиться в доме, отведенном для Аристотеля Фьераванти, занятого строительством в Кремле, и город вокруг замка, вне замка (fuori del castello), где ему пришлось жить. Слова «borgo» в отношении окружающего кремль города он не употребляет. Вся Москва (terra di Moscovia) состояла из Кремля (castello) и остального города (il resto della terra).

62

Staio или staia (здесь «stara») – мера сыпучих тел, главным образом зерна, но также изюма, орехов и т. п. (по-видимому, от «sextarius», «sestiere», фр. «setier»). Как все средневековые меры, не имела установленного веса – в разных местах вес был разный. Поэтому Пеголотти (Pegolotti, p. 151) пишет о «стайях» соответственно венецианскому измерению (lo staio del biado alia misura di Vinegia). 12 «стайев» составляли крупную меру – «moggio» (от лат. «modius»), равную примерно 20 кг и более (grano e orzo e tutti altri biadi… si vendono a staia di misure, e ogni 12 staia di misura in Vinegia sono I moggio in Vinegia) (Pegolotti, p. 139). Знакомясь с ценами на московском рынке, Контарини прикинул, что более 10 «стайев» пшеницы (т. е. около 1 moggio = 20 кг) по венецианской мере стоят в России 1 дукат.

63

Marchetto – мелкая монета в Венеции. Итальянцы, по-видимому, поражались дешевизне мяса в Москве: три фунта мяса стоили 1 маркет, а гусь стоил 3 маркета.

Вероятнее всего, что «cucumeri» на рынке в Москве были огурцы (лат. «cucumis, – eris» в значении огурца встречается у Вергилия; современное французское слово «concombre» значит огурец), однако по-итальянски «cocomero» – арбуз, а огурец – «cetriuolo».

Контарини назвал Московского митрополита западноевропейским термином «папа». В 1476–1477 гг., когда Контарини посетил Москву, митрополитом был Геронтий (с 29 июня 1473 г.).

То же самое Контарини написал о городском населении Киева, проводившего немало времени в тавернах.

67

Словом «Magna» (собственно «La Magna») в разговорном итальянском языке называли Германию (Allemagna, Alemagna). Например, итальянцы-гвельфы, недовольные приходом Генриха VII в Италию (в 1310 г.) и его притязаниями на их страну, говорили, что ему вполне хватило бы быть королем только Германии (che li bastava esser re della Magna) (Dino Coropagni, III, 24).

68

В самом раннем издании труда Контарини – в венецианском инкунабуле 1487 г. – после слова Polonia названа еще одна страна: Lamania. Вероятно, следует читать Polonia et.Lituania (или Littuania).

69

Во всех старых изданиях «Путешествия в Персию» Контарини стоит одинаковое имя собственное – Franza: «quasi con la Franza» (изд. 1487 г. – f. 1a; изд. 1543 г. – p. 100 r; изд. Рамузио, 1559 – p. 123 v). Может быть, правильнее видеть здесь не la Franza, но la Fiandra, ввиду того, что Новгород, сам будучи членом Ганзейского союза, имел торговые отношения с рядом ганзейских городов, с одним из важнейших – Любеком, а через него и с более западными, в том числе и с фландрскими городами (Брюгге и др.). Думается, что не зря вставлено здесь наречие «quasi»; автор, желая показать обширность новгородских торговых связей, говорит, что Новгород «чуть ли» не соприкасается с Фландрией.

Новгородские земли граничили с «Верхней Германией» на севере, около Финского залива. В 1471 г., после боя между войсками новгородцев и полками Ивана III, последние пошли «по посады Новгородскые и до Немецкого рубежа по реку Нерову» (Моск. свод, стр. 289). Позднее, когда Новгород был уже покорен, Иван III основал в 1492 г. на границе с землями Немецкого ордена крепость Иван-город: «…повелением великого князя Ивана Васильевича заложиша град на Немецком рубеже на реце на Нарове против Ругодева, Немецкого города, на Девичье горе, на слуде (= на скале) четвероуголено, и нарече ему имя Иванград во свое имя» (Моск. свод, стр. 333); почти теми же словами – Никанор. лет., стр. 159: Приложение II – текст, вписанный рукой магистра И. Пауса на вкладных листах в начале XVIII в. Таким образом, когда Контарини говорит о рубеже Новгорода с «Германией» (confina con La Magna), то этот рубеж проходит по реке Нарове, отделяющей земли Немецкого ордена от Новгородских земель.

71

Окончательное подчинение Новгорода Московскому государю произошло в 1478 г.

72

Владения Немецкого ордена поступили в ленную зависимость от Польского короля Казимира IV в 1466 г.

73

У великого князя Ивана III было всего четверо братьев: Юрий, Андрей Большой, Борис и Андрей Меньшой. Юрий Васильевич умер в сентябре 1472 г.; следовательно, когда Контарини жил в Москве (сентябрь 1476 – январь 1477 г.), у Ивана III было три брата, но двое из них носили одно и то же имя – Андрей; поэтому, вероятно, Контарини и полагал, что братьев у великого князя двое – Андрей и Борис (Моск. свод, стр. 260, 262, 267, 270, 273, 294).

74

Мать Ивана III – Мария Ярославна, дочь серпуховского князя Ярослава Владимировича, жена Московского великого князя Василия II Темного.

75

В первом браке Иван III был женат (в 1453 г.) на Марии Борисовне, дочери тверского князя Бориса Александровича. Она умерла 22 апреля 1465 г. Ее сын, Иван Иванович Молодой, родился 15 февраля 1458 г., умер 7 марта 1490 г. (Моск. свод, стр. 275; Сокращ. лет. свод 1493, стр. 289).

76

По сообщениям летописи, первыми детьми Софьи Палеолог были действительно две дочери, родившиеся в 1474 и 1476 гг., причем обе получили одно и то же имя – Елена. Третьим ее ребенком был сын Василий (род. 25 марта 1478 г.), будущий великий князь Василий III (Моск. свод, стр. 301, 308, 323).

77

Пребывание Контарини в Москве, точно им определенное, длилось около четырех месяцев (с 25 сентября 1476 г. по 21 января 1477 г.).

78

Брат Людовик (frate Ludovico) был францисканским монахом из города Болоньи, послом Карла Смелого, герцога Бургундского (1467–1477), к Узун Хасану. Людовик приехал в Москву позднее Контарини и не пожелал разделить с ним обратное путешествие в Западную Европу.

79

В обоих изданиях «Путешествия в Персию» Контарини – 1487 и 1543 гг. – напечатано 20 января (XX Zener, XX Genaro). Однако это неправильно; надо было поставить 22 января. Контарини неоднократно указывал, что он выехал из Москвы 21 января; первый привал в «ветхой деревеньке», куда приехали вечером того же дня, едва ли продолжался более одной ночи. Следовательно, из «деревеньки» тронулись на следующий день, т. е. 22 января (1477 г.).

80

Вязьма, Viesemo (в издании 1487 г. – такое же написание) определена как небольшой городок (terrazuola).

81

Смоленск, Smolenzecho (в издании 1487 г. такое же написание) определен как небольшой городок (terrazuola).

82

Конрад де Фитинхофф

83

Речь идет о Нейшлоссе, крепости, которая была заложена ливонскими немцами в 1349 г. при истоке р. Нарвы. В русских летописях имеет название Новый Городок, или Сыренск.

84

В другой рукописной версии в этом месте сказано: «И нет у них другого короля и господина, кроме короля Московского, государя Великой Руси, которого они, когда хотят, имеют [своим] господином, когда не хотят, не имеют».

Molde – так названа река Великая, в которую впадает Пскова.

86

Речь идет о князе Константине Дмитриевиче, сыне Дмитрия Донского. Во второй Псковской летописи под 1413 г. о нем сказано: «Того же лета князь Константин отъехал в Новгород».

87

Чудское озеро.

Карпаты.

89

Дон.

90

Побережье Азовского моря.

91

Крым.

«Трактат о двух Сарматиях» повлиял на составителей карт Восточной Европы. Один из сенаторов Гданьска Антоний Вид в пояснении к составленной им в 1537–1544 годах карте Московии написал, что родоначальником народа, населявшего Московию, был внук Ноя Моск. Его потомки, по утверждению Страбона, обитали сначала в Азии, затем некоторые из них переселились в Европу, остальные же так и остались на азиатском континенте.

Вот как описан его поход в 1395 году в летописях: «Тое же зимы на миру Витовт взя войною псковский город Лужу, а грамоту крестную Псковскую присла в Новгород; а под Вороничем стоял два дни и отиде, в волости попоевав, а люди посек и в полон поведе. Псковичи же с Новгородци ездиша на Москву к великому князю жаловатися; и посла им брата Петра на помочь. В лета 1396 князь велики Василей разверже мир с Витовтом за псковичи и посла воевати земли Литовские ко граду Вязьми и Сербску». Из летописного текста становится ясно, что псковичи были в вассальной зависимости от великого князя Василия I. Витовт же был для них врагом, разорявшим их земли.

Данные события подробно описаны в нескольких летописях, например, Львовской. «Того же лета (1395) князь велики Витофт, собрав воя многи, поиде, творяся на Темир Аксака. Прииде к Смоленску, ту выиде из града князь Глеб Святославич, он же его чтив, отпусти, рече ему: „Слышав в вас, братие, не одиначество; выдете ко мне, и аз вас рассмотрю в правду“. Они же мнящи вправду, выидоша вси к нему из града и з боляры своими; он же их поимав, посла в землю свою, а посад пожже, а люди поплени, а во граде посади наместники своя». Летописное повествование свидетельствует, что Витовт захватил Смоленск не в честном бою, а с помощью хитрости и коварства. Вряд ли современники считали, что этот город был его законным приобретением.

В Иоасафовской летописи это событие описано так: «Того же лета (1454) князь велики Василеи поиде к Можаиску на князя Ивана Андреевичя за его неисправление. Он же слышав то, выбрався с женою и з детми и со всеми своими, побеже к Литве. А князь велики пришед к Можаиску, взят его и умилосердився на вся сущаа в граде том, пожаловав их и наместники своа посадив, возвратися к Москве».

Например, в 1255 году «выведоша новгородцы ис Плескова Ярослава Ярославича и посадиша его на столе, а Василья (сына Алесандра Невского – В.М.) выгнаша вон». В 1281 году «заратися князь Дмитрии (великий князь Дмитрий Александрович – В.М.) с новгородцы… князь Дмитрии выступи с мужи своими и со двором своим, и поиха мимо Новегорода, хотя в Копорью. Новгородци же изыдоша вси полком противу, на озеро Ильмер; князь же Копорьи отступися, а новгородцы князю путь показаша».

Аналогичную цель имело и посольство 1518 года Франческо да Коло и Антонио да Конти. Но и оно оказалось безрезультатным. Антонио да Конти снова приехал в Россию в 1522 году, уже при Фердинанде, – и опять вернулся ни с чем.

98

Fabri – форма родительного падежа от Faber, что по-латыни означает «кузнец». По-русски он был бы Кузнецов.

Вполне вероятно, что данные изменения были сделаны под влиянием изменившейся ситуации в Русском государстве. После смерти в 1533 году Василия III, с которым многие европейские монархи стремились установить дружеские отношения, на московском престоле оказался совсем еще юный его сын Иван IV (в 1541 году ему было только 11 лет). Этот подросток ни для кого на международной арене интереса не представлял, и возвеличивать его отца издатели не стали. В данном случае они, вероятно, действовали в интересах Сигизмунда I (умер в 1548 году).

100

В Воскресенской летописи данное событие описано так: «О приходе крымского царя Магмед Кирея. Того же лета (1521) иулиа, безбожный гордый крымский царь Магмед Кирей, забыв своа клятвы правду, на ны воинствует, ни дружбы первые, ниже клятвы вспомянул; собрався з братьею своею, и с своими детми, и с крымскими людми. И Большиа орды Заволжскиа и с Ногаи, вскоре прииде безвестно на великого князя отчину, иже при березе Оки реки, с воинством пришед удобь преиде сию, и Коломннскаа места повоевал, и плен не мал собрал и святыа церкви осквернил. Князь же великий выиде из Москвы на Волок и нача збиратися с воеводами своими и людми; и послышав то акааный царь Магмед Кирей и возвратися вскоре в своа места, не дожидаася великого князя собрания». Аналогично это событие описано и в Львовской летописи.

101

В Львовской летописи о событиях в великокняжеской семье писалось следующее: «В лето 1525, ноября, князь великий Василий Иванович постриже великую княгиню Соломонию, по совету еа, тягости ради и болезни бездетства; а жил с нею 20 лет, а дети не бывали. Тое же зимы, января в 21 день, князь великий Василей Иванович женился второе, понял княжну Елену княж Васильеву дщерь Львовича Глинского, венчал их Данил митрополит… Того же лета, августа в 25 день, на память святых апостолов Варфоломея и Тита, в 7 час нощи, родися великому князю Василию Ивановичю сын от великые княгини Елены, и наречен бысть Иван».

102

Трудно точно определить эту меру длины, поскольку протяженность мили заметно разнилась в зависимости от конкретной страны, области или даже города, где эта единица пространственного измерения применялась. Далее в тексте выясняется, что «лига» соответствует 2,5 итальянских миль.

103

У Ключевского (Ключевский В. О… Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1916, с. 195–196) читаем: «В дождливое время город был очень грязен, поэтому на площадях и улицах строились кое-где мосты». Если к свидетельству Ключевского добавить сведения Татищева (История российская в семи томах. М-Л., 1962–1968, т. VI, с. 118) и учесть, что в Москве существовали многочисленные «пруды, образованные запруженной Неглиной, которые отделяли каменный Кремль от остального города» (Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962, с. 73), то вполне объяснимо впечатление да Колло, что город построен на болотах. Кроме того, не исключено, что под словом «palude» (болото) венецианец подразумевал просто «грязь». Ср. у Тихомирова: «Непролазная грязь отделяла Замоскворечье от города и в других местах, оставив о себе воспоминание в названиях „болото“, „за болотом“» (ук. соч., с. 82).

104

Ключевский называет Московский Кремль «крепостью» (ук. соч., с. 196), Аннинский переводит как «замок» (см.: Трактат, с. 114). Мы предпочли перевести словом «кремль», поскольку нам кажется, что это лучше соответствует определению миланского «Кастелло Сфорцеско», послужившего в данном случае, хотя бы частично, образцом. Да Колло применяет титул «дука» и к Людовику Сфорца, и к русским князьям, поэтому «дукати» названы их владения. Мы перевели этот титул по-русски как «герцог», когда идет речь о Людовике, и «князь», когда идет речь о русских князьях.

105

Церковь, о которой говорится, – Успенский Собор, построенный Аристотелем Фиораванти; однако же Карамзин не допускает, что это была единственная каменная церковь в Москве в 1518 г. (ук. соч., т. VII, прим. 392). И Меховский говорит о 3 каменных церквях и о 3 каменных домах (палатах) (см.: Трактат о двух Сарматиях. Введение, перевод и комментарий С. А. Аннинского, Л. 1936. с. 114).

106

Переводим словом «укрепление» итальянское «forte», т. е. fortezza, что значит «крепость», поскольку да Колло говорит о «стенах». Вероятно, венецианец имеет в виду Китай-Город, где после 1535 г. деревянные его стены были заменены каменными (см. Тихомиров М.Н., ук. соч., с. 74–76).

107

Предпочитаем использовать для «contrade» слово «район», поскольку им пользуется и Тихомиров, говоря о Москве конца XVI в. (ук. соч., с. 68–69). Что касается распоряжения о закрытии ворот и о запрете свободного движения, оно касается лишь ночных часов, даже если да Колло этого не объясняет. То же сведение, с нужным уточнением, находим и у П. Иовия (ук. соч., с. 187 г). См. также подробные сведения, данные Ключевским, (ук. соч., с. 195 и 218) и Карамзиным (ук. соч., т. VII, столб. 127).

108

«Иноземцам с умом и дарованьем легче было въехать в Россию, нежели выехать из нее». (Там же, столб. 112). Меховский сообщает, что не только холопы и пленные, но и свободные люди и иностранцы не могли покинуть страну без разрешения князя (см. Трактат, с. 115).

109

На эту подробность указывает Ключевский: «При поступлении на службу иностранец получал от царя в подарок платье, лошадь и прочее…» (ук. соч., с. 111).

110

Этот отрывок об отсутствии написанных законов и о воле великого князя, действующей как закон, а также два примера поведения подданных по отношению к княжеским приказаниям были приведены Карамзиным. (ук. соч., прим. 384 к VII тому). В подтверждение рассказанного да Колло описывает эпизод, имевший место во время путешествия, на который указывается и в ТМ. От Смоленска до Драгобужи польский конвой плыл на лодке, а лошади велись по земле. В какой-то деревне двое из русских, ведших лошадей, поспорили с местными жителями, но, как утверждает да Колло, без каких-либо последствий. Об этом стало известно великому князю позже, после их прибытия в Москву. Князь послал всех этих слуг (60 человек), связанных и под конвоем, к итальянским дипломатам, чтобы в их присутствии они покончили с собой. Итальянцы не могли допустить такое, пишет да Колло, и с большим трудом сумели добиться помилования несчастных. В тождественных Карамзину и да Колло словах описывает и Ключевский власть князя над своими подданными, даже если он говорит о вельможах. «Государь может каждого из них, когда захочет, лишить сана и имущества, которые он же дал ему, и низвести в положение последнего простолюдина. Все вельможи, советники и другие люди высшего класса называли себя холопами государя и не считали бесчестием для себя, когда государь приказывал кого-нибудь из них побить за какой-нибудь проступок; побитый, напротив, оставался очень доволен, видя в этом знак благосклонности государя, и благодарил его за то, что пожаловал, удостоил исправить и наказать его, своего слугу и холопа» (ук. соч., с. 69). В свою очередь, да Колло (также и в ТМ) рассказывает, что на важные собрания советники приходят, постившись, чтобы лучше давать князю советы; если же кто-нибудь из них молчит, то князь ударяет его палкой, «как животное»; ударяемый же простирается перед ним ниц, бьет челом, благодарит за наказание и просит прощения.

111

Об этом же см.: Меховский. Трактат, с. 114.

112

Это же сведение о плате дани в мехах встречаем у Меховского (Трактат, стр. 1). Из перечисленных зверей и животных да Колло возбуждает некоторое недоумение лишь «пардо» т. е. леопард. Думается, что да Колло имел в виду снежного барса, (irbis), в то время распространенного в районе Южного Урала. «Доссо» в итальянском тексте, вероятнее всего, ошибочно переписано «тассо» – барсук. Для «lupo cerviero»– рысь, см. ниже примечание 14.

113

И это сведение да Колло воспроизводится Карамзиным (ук. соч., т. VII, столб 123).

Более подробное описание этой ярмарки на берегу Двины находим в ТМ: москвичи стояли на берегу, иностранные купцы были в лодках, а когда река замерзала, стояли на льду. Каждая сторона выставляла свои товары, переговоры велись знаками, кивком головы – да или нет. Купля-продажа производилась иногда наличными деньгами, иногда обменом товарами.

115

Из описания шерсти этих собак, «блестящей, длинной и очень белой», можно предполагать, что идет речь о песцах (по-латыни «canis logopus»). Пользуясь переводчиком, да Колло, вероятно, понял «собака», исходя из слова «песец», понимаемого как «пёс». Карамзин, наоборот, говорит, что речь идет о волках, хотя правильно отождествляет «lupo cerviero» с рысью (ук. соч., прил. 387 к VII тому). При всем том, что сибирский волк может иметь шерсть белую и красивую, она, однако же, не бывает такой белой и блестящей, как описывает да Колло шерсть этих «собак», т. е. песцов.

116

Далее в тексте мы узнаем, что этот рассказ о ловкости охотников касается жителей Урала и вообще Югры. Ключевский ссылается на свидетельство Самуэля Коллинса (сто лет спустя), который рассказывает об охоте с собаками, запряженными в сани (ук. соч., с. 167–168). Герберштейн также говорит о ловкости местных охотников, умеющих простреливать зверям ноздри, чтобы не портить мех, но он имеет в виду лапландцев (см.: Comentari della Moscovia, с. 72)

117

О богатстве русских лесов, в которых жили дикие пчелы, дающие мед, сообщает и М.Н.Тихомиров (см.: М.Н.Тихомиров. Средневековая Россия на международных путях. М., 1966, с. 59).

118

Внимательно наблюдающий за всем да Колло уже отметил присутствие медовухи во время путешествия к Москве. Сведения о запрете, наложенном на свободную продажу медовухи и других алкогольных напитков, находим и у Меховского (Трактат, с. 114). Под разрешением торговать подразумевается, вероятно, казенная монополия. Ключевский пишет, что в XVII веке «питейная продажа была едва ли не самою выгодною монополию казны» (ук. соч., с. 151). Судя по сведениям да Колло, такое положение характерно уже для начала XVI века.

119

Трудно что-либо сказать об этой цифре. У Меховского указано намного меньше – около 200000 (см.: Трактат, с. 112–113). Иовий (ук. соч., с. 137) дает цифру 150000, т. е. ближе к Меховскому, информаторами которого были военнопленные. Возможно, преувеличение да Колло основано на ложных сведениях, данных ему его русскими собеседниками, которые хотели представить свое государство более мощным, чем оно было на самом деле (см.: Ключевский, ук. соч., с. 81–82).

120

Сольдо был самой мелкой монетой в Венеции, один же золотой дукат равнялся 125 сольдо.

121

«Золотой монеты в Московском государстве не чеканили, но в обращении было много иностранных золотых монет, и их цена колебалась» (см.: Ключевский, ук. соч., с. 274, 277). Приблизительная цена, установленная да Колло, который сравнивает стоимость мешка зерна и вола, кажется убедительной.

122

После да Колло несколько путешественников отмечают роскошную одежду, принадлежащую казне, и говорят об обычае одалживать ее дворянам и их свите по большим праздникам (см. Ключевский, ук. соч., с. 45, 54, 149–150). Возможно, да Колло преувеличивает цифру в 200000, но, так или иначе, интересно его замечание о многочисленности государственных кладовых на значительном расстоянии, как от моста Риальто до площади Сан-Марко в Венеции.

123

Этот отрывок об иллюминации был переведен и объяснен Карамзиным (ук. соч., прим. 356, т. VII).

124

Ключевский тоже рассказывает, что «по обычаям московского двора, иноземные посольства освобождались от всяких путевых издержек с самого вступления на почву Московского государства», и уточняет, в чем состоят эти «провизии» (ук. соч., с. 42, 51–52). Рассказ да Колло показывает обилие провизии и подтверждает обычай посылать иностранным делегациям уже готовую еду с княжеской кухни, о чем пишет, между прочим, и Ключевский (там же).

Как видно из картины, описанной да Колло, Московское княжество отделено от Белой и Черной Руси. Но у него границы указаны довольно неясно. Кроме того, да Колло еще путает и дает неточно некоторые термины. Белую Русь он называет также Великой (в ней истоки Днепра – ТДП, с. 42). И в ТМ читаем, что княжеский престол – в Великой Руси. Иными словами, да Колло отождествляет Московию с Белой и Великой Русью. Но ведь так же считали и П. Иовий (ук. соч., с. 188), и А. Кампензе (ук. соч., с. 127). В дальнейшем в европейской историографии все чаще использовался лишь термин Московия.

126

В тексте название «Plescovia» одинаково для города и для области. Здесь явная ошибка, вызванная тем фактом, что так же, как около Нижнего Новгорода происходит слияние Волги с Окой, так и у Пскова соединяются тоже две реки – Пскова и Великая.

127

В итальянском тексте «ottiseris» для Твери; у П. Иовия встречаем в форме «Ottisserie» (ук. соч., с. 134v).

128

Поскольку несколько ниже да Колло говорит о «царстве Нижегородском», несомненно, здесь речь идет о Новгороде Великом, и в таком случае очевидна ошибка, касающаяся Волги и Оки. Но это не должно нас удивлять, потому что путаница «Волхов-Волга», а также «Волга-Волок» была более чем оправдана для западного уха. В случае с Новгородом такая путаница усугублялась фактом существования одного и того же наименования для двух разных городов. В ТМ читаем, что Новгород – огромное царство и город, который омывает река Волга; видимо, это относится к Волхову. Нет никаких намеков на Оку, которая упоминается и в ТМ в заметке о Нижнем Новгороде.

129

«Vatia», затем «Vitka» и «Viatha» – речь идет все время о Вятке; вариации зависят от того, как да Колло слышит название. Ниже да Колло еще раз повторяет название княжества – Вятское (на этот раз правильно).

130

По итальянскому оригиналу трудно определить эти три княжества – Волоцкое, Ржевское и Бельское. Наш перевод обусловлен тем, что они следуют в том же порядке в списке великокняжеских титулов у Карамзина и у П. Иовия.

131

Трудно идентифицировать и княжество «Ростовское» (по-итальянски «Rusonese», а в ТМ «Rusomense»). Но у Карамзина после «Бельский» и перед «Ярославский» встречаем «Ростовский». Устюг не числится между титулами великого князя, и поэтому его нет у Карамзина.

132

«Belosonia» – в итальянском тексте ошибочное написание (n вместо r). Подтверждением, что речь, несомненно, идет о Белоозере, является то, что у Карамзина после «Ярославский» идет «Белозерский».

133

У Карамзина после «Белозерский» идет «Идорский» и потом – «Обдорский». В ТДП отсутствует «Идорский», который, напротив, встречается в ТМ. Таким образом, исчезает последнее недоумение в значении «Oldgriense». Видимо, буква «б» (b) прочитана Латино или даже записана самим Франческо как «л» (l).

134

Под вопросом остается «Comalense». Тут ни Карамзин, ни Иовий не могут нам помочь, и следует обратиться к Меховскому. Он говорит именно о княжествах Холмском, Зубцовском и Клинском (Трактат, с. 122–123). Мы предполагаем, что «Comalense» соответствует Хмельскому. Аннинский тоже поясняет, что Холмский – это Хмельский.

135

«Тверь» уже появлялась как «Othseria», теперь мы встречаем наименование «Туворда». У Кампензе находим «Тиверда» (ук. соч., с. 127).

136

«Sripsinia» (правильно: Скрисиния) – древнее наименование северо-восточной Швеции, которая граничила с государством великого князя, как несколько раз подчёркивает да Колло.

137

Итальянский термин «castricampi» (прилагательное от «castrum campi», т. е. «полевые палатки») соответствует полностью русскому термину «полевые», «кочевые» или «степные» (татары). На уже упомянутой карте Вальдзеемюллера (см. с. 17 Введения) в степи между Доном и Днепром указано «Campestria Tartar» (т. е. татары степные). Иовий, который основывается на сведениях, сообщенных Д.Герасимовым, объясняет, что татары пользуются в качестве домов телегами, покрытыми кожей (ук. соч., с. 188). То же указание находим на карте Московии Г. В. Аньезе (1550), которая срисована с другой, приписываемой Д. Герасимову (1525), или, во всяком случае, сделанной по его наставлениям (см.: Л. Багров, ук. соч., с. 40). На уровне средней Волги там можно прочесть «Tartan castricampi», со следующим кратким пояснением: «Все эти северные татары не располагают постоянными жилищами, кроме тех, что они возят с собой, – телеги, покрытые кожей, вместо домов». Поскольку у Меховского не встречается прилагательное «castri campi», можно предположить, что да Колло перенял его у Вальдзеемюллера или читал Иовия, а возможно, и имел доступ к карте Г. В. Аньезе. В этом случае отсутствие автографа не дает возможности установить, существует ли соответственное слово уже в заметках или оно появилось позже.

138

В итальянском переводе трактата Меховского Historia delle due Sarmatie (с. 121–122) встречаем «Usczuga» рядом с «Usczuch» (вероятно, так было и в латинском оригинале). Оба названия встречаются и у да Колло, кроме разницы в буквах («d» вместо «g» – как читается в итальянском тексте). Более чем естественно предположить, что эти два названия казались ему двумя разными городами.

139

Вятка вошла довольно поздно, в конце XV в., в состав Московского княжества. До тех пор она сохраняла свою независимость. Вероятно, да Колло имеет в виду именно эту долгую независимость, когда называет эту «область» царством.

140

«Valudchzta» у да Колло очень напоминает «Vauldizka» у Меховского (ук. соч., с. 121). Кроме того, порядок перечисления у да Колло тот же, что и у Меховского: Устюг, Вятка, Вогульская земля (у да Колло отсутствует здесь Пермь, которую встречаем у Меховского). Любопытно также указание, что эта область находится в Татарии (другое наименование Азиатской Скифии) – области, простирающейся за Танаем. Сведение довольно точное.

141

Да Колло в третий раз называет Тверь, но каждый раз называет по-новому: Atheseria, Tuvarda (см. прим. 26 и 34), а теперь – область «Таурска». У Меховского (ук. соч., с. 122) находим «Тдоверчска» и «Таверд». Поэтому можно предположить, что да Колло списал у него, не отдавая себе отчета, что речь идет о том же самом городе, уже названном им.

142

Сведение, что казанская земля дает 30 000 воинов, что ее жители татары – магометане, имеется у Меховского (ук. соч., с. 113, 116).

143

Данные, касающиеся Югры и Карелии, ее гор, лесов и долин, которые простираются до Ледяного моря, а также сообщения о жителях, об их языческих обычаях и примитивных нравах встречаются и у Меховского (ук. соч., 129–130). В противовес Меховскому, который полемизирует с теми, кто утверждает, будто это высокие горы, да Колло рассказывает о высочайших горах, думая, наверное, о Рифее.

144

Сообщение о первобытных нравах жителей касается, по всей вероятности, лапландцев, об отсталости которых пишет и Иовий (ук. соч., с. 133).

145

Да Колло неоднократно называет самую высокую гору на Рифее «Югориска» (Iugoriska), что, несомненно, представляет собой искаженное написание или понимание прилагательного «югорская», «югорские», относящегося к таким словам, как «гора», «камни», «горы», как привычно называли Урал вплоть до XVI в.

146

Да Колло называет Nicola Lubacense, т. е. Николая Любчанина. Это врач, который присутствовал при кончине Василия III в 1533 г., а до того вел полемику с Максимом Греком по богословским и другим вопросам. См.: Л.Н.Майков, Летопись, с. 134. Личности Булева и его полемике с Максимом Греком уделяет значительное место Н.В.Синицына в уже цитированной книге «Максим Грек в России». См. также: Д. М. Буланин. Переводы и послания Максима Грека, Л. 1984; Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI в., М. – Л., I960;. А.А.Зимин. Доктор Николай Булев – публицист и ученый-медик. – В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. Очень странно, что беседовать с венецианским послом и сообщать ему нужные сведения Василий III назначил иностранца – т. е. Николая Булева, даже если не только он выступал в этой роли. Следует предположить, что Василий III считал его достойным представлять культуру и науку Московии и также доверял ему. Можем только сожалеть, что да Колло не оставил нам более подробные заметки об этих беседах, которые, следует думать, не касались лишь вопросов географии. «Ugrino Bazerovic» должен быть Угрим Баграков, человек великого князя, попавший в опалу (см. Л.Н.Майков, там же). Отождествление Угрино Базеровича с Угримом Баграковым проводит также и Л.С.Берг: Древнейшие сведения о крайнем Севере и Сибири до XVIII в. в книге: Очерки по истории русских и географических открытий, М. – Л., 1949.

147

Верное указание о расположении Уральских гор рядом с областью Югра. Название Югра для восточного Урала, где проживали вогулы и остяки, вначале находившиеся по ею сторону гор, появляется в XIV–XV веках (см.: Кизилов Ю.А., ук. соч., с. 62 и след.). Вогулы был полуоседлыми охотниками горнотаежного Зауралья, и, быть может, собеседники да Колло имели в виду эту характерную для них черту, когда описывали их менее дикими, более человечными (по сравнению с вышеназванными лапландцами). Что же касается описания горы «Югориски», то единственное недоумение вызывает сведение, что от подножья до середины там вечные снега, а от середины до вершины – «пепельная» почва. Что это может означать? Что наверху, выше облаков нет даже снега? Возможно, тучи, окутывавшие пики, производили впечатление, что снег доходит лишь до середины горы. Герберштейн, который, как и да Колло, не видел Урала, описал его горы по рассказу очевидцев: «…они совершенно лишены леса и почти даже травы…» (Трактат, с. 205). Скалистый, строгий вид этих гор, по описаниям русских, мог привести да Колло к заключению, что с середины до самого верха они «пепельные». Один из русских летописцев описывает эти горы очень живо: «…суть горы заидуче луку моря, им же высота аки до небес… Есть же путь до гор тех непроходим пропастьми, снегом и лесом; тем же не доходим их всегда…» (цит. по: Н. П. Барсов. География начальной летописи. – Очерки русской исторической географии. Варшава, 1865, с. 61).

148

Следуя космографии своей эпохи, да Колло говорит о двух Скифиях, указывая, что Рифейские горы возвышаются и в той, и в другой, и соединяются с Гиперборейскими, которые идут с запада на восток вдоль Арктического океана (что можно видеть и на карте Вальдзеемюллера).

149

«Exobigitana» – по Птолемею, это область, простирающаяся между Борисфеном и Танаем, где проживали «Exobigiti». Их соседями на западе были роксоланы, на востоке – хамаксобы.

150

Сведение, что Борисфен-Днепр протекает около Львова, находим также в отчете о ходе переговоров (см. прим. 61 Введения). Но в ТМ рассказ подробнее: Борисфен «протекает по трем русским землям – т. е. Черная Русь королевская. Белая Русь Московского князя и Красная (Червонная) Русь Польского короля, вблизи ее столицы Леополис, а затем впадает в то же море Еуксинус…»

151

Древние думали, что в мифических горах Северной Европы, – Гипербореях, находится место пребывания божества Борея, давшего наименование и северному ветру.

Это описание Гипербореев соответствует полностью представлениям той эпохи, как следует из карты Вальдзеемюллера. Северно-Европейский горный хребет брал свое начало в Норвегии, проходил вдоль Шведского побережья, направляясь к востоку, и там исчезал во тьме неизвестности. Да Колло считает, что Югра начинается до и простирается за Рифеем (Уралом), хотя в XVI веке уже было установлено, что под этим названием (Югра) имеется в виду лишь Зауралье.

153

Нет никаких сомнений о месте расположения рек Молога и Шексна; что же касается «Седугас», возможны лишь гипотезы (Сухонь или Ладога?). Выходит, что кроме Рифея – Урала, по его мнению, на русской земле существуют и другие Рифеи. В действительности это мнение основывается на карте Вальдзеемюллера 1516 г., на которой горный хребет пересекает весь центр России.

Ясно, что указанное выражение следует понимать как место соединения двух рек.

155

Указание «Биармия» заставляет подумать, что да Колло имеет в виду город Устюг, находящийся у соединения рек, хотя и не называет его.

156

Трудно установить, о каких именно островах идет речь. М. П. Алексеев думает, что речь идет о Новой Земле, упомянутой уже П. Лэтом (см.: М. П. Алексеев, ук. соч., с. 67). Мнение, что купцы «не заботятся о тонкостях дела», касается, очевидно, условий торговли в Устюге, как это подтверждает ТМ (см. предыдущее прим.), поскольку здесь не ведутся предварительные переговоры о цене, а стоимость товара устанавливается приблизительно.

157

Здесь, скорее всего, имеется в виду продажа крепостных. Во время своего пребывания в Москве да Колло имел возможность лично познакомиться с этой стороной русской жизни, хотя его описание во многом близко к Меховскому (ук. соч., с. 112). Некоторые люди из его свиты купили себе девушек для собственного развлечения, и да Колло, как он сам признается в ТМ, тоже сделал это. Да Колло утверждает, что единственной целью и условием такой торговли были половые сношения с купленной.

158

Запрет, наложенный божествами и человеческими законами, о котором говорит да Колло, вероятно, касается купли-продажи крепостных крестьянок с целью половых сношений.

159

Почти тождественно описание выбора у Паоло Иовия. Поэтому возникает вопрос: был ли самостоятельным рассказ да Колло, т. е. действительно был ли он услышан им в Москве, или да Колло прочитал труд Иовия, вышедший в Венеции, и ввел этот эпизод в свое «Доношение» позже?

Остается неизвестным, как, исходя из каких расчетов и предположений, да Колло сумел установить размеры. Думается, не стоит вдаваться в объяснения, поскольку все очень зыбко здесь и приблизительно.

161

Уже было замечено, что нам не удалось установить личности этих людей.

162

Непонятна эта ссылка на Европу. Скандия – название южной провинции Швеции, принадлежавшей частично Швеции, частично Дании.

163

«Внешний океан» – это Атлантический океан. Он «внешний» в отличие от внутренних морей Средиземного моря.

164

Во время пребывания да Колло в Москве граница со Скрисинией, т. е. Швецией, была перенесена несколько на запад, и Белоозеро находилось внутри Московского княжества. Возможно, да Колло имеет в виду более ранний период войн между Новгородом и Швецией.

165

«Elsingia» должно происходить от «Aeningia», название, под которым Плиний имел в виду восточную Финляндию.

166

«Tavastia» от древних тавастов. Война, о которой пишет да Колло, – это, как всегда, война со Швецией, когда эта часть современной Финляндии находилась под шведским владычеством. Озеро, о котором говорится, возможно, Белоозеро или Ладога, место военных действий между Новгородом и Швецией.

167

В итальянском тексте – «sino Venedego»; по-латыни sinus значит «залив», а «Venedae», т. е. Venedi, немецкое наименование для лужицких сербов (полабских славян) и шире – для всех славян.

168

Этот обширный рассказ о политической ситуации и отношениях между Ливонией, Московией и Польшей основан, по всей вероятности, на сведениях, полученных в Москве, возможно, от того же Николая Любчанина.

169

Об истории готов, выходцев с острова Готланд, много пишет Меховский в Трактате.

170

Климент VII, из знаменитого рода Медичи, был возведен на папский престол в 1525 году. Почти все одиннадцатилетнее управление его протекло в борьбе с лютеранами и войнах с могущественным Карлом V, ненавидевшим Климента за дружбу его к Франциску I. В 1527 году император завладел Римом, пленил Климента, заточил его в замок Св. Ангела и принудил уступить империи все крепости, в папских владениях находившиеся, и сверх того заплатить 40,000 дукатов выкупа. Хотя впоследствии папа и примирился с врагом своим, но до конца жизни питал к нему тайную злобу и умер 25 сентября 1554 года, замышляя противу него новые планы. История сохранила нам не слишком выгодные понятия о характере Климента. Он был робок, нерешителен, неблагоразумен, коварен, несчастлив в своих предприятиях и вообще более заботился о возвышении своего рода, нежели о пользе церкви. Не надобно смешивать сего первосвященника с антипапою Климентом VII (из рода графов Женевских), избранным французскими кардиналами в 1378 году и умершим в Авиньоне в 1394 году.

171

Под *землею руссов* автор разумеет Украину, находившуюся тогда во власти поляков.

172

Скифским океаном называлось в древности Ледовитое море.

173

В древности *границею Европы* на востоке полагали линию, проходящую от Эгейского моря чрез три пограничные с Азией моря, до устья реки Танаиса или Дона, а потом, по течению сей реки, до 48 сев. широты. Далее же не находится никаких верных сведений о пределах Европы с Азией (см. Брут. Землеоп. Древн. Света Т. II. стр. 2).

174

Под именем *азиатской Сарматии* древние разумели всю северо-западную часть Великой Азии, лежащую по ту сторону Дона и Азовского моря. Южную границу азиатской Сарматии составлял хребет Кавказский (см. Бр. Земл. Древ. Света Т. I. стр. 143).

175

Гиперборейскою Скифиею назывались нынешние области России, прилежащие к Ледовитому морю.

176

В ту эпоху, которую описывает Кампензе, *ногайские татары* разделены уже были на Малую и Большую Орды. Первая кочевала в нынешней Кавказской области, к северу от Кубани и Кумы, а последняя, по свидетельству Гваньино, тянулась на восток от Казанского царства, по берегам Каспийского моря и реки Яика и Урала. (См. Ramusio delle Navig. et Viag. T. II. p. 70). Она известна также под именем Синей Орды. Ближе к Суздалю находились не ногайские, а казанские татары.

177

Автор ошибочно смешивает здесь татар *джагатайских* с татарами Золотой или Заволжской Орды, разрушенной Менгли-Гиреем в 1502 году. О джагатаях.

178

Тамерлан известен в русских летописях под именем Темир-Аксака, у Абулгазия под именем Амир-Тимура, а у восточных писателей под именем Сахиб-Карана, т. е. обладателя великого соединения планет. Настоящее же название его есть Тимур-Ленг (от слов: Тимур – железо и ленг – хромой), из которого европейцы сделали: Тамерлан. А. Кампензе, П. Иовий, Бержерон и многие другие, а у нас Лызлов и Рычков ошибочно смешивают сего знаменитого завоевателя с внуком его Темир-Кутлуем или Кутлуком, царствовавшим в Золотой Орде в 1399 году (см. соч. И. Барбаро). Тамерлан родился в 1336 году. Сам он называл себя потомком Чингис-хана: по свидетельству же Абулгазия, был сын незначительного князька от поколения бурлассов. По падении династии ханов джагатайских, Тамерлан овладел столицею их Самаркандом, объявил себя ханом и вскоре блестящими победами оправдал хищение свое. Покорив Персию и почти всю Среднюю Азию, он в 1395 году устремился на неблагодарного ему хана Золотой Орды Токтамыша, принудил сего последнего искать спасения в бегстве и, опустошив потом Россию вплоть до самой Москвы, возвратился с богатой добычей в свои владения, разорив на пути Азов и Астрахань. В 1398 году завоевал он Индию до самого устья Ганга, а в 1402 году вторгнулся в пределы оттоманские и, разбив на голову султана Баязета, захватил самого его в плен. В 1405 году замыслил он поход противу Китая; но умер на пути, в городе Отраре, после 36-летнего царствования. Тамерлан есть без сомнения один из замечательнейших нравственных феноменов в истории человечества. С необыкновенным мужеством и кровожадностью соединял он любовь к наукам, что весьма остроумно доказал Лангле из самых постановлений сего завоевателя, (см. Абулг. Ист. Род. о Тат. Ч.V. Г.3 и 4. Ист. Монг. пер. с Перс. стр. 38 и прим. 65; П. Иовий стр. 26. Berger. Traite des Tart. Ch. XIV. Лызл. Скиф. Ист. стр. 46 и Рыч. Оп. Каз. Истор. стр. 46).

179

Сражение между Тамерланом и *Баязетом*, решившее судьбу сего последнего, происходило 20 июля 1402 года на полях Анцирских, в нынешней Натолии.

180

Сказка о том, что Баязет был посажен Тамерланом в *золотую клетку*, не имеет исторического основания, хотя и повторяется всеми западными современными писателями. Абулгазий упоминает только о пленении Баязета и умерщвлении его. Другие писатели утверждают, что несчастный пленник сам разбил себе голову; наконец, есть и такие, по свидетельству коих он весьма великодушно содержан победителем своим и умер в стане его, в Карамации, в 1403 году.

181

Батый (у Абулгази Бату-Сагин-хан), известный в летописях наших гибельным опустошением своим, повергшим Россию в трехвековое рабство, отнюдь не был отцом Тамерлана, ибо жил ровно за сто лет прежде его. Он был сын Чучи или Джуджи-хана, сына Чингис-ханова. В 1326 году, выступив из пределов Монголии, Батый в два похода завоевал Волжскую Булгарию, Россию, часть Польши, Венгрию, Кроацию, Сербию, Дунайскую Булгарию, Молдавию и Валахию, навел ужас на всю Европу и положил основание Золотой, или Кипчацкой Орде. По свидетельству персидского автора Истории Монголов, переведенной Г. Григорьевым, Батый отличался чрезвычайной щедростью, не исповедовал никакой религии, не принадлежал ни к какой секте и поклонялся только Единому Богу. Вероятно, название *Занка*, которое Кампензе придает ему, есть не что иное, как испорченное слово Сагин, составлявшее, по свидетельству Татищева, род титула у знатных татар. Память об ужасном опустошении Батыевом и доселе еще сохранилась в России. В Тамбовской, Тульской и других губерниях простой народ называет Батыевой дорогой Млечный путь, полагая, что это созвездие служило татарам дорогой в Россию. (См. Абулгаз. Ч. VII. Гл. 1; Ист. Монг. пер. с Персид. стр. 40 и Энцикл. Лекс. Т. V. Стр. 93).

182

О распространении Магометанской веры между Татарами см. соч. И. Барбаро.

183

Основатель Оттоманской Империи был Эмир *Осман*, из рода Огузийских Туркменов. Овладев сначала, с помощью небольшой орды своей, Олимпийскими дефилеями, он проникнул потом в равнины Виоинии, где и основал свое жилище под покровительством Иконийского Султана, из племени Сельджуков. Умножив силы свои пленниками и разного рода бродягами, он вскоре покусился на предприятия более важные; овладев некоторыми областями, принадлежавшими Восточной Империи в Малой Азии и, по смерти покровителя своего, объявил себя независимым и принял название Султана. Он умер в 1326 году. Сын и преемник его Оркан, наследовавший вместе с титлом своего родителя и воинские его доблести, расширив владения свои, наименовал себя Падишахом. Таким образом горсть бродяг, предводительствуемая смелым варваром, основала государство могущественное, не потерявшее даже и доныне политической важности своей и бывшее в продолжение нескольких столетий ужасом всей Европы.

184

Прусским морем называлась в средние века та часть Балтийского моря, которая омывает берега Пруссии.

185

Самогеты – нынешняя Жмудь – обитатели в Северной части Виленской границы, близ границы Курляндии.

186

Ягеллон, или Ягайло, наследовал княжество Литовское в 1377 году, после родителя своего Ольгерда, а в 1386 году, с согласия вельмож польских, женился на Ядвиге, единственной дочери и наследнице умершего короля Лудовика, и, приняв латинскую веру вместе с венцом королей польских, крестил в оную и всех своих подданных. (См. Кар. И.Г.Р. Т. V. стр. 52 и 97).

Кампензе, вероятно, не знал, что Украйна издревле принадлежала России и что Киев был столицею великих князей русских и колыбелью христианской веры в отечестве нашем.

188

Псков лежит не на Двине, а на реке Великой.

189

Окончательный удар *Псковской вольности* был нанесен 13 января 1510 года. Великий князь Василий Иоаннович повелел триста значительнейших семейств псковских граждан перевести в Москву, а на место их поселить в Псков столько же купеческих семей из низовых городов (см. Кар. И.Г.Р. Т. VII. стр. 42 и 43).

Смоленск был взят у поляков московскою ратию под личным предводительством Василия 29 июля 1514 года (см. Кар. И.Г.Р. Т. VII. стр. 63).

191

Княжество Можайское никогда не зависело от Литвы. Прежде оно составляло часть княжества Черниговского, потом принадлежало к княжеству Смоленскому; в 1456 году за измену князя Ивана Андреевича присоединено Василием Темным к княжеству Московскому; в 1462 году, по духовному завещанию, отдано им сыну его Юрию Васильевичу, а, наконец, по смерти сего князя в 1472 году приобщено Иоанном III к его владениям (см. Кар. И.Г.Р. Т.V стр. 344 и 354 и Т. VI. стр. 56).

Не о храме ли Св. Софии говорит здесь автор?

Новгород никогда не признавал над собою власти литовцев, и хотя назывался вотчиною великих князей Московских, но в течение более чем шести веков был вольною землею. Временное же подданство его Казимиру в 1471 году было вынужденное и неединодушное.

194

Новгородское вече было уничтожено не в 1479, а в 1477 году.

195

По свидетельству Герберштейна и Длугоша, *богатства Новгородские* отправлены были в Москву на 300 возах. Другие оценивают сокровища, захваченные Иоанном в Новгороде, в 14000,000 флоринов; но это, без сомнения, преувеличено.

Неверность в показании географического положения княжества Московского слишком очевидна и не требует опровержения.

197

Город *Тверь* никогда не был обширнее и красивее Москвы, хотя издревле славился красотою своею. Доказательством сему служит старинная пословица, без сомнения, известная каждому из читателей наших: Тверь городок – Москвы уголок.

Рамузио в примечании своем объясняет, что княжество *Шухерцонское* есть Юрьев Польский, а княжество *Рубенское* – Стародуб (Strub); но что такое княжество *Шаховенское, Цубецувожское* (Рамузио в примечании называет его Subaschi) и *Климское* – отгадать весьма трудно; ибо автор не означает географического положения сих княжеств, по которому можно было бы догадаться, о каких именно областях Московского государства говорит он.

199

К *Суздалю*, как мы выше объяснили, прилегала ближе Казанская, нежели Ногайская Орда. Княжество Суздальское вместе с Нижним Новгородом присоединено к владениям великого князя Московского при Василие Дмитриевиче, отце Василия Темного, в 1392 году (см. Кар. И.Г.Р. Т. V стр. 131).

200

Казанская Орда не была еще подвластна России в княжение Василия Иоанновича. Честь покорения сего царства представлена была сыну его Иоанну Грозному.

201

Здесь очевидно автор говорит о *крещении Перми*, событии важном в нашей церковной истории и случившемся в княжение Димитрия Иоанновича Донского, в 1389 году. Юный монах по имени Стефан, сын устюжского церковника, пылая благородным желанием присоединить новые племена к пастве Христовой, обратил взор свой на диких жителей отдаленной Перми. С этою целью выучился он языку пермскому; изобрел для него новые, особенные письмена; перевел главные наши церковные книги и, испросив благословение Герасима, епископа Коломенского, отправился к пермякам с теплою верою и с полною надеждою озарить этих диких сынов севера светом истинного учения. Счастливый и почти неожиданный успех увенчал святой подвиг Стефана. Он вскоре снискал любовь и уважение пермяков, сокрушил языческие кумиры, составлявшие предмет богопочитания для сих народов, построил христианские церкви, учил, благодетельствовал новую паству свою, ходатайствовал за нее у правительства и, возвратившись в Москву, преставился в 1396 году с названием святого и был погребен в церкви Преображения. Преемниками его в Пермском епископстве были Исаакий и Питирим. Последний из них сделался жертвою ревности своей к вере Господней. Дикие народы, соседственные с пермяками, ненавидя новых христиан, тревожили их частыми набегами, а в 1455 году Асык, князь вогуличей, напал на берега Вычегды, вместе с другими пленниками захватил Питирима и злодейски умертвил его. Пермь была окончательно покорена России в княжение Иоанна Васильевича III, в 1472 году (см. Царств. Летоп. стр. 350 и Кар. И.Г.Р. Т. V стр. 115 и 358 и Т. VI стр. 50).

Объяснением названия Versura обязаны мы Рамузио. Источники *Днепра* находятся Смоленской губернии, Бельского уезда, в дачах села Городки, неподалеку от истоков Двины и Волги.

Двина, как мы уже выше объяснили, не касается стен Пскова и впадает в Балтийское море в 15 верстах от Риги, при Динаминде.

204

Некоторые из древних писателей полагали, что Танаис, или *Дон,* изливается в Черное море, и почитали море Азовское только нижними частями сей реки (см. Брут. Земл. Древ. Света Т. II стр. 508). О значении слова Дон смотри соч. И. Барбаро.

205

В подлиннике сказано: e maggior piu del terzo dei finmi della nostra Europa.

Источники *Волги*, равно как и источники Двины, находятся в Тверской губернии.

207

Волга впадает в Каспийское море 70 рукавами.

П. Иовий также утверждает, что во всей России нет гор, и почитает Рифейский (Уральский) хребет существовавшим только в воображении древних космографов.

209

Герцинский лес (от немецкого слова Harz или Hartwald) простирался в древности, по свидетельству Юлия Цезаря, от границ земли гельветов, неметов и равраков, по течению Дуная, до пределов Дакии, откуда поворачивал влево в страны, отдаленные от сей реки, и по своей обширности касался пределов разных народов. Плиний, Страбон, Помпоний Мела, Тацит и другие римские писатели также упоминают о нем.

210

См. П. Иовия, стр. 39.

211

Первые серебряные рудники открыты были в земле печорской в княжение Иоанна III, в 1491 году, и с той поры предки наши начали уже чеканить монету из своего серебра. (См. Кар. И.Г.Р. Т. VI стр. 226).

212

Мы уже заметили в предуведомлении нашем, что повествование А. Кампензе о нравах московитян весьма различествует от показаний современных ему и даже позднейших западных писателей. Изображением богобоязненности и добродетелей предков наших автор, видимо, желал еще более преклонить Климента VII к союзу политическому и религиозному с великим князем Василием Иоанновичем.

213

Причащение из собственных рук дозволяется у нас только священнослужителям. Вероятно, те путешественники, со слов которых Кампензе написал свое сочинение, приняли раздавание освященной просфоры и теплоты после Причастия за самое Таинство Причащения.

214

Великий князь Василий Иоаннович, как мы уже заметили в предуведомлении, не только не искал присоединения к латинской церкви, но даже постоянно отклонял все предложения, делаемые ему по сему предмету Римским двором. Доказательством сему служит самый ответ его, приведенный нами в конце означенного предуведомления.

215

Автор, очевидно, говорит здесь о *соборе Флорентийском*, событии, важном в истории церковной и тщательно сохраненном летописцами нашими. Карамзин в своей «Истории Государства Российского» (Т. V стр. 275-98) превосходно изобразил причины, следствия и самый ход этого события.

216

Евгений IV не требовал от русских никакой дани, а просил только оставить духовенству прежний оброк. Несправедливо также и то, будто бы великий князь Василий Васильевич по чьему-либо убеждению остался верным закону предков своих. Из предыдущего замечания мы видели, что он действовал в сем деле по собственному чувству.

217

Из собственных писем короля Датского Иоанна к императору и королю Французскому явствует, что не Василий просил его о дозволении в лице своих послов присутствовать при *сейме латеранском*, но что сам Иоанн предлагал таковую меру великому князю (см. Кар. И.Г.Р. Т. VII стр. 80 и пр. 152). Название латеранского сейма произошло от Латеранского дворца, в котором он собирался.

Рамузио в примечании своем называет его Эриком или Эрицием, епископом Модросиенским (Ericio, Vescovo Modrosiense, huomo di eta giovane).

219

Папа *Лев X*, сын знаменитого Лаврентия Медичи, родился во Флоренции в 1475 году. На 8-м году от роду вступил он в монашеское звание, а на 14-м возведен уже был, по ходатайству родителя своего, в кардинальское достоинство; но так как первым условием сего возведения было обязательство продолжать еще в течение трех лет в Пизе курс богословских наук, то Лаврентий поручил воспитание юного кардинала двум ученейшим мужам того времени: греку Халкондиласу и знаменитому Анджело Полициано. В 1492 году Лев X занял уже свое место в конклаве, но вскоре должен был покинуть Рим, ибо не мог долее оставаться при дворе папы Александра VI, коего выбору он противился. Удалившись во Флоренцию, он жил там в великой чести до тех пор, пока изгнание из тосканских владений фамилии Медичи не принудило и его искать убежища в Болоньи. В 1499 году предпринял он путешествие по Италии и Франции и, возвратившись в Рим с запасом новых познаний, посвятил себя исключительно наукам и обществу литераторов и художников. В 1505 году началась политическая жизнь Льва X. Папа Юлий II назначил его наместником в Перуджию, а в 1511 году перевел с титлом легата в Болонью и поручил ему начальство над ратиею своею в войне Священного Союза противу Франции. Это новое поприще было неудачно для Льва X. В битве при Равепне он был взят в плен; но вскоре потом получил свободу. Возвратившись в Болонью, вступил он в управление сим городом в качестве папского легата; потом переехал во Флоренцию для ходатайства о возвращении фамилии Медичи из изгнания и жил там до самой кончины папы Юлия X, случившейся в 1513 году. Никак не ожидая, чтобы при выборе преемника умершему первосвященнику жребий пал на него, он был крайне удивлен, когда на 39 году от роду увидел на главе своей папскую тиару. Первым попечением его по вступлении на престол св. Петра было уничтожение влияния чужеземцев в Италии и прекращение распрей, в церкви Римской происходивших. Достигнув цели намерений своих, он посвятил себя преимущественно наукам и художествам, которых был истинным, верховным покровителем. Ему обязан Рим построением церкви св. Петра. Ему обязан ученый свет изданием Тацитовых Анналов и многих греческих классиков. Наконец, ему обязана Италия теми блестящими успехами художеств, которые поставили Рим столицею всего художественного мира. Впрочем, это постоянное покровительство, которое Лев X оказывал наукам и искусствам,

соделавшее имя его славным в истории просвещения, с тем вместе послужило для него источником горьких политических бедствий. Щедрость, с каковой он награждал заслуги ученые, с одной стороны, а с другой – беспрестанные издержки, употребляемые им на возвышение фамилии Медичи, – до такой степени истощили казну его, что для пополнения ее вынужден он был прибегнуть к мере ужасной: к продаже индульгенций, возбудившей справедливое негодование всего христианского мира и бывшей главнейшим поводом к Реформации. История сего политического и религиозного переворота известна всякому, и потому мы не станем распространяться здесь о нем. Заметим только, что Лев X не мог отклонить грозы, собиравшейся над Римским престолом, и умер в 1521 году, занятый войной с Францией и готовя новое, но бесполезное оружие противу последователей учения Лютерова. Желающие почерпнуть подробнейшие сведения о сем первосвященнике, замечательном и по характеру своему и по эпохе, в которой он жил, могут найти оные в любопытном сочинении Роское, под заглавием: Life and Pontificate of Leo the tenth. London 1806.

Павел Иовий утверждает то же самое, но Герберштейн полагает противное: «Некоторые пишут, говорит он, будто Московский князь домогался у папы и у императора Максимилиана достоинства и титула королевского. Мне кажется это невероятным; ибо нет человека, к коему бы он питал более вражды, нежели к папе, которого называет не иначе, как учителем (Doctor). Императора Римского он также нисколько не ставит выше себя и даже в грамотах велит писать свое имя прежде императорского.» Доказательством справедливости мнения Герберштейна служит то, что в немецком переводе договорной грамоты, заключенной в 1514 году в Москве между Максимилианом и Василием, вместо слова «царь» поставлено: Kayser, каковой титул, конечно, выше королевского. «Этот перевод, говорит Карамзин, уцелев в нашем архиве, служил Петру Великому законным свидетельством, что самые предки его назывались императорами и что австрийский двор признал их в сем достоинстве». (См. Кар. И.Г.Р. Т. VII стр. 57).

221

Перемирие на пять лет между Василием и Сигизмундом заключено было в Москве 25 декабря 1522 года, а в Краков послы русские ездили только с перемирною грамотою, без всяких предложений со стороны великого князя. Даже во время пребывания своего в Кракове они вели себя весьма надменно и, и как пишет Карамзин, два раза выходили из дворца от королевского обеда, дабы не сидеть за столом вместе с папскими, цесарскими и венгерскими поверенными в делах, почитая это несовместным с достоинством великокняжеского посольства. Впоследствии, чрез посредничество папы и императора, означенное перемирие было продолжено до 1533 года (см. Кар. И.Г.Р. Т. VII стр. 117 и 143).

222

С 1309 года остров *Родос* находился во власти рыцарей ордена св. Иоанна Иерусалимского; но в 1522 году гроссмейстер сего ордена Вильер вынужден был уступить его знаменитому Солиману II и переехать со всеми своими рыцарями на остров Мальту.

Белград был завоеван турками в 1521 году.

224

Первое посольство Василия к императору Карлу V было отправлено в 1522 году и поручено подъячему Якову Полушкину, а второе в 1524 году. С сим последним послан был князь Иван Ярославский-Засекин. Целью обоих посольств было не столько благо христианского мира, сколько желание Василия Иоанновича возбудить императора противу Польского короля Сигизмунда (см. Кар. И.Г.Р. Т. VII стр. 142 и прим. 290).

225

Фердинанд (1503–1564) – брат императора Карла V, с 1556 г. император Священной Римской империи.

Librarius – можно понять и как типограф или книгопродавец; но в таком случае сказанное далее означало бы, что набор или даже печатание книги завершены, а это подразумевало, что вступление к ней должно было бы иметь особую пагинацию: поскольку же пагинация основного текста книги и вступления и тип шрифта одни и те же, то ясно, что набирались они и печатались вместе. Поэтому под словом «librarius», скорее всего, имеется в виду переписчик, окончивший свою работу, т. е. подготовивший чистовой список основного текста книги, который предназначался для типографии.

227

В русских грамотах часть титула «imperator et dominator universorum Ruthenorum» передавалась как «царь и государь всея Руси». Рутенами в античных источниках (указания на них см.: Буданова В. П. Этнонимия племен Западной Европы: рубеж античности и средневековья. М., 1993. С. 169) называлось кельтское племя на границе Аквитании и Нарбоннской Галлии. В европейских документах Средних веков и Возрождения этот термин употреблялся для обозначения восточных славян, выступая синонимом слова «руссы». См. у М. Меховского: «regiones Russorum seu Rutenorum», т. е. «области руссов или рутенов» (Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях, I. I. I. / Пер. С. А. Аннинского. М.; Л., 1936. С. 47, 129), а также у Герберштейна: «… народ этот, говорящий на славянском языке, исповедующий веру Христову по греческому обряду, называющий себя на родном своем языке Russi, а по-латыни именуемый Rutheni» (Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. А. И. Малеина, А. В. Назаренко. М., 1988. С. 58). Соответственно, термин «Ruthenia», наряду с «Russia, Ruscia, Ruzzia», начиная уже с XI в. применялся для именования Руси (см.: Соловьев А. В. Византийское имя России // Византийский временник. М., 1957. Вып. XII. С. 139).

228

В оригинале стоит «Bolami» – скорее всего, искаженная переписчиком или типографским наборщиком форма слова «Bolaviae» (первые четыре буквы совпадают, пятая буква «v» в старых текстах и изданиях писалась как «и» и по недосмотру вполне могла быть перепутана с буквой «т»; потеряны также последние буквы – падежное окончание «ае», в качестве такового, по-видимому, воспринималась буква «i», поскольку никто из имевших отношение к тексту людей не знал начальной формы слова). «Bolaviae» фигурирует в латинском тексте Договорной грамоты от 3 августа 1514 г. Максимилиана I Василию III (см.: Идея Рима в Москве XV–XVI века: Источники по истории русской общественной мысли. Roma, 1989. P. 442). В немецком тексте этой же грамоты записано «zu Belaw» (Ibid. P. 439. См. также: Собрание государственных грамот и договоров. Ч. V. № 66. С. 62. Далее: СГГД). В русских грамотах, дающих, как и в нашем документе, пространственный вариант полного титула Василия III, а равно и в ответных грамотах чужеземных государей, воспроизводящих этот пространный вариант на иных языках, после наименования «Ржевский» стояло обычно «Вольский»; в нашем же документе «Бельский» (Beleskiae) упомянут отдельно сразу за наименованием «Bolami», которое вслед за переводами Договорной грамоты 1514 г. в СГГД можно понять как «Белевский». Белевское княжество со второй половины XIV в. было владением князей Новосильских и Одоевских; в 1407 г. было захвачено Великим княжеством Литовским и до 90-х годов XV в. зависело от него; по русско-литовскому договору 1494 г. вошло в состав Российского государства (см.: *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий: очерки соц. – полит. истории. М., 1982. С. 96, 97, 289).

229

Карл V (1500–1558) – с 1516 г. король Испании, в 1519 г. избран императором Священной Римской империи.

Преемник и внук Максимилиана I император Карл V в своих официальных грамотах звал Василия III «princeps», т. е. «государь», казалось, избегая признавать его «императором». Но вот Фабри «случайно» (?) попалась на глаза некая грамота Карла V, в которой Василий III именуется императором, и Фабри, опубликовав ее в печати, оповестил об этом весь мир. Самое существенное отличие напечатанного Фабри документа от других подобного рода и известных документов императорской канцелярии в том, что в конце титульного обращения российский государь был назван не только «другом нашим дражайшим», но и «старшим братом» (обычно писалось «брат» или «дражайший брат», но не «старший брат»); это могло означать, что первый среди католических государей монарх, «властелин половины мира» император Карл V готов был признать старшинство над собой Российского государя.

В России на этот документ, опубликованный у Фабри, ни сразу, ни после не обратили внимания. В Европе его, конечно, поначалу знали, но старательно обходили молчанием, а потом предали забвению, исключив при печатании сочинения Фабри о московитах.

О том, что Фабри публиковал не фальшивку или подделку, а, скорее всего, часть верительной грамоты императора Карла V, предназначенной для его посла в Московию графа Нугаролы (и затем, по-видимому, замененной на верительную грамоту с другой, более скромной титулатурой Российского монарха, в которой он обозначался «государем» и «великим князем Руссии»), свидетельствуют замечания барона Герберштейна, посла в Московию эрцгерцога Австрийского Фердинанда (брата Карла V), на полученные инструкции. Герберштейн, в частности, возражал против того, чтобы во верительных грамотах Фердинанда «московит», т. е. Василий III, имел «титул императора всех рутенов» (Imperator Universorum Ruthenorum), предлагая писать ему как «государю Руссии и великому князю»; посол эрцгерцога был также против того, чтобы называть Василия III «нашим старшим» (major; nostro; см.: Герберштейн С. Записки о Московии. С. 265, 262).

Замечания Герберштейна датированы 1525 г., в конце лета – начале осени того же года Фабри писал свой трактат, к которому приложил отрывок письма Карла V Василию III. Поскольку барон

Герберштейн и граф Нугарола должны были ехать вместе и канцелярии императора Карла V и эрцгерцога Фердинанда были теснейшим образом связаны, то дословные совпадения формулировок в приведенном у Фабри отрывке письма Карла V Василию III и в первоначальном тексте верительной грамоты Фердинанда тому же Василию III свидетельствуют о том, что речь идет о сходных документах, т. е. Фабри публиковал первоначальную версию верительной грамоты императора Карла V Василию III, которая, по-видимому, была прислана эрцгерцогу Фердинанду для ознакомления с ней и выработки общей линии поведения предстоящего объединенного посольства императора и эрцгерцога в Московию.

230

Речь идет о посольстве князя Ивана Ивановича Засекина-Ярославского и дьяка Семена Борисовича Трофимова к императору Карлу V (точный состав посольства неизвестен, но, как явствует из раздела о посте в трактате Фабри, он превышал восемь человек). Оно отправилось из Москвы вместе с императорским послом Антонио де Конти в июне 1524 г., по дороге посетило Вену, где было с честью принято братом императора эрцгерцогом Австрийским Фердинандом. Затем через германские земли, Фландрию и, по-видимому, Англию посольство добралось до Испании, где находился император. 6 апреля 1525 г. состоялся торжественный въезд русских послов в Мадрид, а 29 апреля – прием у императора в Толедо. Обратный путь послов пролегал через Францию, в августе или в начале сентября 1525 г. они вновь встретились с эрцгерцогом Фердинандом, уже в Тюбингене, где по поручению эрцгерцога его советник Иоганн Фабри взял у них своего рода интервью. Из владений Габсбургов русское посольство выехало в январе 1526 г. вместе с ответным посольством императора и эрцгерцога к Василию III. Его возглавили граф Леонардо Нугарола и барон Сигизмунд Герберштейн. 26 апреля 1526 г. оба посольства прибыли в Москву. См.: Памятники дипломатических сношений с государствами иностранными. Т. 1. Столб. 1487 (далее: ПДС); *Uebersberger H.* Oesterreich und Russland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts. Wien; Leipzig, 1906. Bd. 1. S. 184–199; *Lopes de Meneses A.* Las primeras embajadas rusasen Espana(1523, 1525 y 1527)//Cuademos de Historia de Espana. 1946. N V. P. 112–117; *Лурье Я. С.* «Открытие Англии» русскими в начале XVI в. // Географический сборник. М.: Л., 1954. Т. 3. С. 185–187; *Зимин Л. Л.* Россия на пороге нового времени: Очерки полит. истории России первой трети XVI в. М., 1972. С. 260, 261 302–304.

231

См. об этом же в письме эрцгерцога Фердинанда, адресованном в начале февраля 1526 г. графу Нугарола и барону Герберштейну перед их отправкой с посольством к Василию III: «Когда недавно у нас в Тюбингене пребывали, возвращаясь от цесаря, московские послы, мы через советника нашего Иоанна Фабра подробно расспрашивали об их вере, религии и народных обычаях. Все услышанное от них этот наш советник впоследствии свел в книжку, которую мы шлем вам…» *(Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 267).

232

Власий, или Влас, Игнатов (Игнатьев) известен по русским документам как «толмач латынский и немецкий» Влас. Участвовал в переводах для Библии Геннадия, архиепископа Новгородского; с 1518 г. вместе с Дмитрием Герасимовым помогал Максиму Греку в переводе Толкований на Апостол, Толковой Псалтыри и, возможно, Бесед Иоанна Златоуста на Евангелия Матфея и Иоанна (Максим Грек переводил с греческого на латинский, Влас и Дмитрий Герасимов – с латинского на русский). С начала XVI в. привлекался к выполнению дипломатических поручений, особенно часто касающихся отношений между Россией и империей. Во время первого своего пребывания в Москве в 1517 г. с ним познакомился императорский посол Герберштейн. Возможно, Влас был переводчиком русского посольства к императору во главе с Яковым Полушкиным, длившегося с июня 1522 по начало 1524 г. (в испанских документах о посольстве Полушкина упомянут «переводчиком Биязио», «el interprete Biasio»). В этом именно качестве он выступал в посольстве к императору князя Засекина-Ярославского и дьяка Трофимова (июнь 1524 – апрель 1526 г.) и в посольстве Ляпуна Осинина и Андрея Волосатого (1526–1528 гг.) к императору. См.: *Гомель И. Х.* Англичане в России в XVI и XVII столетиях // Приложение к VIII тому записок Имп. Академии наук. СПб., 1865. С. 172, 173; *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903. С. 184–189; *Казакова Н. А… Катушкина Л. Г.* Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана // Тр. отд. древнерус. лит. Л., 1968. Т. XXIII. С. 236; *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. С. 323, 324; *Алексеев М. П.* Московский подъячий Яков Полушкин и итало-испанский гуманист Педро Мартир // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 127–136; *Синицына Н. В.* Максим Грек в России. М., 1977. С. 62–66.

233

Речь идет о союзном договоре 1514 г. между Священной Римской империей и Российским государством. Император Максимилиан I замыслил широкую антипольскую коалицию держав, в которую, помимо империи и России, должны были войти Тевтонский орден, Дания, Бранденбург, Саксония и Валахия. В начале февраля 1514 г. в Москву прибыл посол императора Георг фон Шнитценпаумер, в ходе переговоров с ним были выработаны условия договора, которые включали обязательство совместных действий против Польши и Литвы, признание прав России на Киев и другие западнорусские земли, а также права ордена на отторгнутые у него Польшей по Торуньскому договору 1466 г. территории; в этом договоре впервые Российского государя именовал императором (Imperator, Kayser) монарх, имеющий такой же титул. Договор был несомненным успехом русской дипломатии. Договорная грамота была доставлена Шнитценпаумером и русскими послами Дмитрием Ласкиревым и Елизаром Суковым Максимилиану I.

234

Император оказался в затруднительном положении, поскольку его представитель, не имея на то полномочий, заключил договор на условиях, обременительных для империи, обязывающих ее немедленно принять участие в войне с Литвой и Польшей на стороне России. Решено было, с одной стороны, утвердить договор, что Максимилиан I и сделал в начале августа 1514 г., но, с другой стороны, вступление его в силу оговорить принятием определенных изменений его содержания, которые предполагали, в частности, начало военных действий против Сигизмунда I, короля Польского и великого князя Литовского, только в случае провала всех попыток мирного урегулирования с ним. Оговорки императора, доведенные его послами Яковом Ослером и Морицем Бургшталлером до Российского государя в декабре 1514 г., не были приняты, Василий III настаивал на первоначальных условиях договора. Тем временем император охладел к идее союза с Василием III отчасти под впечатлением от разгрома русских войск литовцами под Оршей 8 сентября 1514 г., но в большей мере из-за того, что удалось добиться согласия Польского короля на выгодные для Габсбургов браки с Ягеллонами, делавшие Габсбургов наследниками венгерской и чешской корон. На имперском сейме в мае 1515 г. уполномоченный императора Конрад Пейтингер заявил «протест» по поводу позиции, занятой великим князем Московским, действия Шнитценпаумера были публично дезавуированы, утвержденное в августе 1514 г. соглашение было признано недействительным. См. документы и исследования: СГГД. Ч. V. № 66, 67. С. 62–68; Fiedler J. Die Alleanz zwischen Kaiser Maximilian I und Vasilij Ivanovic Grossfuersten von Russland von dem Jahre 1514 // Sitzungsber. Kayser. Akad. Wissenschaften. Philos.-Hist. Cl. 1863. Bd. XLIII. H. II; Uebersberger H. Op. cit. S. 77–88; Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 156, 157, 169, 170; Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 124–128, 154, 155; Ronchi De Michelis L. Nota sull alleanza tra I'imperatore dei Romani Massimiliano I e 1'imperatore di Russia Vasilij III // Идея Рима в Москве. P. 425–449.

235

Плиний Старший. Естественная история. IV. 80. Роксоланы – сарматский племенной союз, обитавший в последние века до н. э. и в первые века н. э. в приазовских и причерноморских степях. Ссылки на античные источники, упоминавшие роксоланов, см.: *Ельницкий Л. А.* Знания древних о северных странах. М., 1961. С. 163, 164; *Буданова В. П.* Этнонимия племен Западной Европы. С. 168.

236

Птолемей. География. Кн. III. Табл. 7. В пояснении к имени «роксоланы» у Птолемея, которое дал современник Фабри, немецкий гуманист Вилибальд Пиркгеймер (1470–1530), сказано: «Rutheni a nobis dicti, inde Russian; et Russiae regnum» («Названные нами рутенами, откуда русские и царство русское»). Московитов же он отождествляет, ссылаясь на мнение другого гуманиста – Иоахима Вадиана (1484–1551), с племенем амаксобиев (Amaxobii): «Hamaxobitae Pomponio Vadianus putat hos esse hodie Moscovitas, eorum metropolis Moscua et amnis Mosca» («Хамаксобиты у Помпония [Мелы. Землеописание. 11. 1]): Вадиан считает, что в настоящее время они являются московитами. У них столица – Москва и река Москва» (см. Птолемея в издании Себастьяна Мюнстера: Geographia universalis… *Claudii Ptolemaei* Alexandrini enarrationis libros VIII. Basileae, 1540. P. 42). Пиркгеймер здесь имеет в виду комментарии Вадиана к сочинению Помпония Мелы, изданные в 1518 г. в Вене (2-е изд. Базель, 1522). Как пишет в них Вадиан, хамаксобиты – это расположенный ныне в других местах народ, который «поляки, исказив слово, называют московитами» («Hamaxobitae… Credideriin eos esse quos hodie alibi sitos Poloni Moscovitas nominant corrupto vocabulo». См.: *Pomponii Melae.* Libri de situ orbis tres adiecris loachimi Vadiani Helvetii in eosdem Scholiis Viennae 1518. P. 52r.).

237

Страбон. География. VII. 11. 4.

238

См.: Там же. VII. 111. 17. Речь идет о войне Митридата Евпатора (в тексте Фабри в результате некомпетентности, по-видимому, наборщика неверно названного Антипатором), понтийского царя (120-63 гг. до н. э.), против племен Таврии, на помощь которым пришли роксоланы.

239

Речь идет о гуманисте Рафаэле Маффеи (1455–1522), уроженце тосканского города Вольтерра, по названию которого образовано его прозвище Волатеран. Данные Волатерана о Московии, поскольку на них часто ссылается Фабри, уместно привести целиком: «Роксоланы у Плиния и Птолемея, роксаны у Страбона, ныне же рутены. Некогда они сражались с полководцами Митридата Евпатора под предводительством царя Тасия, как сообщает Страбон (География. VII. III. 17 – О. К.). Но сейчас они христиане, однако греческой веры, язык [у них] полудалматский. Почти так же, как Литва и Польша, близлежащие области, они разделены надвое. Те, которые называются белыми, соседние с Литвой, называются по имени реки Москвы. Царский [град их] – Москва, в нем сидит князь Иоанн, у которого от [жены] Елены, сестры деспота Андрея Палеолога, родилось много детей. Он повелевает всеми вплоть до Венедского моря. Почему Страбон и утверждает (География. II. V. 7 – О. К.), что за роксоланами никто не обитает. Там [находятся] огромные леса, и люди, живущие в лесах, облачены лишь в шкуры медведей, на которых они охотятся; вообще по природе они люди простые, питающиеся медом и обменивающие купцам, которые туда приезжают, ценные меха на [различного рода] плоды. Кроме того, они удерживают огромный город, который на их языке называется Новгород, что означает новая крепость; в нем церковным владыкой обыкновенно бывает грек. В наше время им был Исидор, произведенный [папой] Евгением в кардиналы рутенов. Там посреди площади стоит камень квадратной формы, на который, когда город был независим, если кто мог взобраться и не дать себя с него свалить, тот считался государем. Сюда за мехами приезжает множество [купцов]; монету используют без клейма. Другие рутены, называемые красными, расположены восточнее, ближе к Борисфену» *(Raphaelis Volaterrani* Commentariorum Urbanorum octo et triginta libri. Basileae, 1544. Lib. VII. P. 83 v.). Этот труд Волатерана, представляющий собой своего рода энциклопедию гуманистического знания, впервые был напечатан в Риме в 1506 г. Экземпляр его, принадлежавший Фабри, обнаружил в венской библиотеке Вальтер Лайтч (об этом см. в статье: *Kaempfer F.* Herbersteins nicht eingestandene Abhaengigkeit von Fabri aus Leutkireh. S. 8. N 33).

240

Речь идет, конечно же, о племяннице последнего византийского императора Софье (в иноязычных текстах – Зоя) Палеолог, на которой великий князь Московский Иван III женился в 1472 г. вторым браком (см. подробнее: *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений. С. 177–188). Еленой ее ошибочно называет и Волатеран (см. выше 15), у которого заимствовал Фабри.

241

Страбон. География. II. V. 7. См. тексты Фабри и Волатерана.

Так вслед за античными авторами называет Фабри Днепр.

Т. е. от Крымского хана.

Каффа – город в Крыму, современная Феодосия.

245

Набеги крымских татар на владения великого князя Московского начались после смерти весной 1515 г. Менгли-Гирея и восшествия на престол враждебного России хана Мухаммед-Гирея. Особенно тяжелые последствия имел набег крымцев летом 1521 г., когда передовые части армии Мухаммед-Гирея достигли окрестности Москвы.

246

У Плиния (Естественная история. IV. 104) речь идет о «Кроновом море» (mare Cronium), равно как и в «Схолиях» к «Аргонавтике» Аполлония Родосского (IV 546–550).

247

Крон – в греческой мифологии один из титанов, сын Урана и Геи. Оскопив отца, он воцарился вместо него. Был побежден своим сыном Зевсом и вместе с другими титанами низвергнут в Тартар. В римской мифологии известен под именем Сатурна.

248

Плиний Старший. Естественная история. IV. 94–95.

249

У Солина (C. *Iulii Solini.* Collectanea rerum memorabilium. Berolini, 1895. P. 218) говорится не о «Прегантинском», а о «Бригантинском озере» (Brigantino lacu). Теперь – Боденское озеро.

250

Акроновым называет Нижнее Боденское озеро Помпоний Мела (Землеописание. III. 2) Скорее всего, в тексте опечатка: должно было стоять не «Аммоний-историк», но «Помпоний-историк».

251

Латинское название Кёльна.

Фабри явно преувеличивает: размеры других русских городов были несопоставимы с Москвой. Из перечисленных городов хорошо укрепленными каменными стенами обладал Псков; Владимир и Смоленск не имели тогда каменных или кирпичных укреплений.

253

Ср. у Герберштейна: «Город Псков единственный во всех владениях московита окружен (каменной) стеной и разделен на четыре части [каждая из которых заключена в своих стенах. Это обстоятельство заставило некоторых ошибочно утверждать, будто он окружен четырехкратной стеной» (Записки о Московии. С. 151). Герберштейн, скорее всего, в данном случае полемизировал с Фабри, у которого, впрочем, речь идет о трех поясах стен вокруг Пскова.

Т. е. 24 августа 1524 г.

Это утверждение Фабри, не называя его по имени, фактически опровергает Герберштейн в следующей информации о после к императору: «Последний – Иоанн, по прозвищу Посечень, который от имени своего государя был послом у цесаря Карла в Испаниях и вернулся с нами. Он был настолько беден, что взял взаймы, как мы знаем наверное, на дорогу платье и колпак – это головной убор. Поэтому сильно ошибся тот, кто писал, будто он может при всякой надобности послать своему государю из своих владений или отчины тридцать тысяч всадников» (Записки о Московии. С. 154; см. также: *Замысловский Е. Е.* Барон Сигизмунд Герберштейн и его сочинение о России в XVI веке // Древняя и новая Россия. 1875. № 12. С. 324).

256

«Так как, – писал в этой связи В. О. Ключевский, – приведенные показания заимствованы прямо или посредственно из рассказов русских, то эти, без сомнения, преувеличенные цифры легко объясняются понятным желанием рассказчиков выставить в выгодном свете военные силы своего отечества» (Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С. 66).

По данным С. М. Середонина, численность русского войска в этот период составляла около 110000 человек. С этой цифрой считал возможным согласиться А. В. Чернов. См.: Середонин С. М. Известия иностранцев о вооруженных силах Московского государства в конце XVI в. СПб., 1891. С. 13; Чернов А. В. Вооруженные Силы русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. С. 94.

257

О беспрекословном послушании и почти религиозном поклонении московитов своему государю ср. у Герберштейна; «Они прямо заявляют, что воля государя есть воля Божья и что бы ни сделал государь, он делает это по воле Божьей. Поэтому также они именуют его ключником и постельничим Божиим и вообще веруют, что он „вершитель Божественной воли“» (Записки о Московии. С. 74).

258

«Славянским языком» называет писавший во второй половине XVI в. Поссевино язык южных славян, в частности, обитателей Хорватии и Боснии. «Они [московиты] не знают славянского языка, хотя он настолько близок к польскому и русскому, что тот священник, славянин по национальности [Дреноцкий, уроженец Загреба]…»; и чуть ниже: «Ведь переводчик этого „Диплома“ на славянский язык не знал особенностей русского языка, но составил какую-то смесь из боснийского и хорватского языков» (*Поссевино А.* Московия. // *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. / Пер. Л. Н. Годовиковой. М., 1983. С. 27, 28).

259

Бытие. X. 8–9.

Полемизируя, скорее всего, с этим утверждением Фабри, Герберштейн пишет: «Торгуют они с великим лукавством и коварно, не скупясь на слова, как о том писали некоторые» (Записки о Московии. С. 126).

261

Magis civiliter – нравы человека культурного, живущего в гражданском общежитии, противопоставляются первобытной дикости.

262

Ср. у Герберштейна: «Золотых у них нет, и они сами их не чеканят, а пользуются обыкновенно венгерскими, иногда также рейнскими» (Записки о Московии. С. 123).

263

Ср. у Герберштейна: «Русские открыто похваляются в своих летописях, что ранее Владимира и Ольги земля русская получила крещение и благословение от апостола Христова Андрея…»(Записки о Московии. С. 88). Ср. также слова Ивана IV, сказанные папскому легату А. Поссевино: «Мы уже с самого основания христианской церкви приняли христианскую веру, когда брат апостола Петра Андрей пришел в наши земли…» *(Поссевино А.* Беседы о религии // Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. С. 79).

264

1-й Вселенский собор, упомянутый в тексте, состоялся в Никее в 325 г.

265

О приверженности русских установлениям первых церковных соборов и писаниям святых отцов (Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста) сообщал также Герберштейн (Записки о Московии. С. 92. 93. 105).

Малахия. II. 7.

267

Исидор – уроженец Фессалоник, посвящен Константинопольским патриархом в митрополиты Киевские, убедил великого князя Василия Темного отпустить его в 1437 г. в Италию на церковный собор. На этом соборе (Феррaро-Флорентийском) он выступил ревностным поборником унии с католической церковью и подписал хартию соединения церквей. Вместе с Виссарионом Никейским был произведен в кардиналы; в звании апостольского легата во всех северных землях отправился в Россию. В 1441 г. по приказанию великого князя низведен с престола и посажен под стражу за отступничество от православия. Осенью того же года бежал в Рим. В 1453 г. пережил взятие турками Константинополя. Умер в 1462 г. в Риме, где он носил звание Константинопольского патриарха. Евгений IV (1431–1447) – папа Римский, родом венецианец. При нем с успехом для папства кончилась долгая борьба с церковными соборами за верховенство. Один из главных организаторов унии с православной церковью, заключенной на Феррaро-Флорентийском соборе.

268

Описание епархий Московской Руси на 1525 г. не вполне точно. Московскому святителю принадлежал сан митрополита. В Новгороде и Ростове находились архиепископы. Названия трех последних городов в качестве резиденций («Colmum, Volut, et Frotini») переведены с большой долей условности как «Коломна, Вологда и Крутицы», потому что в записи Фабри, в которую при наборе могли вкрасться еще и опечатки, трудно понять, какие именно названия городов ему были сообщены русскими послами. Вологодская епархия основана (под названием Пермской) в 1383 г., кафедра перенесена из Усть-Выма в Вологду после 1492 г. Крутицкая, или Сарская (Сарайская), епархия со второй половины XV в. постоянно находилась под Москвой, в Крутицах.

О совсем ином отношении к папам писал Герберштейн: «В их святцах есть несколько Римских пап, которые почитаются в числе святых; других же, которые жили после знаменитого раскола, они проклинают за то, что те отступили от правил апостолов, святых отец и семи соборов, и называют их еретиками и раскольниками, ненавидя их более даже, чем магометан». И далее сказано, что папу они именуют «Римским архиепископом» (Записки о Московии. С. 92). Амброджо Контарини, еще раньше, в конце XV в., лично посетивший страну московитов, замечал, что «у них есть свой папа как глава церкви их толка, нашего же они не признают и считают, что мы вовсе погибшие люди» *(Амброджо Контарини.* Путешествие в Персию. II. 31 // Скржинская Е. Ч. Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С. 228).

По сообщению А. Поссевино, величина этой «милостыни» составляла «500 золотых» *(Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. С. 22, 208). В работе Н. Ф. Каптерева «Характер отношений России к православному востоку в XVI–XVII столетиях» (Сергиев Посад, 1914. С. 119 и след.) данные о милостыне, посылаемой русским правительством Константинопольскому патриарху, относятся только к XVII в.

271

Явное недоразумение: Таинство Конфирмации в православной церкви отсутствует. По мнению А. Алмазова, Фабри, описывая здесь и ниже Таинство Конфирмации, на самом деле принял за таковое Таинство Миропомазания, которое, впрочем, в православной церкви совершалось сразу после крещения. *(Алмазов А.* Сообщения западных иностранцев XVI–XVII вв. о совершении таинств в русской церкви: Церк. – археол. очерк. Казань, 1900. С. 31, 32). Точнее, чем Фабри, излагает этот вопрос Герберштейн (см.: Записки о Московии. С. 93).

1-е Тимофею. V. 19.

В явном противоречии с этими словами находятся примеры и наблюдения, приводимые Герберштейном, вроде следующего: «Свою власть он [т. е. государь] применяет к духовным так же, как и к мирянам, распоряжаясь беспрепятственно по своей воле жизнью и имуществом каждого из советников, которые у него есть» (Записки о Московии. С. 74. См. также работы: *Kaempfer F.* Siegmund von Herbersteins «Rerum Moscoviticarum Commentarii» als religionsgeschichtliche Quelle // Siegmund von Herberstein: Kaiserliche Gesandte und Begrunder der Russlandskunde und die europaeische Diplomatic. Graz, 1989. S. 151, 152; *Kaempfer J.* Herbersteins nicht eingestandene Abhaengigkeit von Fabri aus Leutkirch. S. 24, 25; *Хорошкевич А.Л.* Церковь и государство в «Записках о Московии» Сигизмунда Герберштейна // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 174; и др.).

Фабри здесь выдает желаемое (и понятное ему) за действительное. У Герберштейна сказано совсем иное: «Замков же, городов или какого-нибудь мирского (как они выражаются) управления они [т. е. епископы] не имеют» (Записки о Московии. С. 89. См. также: *Kaempfer Fr.* Siegmund von Herbersteins «Rerum Moscoviticarum commen-tarii»… S. 153).

275

Л. П. Рущинский указывает на неточность в этом месте сообщения Фабри, ибо десятинами священники на Руси не пользовались. Фабри, по его мнению, здесь невольно сближает порядки в католической и в русской православной церквах. (*Рущинский Л. П.* Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей XVI–XVII веков // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1871. Кн. 3. С. 132).

Подразумеваются сторонники Реформации.

277

«Но епископ должен быть непорочен, одной жены муж…» (1-е Тимофею. III. 2).

Скорее всего, вместо «verentur», т. е. «они боятся», «опасаются», в тексте должно стоять «videntur», т. е. «как им кажется», «представляется», «видится».

279

1-я Царст. XXI. 5.

280

В западной церкви праздник Сретения, именуемый Очищением Пресвятой Девы (Purificatio), относится к богородичным. Похоже, что между Фабри и русскими послами имело место недоразумение. Скорее всего, они толковали о другом празднике – Введения во храм Пресвятой Богородицы, Фабри же увидел в их словах описание праздника Сретения. Помимо Введения во храм Пресвятой Богородицы и названных в тексте Благовещения, Рождества и Успения, на Руси в качестве богородичного отмечался также праздник Покрова Пресвятой Богородицы, принятый еще при Андрее Боголюбском.

281

Херувимская песнь.

282

В тексте Фабри явное недоразумение, потому что молитва «Свят Господь Саваоф», которая стоит между Никейским символом веры и Молитвой Господней, отождествляется с Херувимской песней.

283

Антифоны – противугласники, поются попеременно двумя частями церковного хора. Антифон о Деве Марии идет перед Молитвой Господней.

Имеется в виду пресуществление хлеба и вина.

285

Т. е. христианскую веру.

Т. е. крестные не могут вступать в брак. См. сходные сведения о брачных запретах у Герберштейна (Записки о Московии. С. 111).

287

Подразумевается наследуемое от апостолов право решать и вязать – благодать священства.

Иоанн. XX. 22–23.

289

Рождественский (Филиппов) пост длился с 15 ноября по 24 декабря по старому стилю.

290

Начинается Петровский пост через неделю после сошествия Св. Духа, длится он до дня памяти апостолов Петра и Павла – 28 июня по старому стилю; Успенский (Богородицкий) пост длится с 1 по 14 августа. Сходный перечень постов см. у Герберштейна (Записки о Московии. С. 105).

291

Ср.: Исход. VII. 3, 13,22.

Ср.: Матфей. VII. 17.

293

См.: Иона. III. 5-10; Матфей. XII. 41; Лука, XI. 32.

294

Имеется в виду песнь Богородице, автором которой считается архангел Гавриил.

295

Речь идет о выступлениях сторонников Реформации.

296

Речь идет об иконе Богоматери Владимирской – одной из древнейших греческого письма икон (XII в.), по преданию приписываемых евангелисту Луке. Принесена была Андреем Боголюбским из Киева во Владимир, в 1395 г. взята в Москву. В XV–XVI вв. была наиболее чтимой иконой Москвы. После нашествия Тамерлана в 1395 г. и нашествия хана Ахмата в 1480 г., а также в память избавления в 1521 г. от нашествия на Москву крымских татар установлены были в честь нее три праздника с крестными ходами – 26 августа, 23 июня и 21 мая по старому стилю.

297

Икона Рождества Господня.

298

Икона Сретения.

299

Вероятно, речь идет об изображениях Распятия, Сошествия во ад и Преображения.

300

Скорее всего, речь идет об иконе Собор Св. Апостолов.

301

Князь И. И. Засекин-Ярославский, глава посольства.

302

Ср. со свидетельством А. Поссевино: «Они убеждены, что только знатные люди должны часто посещать храмы и богослужения… Простые люди ограничиваются тем, что часто крестятся и с величайшим благоговением молятся иконам». (*Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. С. 28).

303

Речь идет об иконоборческом движении в Византии в VIII–IX вв.

304

В 787 г. был созван в Никее 7-й Вселенский собор (2-й в Никее), подвергший анафеме иконоборцев и установивший иконопочитание.

305

По сообщениям французских хроник, в 757 г. византийский император Константин отправил в дар королю Пипину орган. В IX в. в западной части Европы органы строились по греческим образцам.

306

Матфей. XXV. 41–45.

307

В православной церкви признаны Таинства Крещения, Миропомазания, Покаяния (Исповеди), Причащения (Евхаристии), Брака, Священства, Елеосвящения (Соборования). Вместо миропомазания Фабри ошибочно приписывает московитам принятое в католической церкви, но отсутствующее в православной Таинство Конфирмации.

Иоанн. V. 17.

309

В православной церкви практики раздачи или продажи индульгенций не было.

310

О характере школьного обучения в этот период см.: *Румянцева В. С.* Школьное образование на Руси в XVI–XVII вв. // Сов. педагогика. 1983. № 1. С. 105, 106.

311

Т. е. Господь Бог, в Новом Завете часто именуемый «Бог мира». См.: 1-е Коринфянам. XIV. 33.

Т. е. с папой.

313

На западе христианского мира было признано, что Дух Святой исходит не от одного Отца, но и от Сына, и в этом смысле была внесена прибавка «Filioque», т. е. «и от Сына», в Никео-Цареградский Символ веры. Впервые это было сделано в испанской церкви на Толедском церковном соборе в 589 г. На соборе в Ахене в 809 г. исхождение Святого Духа «и от Сына» было признано догматом. Патриарх Константинопольский Фотий в 879 г. осудил изменение Никео-Цареградского Символа веры, и с этим осуждением согласилась вся восточная церковь.

314

Православная церковь отвергает чистилище. Говоря о готовности московитов держаться в вопросе о чистилище одного мнения с Римской церковью, Фабри выдает желаемое за действительное и пытается смягчить вероисповедные отличия московитов.

315

Успение Божьей Матери – 15 августа по старому стилю.

316

Речь идет о Николае, архиепископе Мирликийском (в Ликии), великом христианском святом IV в., прославившемся чудотворениями при жизни и после смерти. Почитание его было очень распространено на Руси и в других странах христианского мира.

317

Числа. V. 18 и след.; XIX. 1 и след.

1-е Тимофею. IV. 4–5.

319

См.: Матфей. XVII. 21; Марк. IX. 29.

320

Русские рассказчики, по-видимому, упирали на то, что отлученный от церкви, как сказано ниже в тексте, «лишается всякого общения с людьми», не участвует в *общей* жизни. Часто повторяемые слова с корнем «общ» были восприняты Фабри в качестве обозначения отлучения на русском языке, переданного им латинскими буквами в виде «obscha».

321

Эринии – в греческой мифологии богини мести; появляясь на земле, возбуждают месть, безумие, злобу.

322

В описании Герберштейна тип государственного устройства Московии – не аристократия, но самодержавная монархия. Ср.: «Властью, которую он [Василий III. – *О. К.*] имеет над своими подданными, он далеко превосходит всех монархов целого мира. Он довел до конца также и то, что начал его отец, именно: отнял у всех князей и у прочей (знати) все крепости [и замки]. Даже своим родным братьям он не поручает крепостей, не доверяя им. Всех одинаково гнетет он жестоким рабством, так что если он прикажет кому-нибудь быть при дворе его, или идти на войну, или править какое-либо посольство, тот вынужден исполнять все это за свой счет». И немногим ниже: «Свою власть он применяет к духовным так же, как и к мирянам, распоряжаясь беспрепятственно по своей воле жизнью и имуществом каждого из советников, которые есть у него; ни один не является столь значительным, чтобы осмелиться разногласить с ним или дать ему отпор в каком-либо деле. Они прямо заявляют, что воля государя есть воля Божья и что бы ни сделал государь, он делает это по воле Божьей» (Записки о Московии. С. 72, 74).

323

Речь, видимо, идет о дипломатической миссии маронитского священника Петра де Монте, с которой он был отправлен в августе 1523 г. персидским шахом Исмаилом Софи (1487–1524) в империю для заключения военного союза против Османов.

324

К сожалению, этого чертежа не находится ни в одном издании сочинений Павла Иовия.

Из сего описания видно, что Павел Иовий или не знал, что река Окс (Гигон, Джейгон, ныне Амударья) впадает в Аральское, а не в Каспийское море, или полагал до сих еще пор существующим то устье, которым, по свидетельству древних, река сия некогда изливалась в Каспийское море, пустив несколько рукавов в болота, составляющая ныне море Аральское. Устье это, как известно, давно уже засыпано.

Латеранский сейм получил название свое от Латеранского дворца, в котором он собирался, и от находящейся при оном соборной церкви во имя св. Иоанна Латеранского (Sacrosancta Ecclesia Lateranensis, omnium Ecclesiarum mater et caput). Дворец Латеранский, по свидетельству Барония, принадлежал в древности тому самому Латерану, который был умерщвлен Нероном, и поступил во власть Римских первосвященников в начале IV столетия, при папе Мельхиаде, получившем его в дар от императора Константина. В Латеранском дворце было всего 5 главных соборов (в 1125, в 1139, в 1179, в 1215 и в 1512 годах) и несколько частных. Последний из пяти главных соборов есть тот самый, о котором упоминает П. Иовий. Он созван был при Юлие II и распущен в 1517 году, при Льве X. Главнейшею целью сего собора было желание Римского двора подвигнуть христианским государей к союзу противу турок.

327

В итальянском переводе П. Иовия, напечатанном в Рамузиевом сборнике, сказано, что Димитрий, преклонив колена, целовал по обычаю у папы ноги (humilmente inginocchiato secondo l'usanza gli bacio li piedi), а в латинском подлиннике напечатано просто: eum de more supplex adoravit.

328

П. Иовий смешивает латинское слово urus – буйвол – с назвавнием bisons – дикий бык. Герберштейн делает различие между этими животными. «Диких быков (bisontes), говорит он, литовцы на своем языке называют зубрами, а немцы Aorof или Urox, каковое название собственно принадлежит буйволу (urus), имеющему совершенно вид воловий, между тем как дикие быки (bisontes) вовсе на них не похожи. Они имеют гриву, шею и плечи мохнатые; шерсть их издает запах мускуса и пр».

329

Амасковии в итальянском переводе П. Иовия, напечатанном во 2-м томе Рамузиева сборника, названы амазонами, т. е. живущими в повозках (Hamazonii, cioe viventi nelli cerri). Народ этот, по свидетельству Сестренцевича, принадлежал к племени сарматскому и обитал на правом берегу реки Дуная, там, где ныне находится город Видин. (См. Siestr. de l'orig. des Sarmates etc. T. I, p. 74).

Ахиллесово поприще, ныне Кинбурнская коса, есть узкая полоса земли, простирающаяся на северо-запад от перешейка, соединяющего Таврической полуостров с материком.

331

Название кремских татар не встречается ни в одном из писателей, говоривших о сих народах. Трудно думать, чтобы П. Иовий разумел тут крымцев, ибо он уже прежде упомянул о них под названием татар перекопских. Вероятнее всего, что он говорит об Орде Кипчакской, которая, как известно, была разрушена Менгли-Гиреем в 1502 году. Шибанские или тюменские татары получили название свое от Шейбани-хана, брата Батыева, господствовавшего в земле Туран или Сибири. О татарах ногайских см. в Прим. 18 к Ал. Кампензе.

Согдиана, древняя Персидская область, находившаяся между реками Оксом и Яксартом и состоявшая из нынешней Большей Бухары или земли Усбеков, южного Белюра и малого Тибета. Имя Согдианы подучила она от искривленного своего положения.

333

Яксарт, ныне Сырдарья. О впадении ее в Аральское, а не в Каспийское море.

334

Измаил – Софи, потомок шейха Софи, из рода Алия, и внук Узун-Гассана по матери, овладел в 1505 году, с помощью религиозного фанатизма, Персидскою монархию, находившуюся в продолжение целого столетия во власти князей Туркоманских. Завоевав Диарбекир, Грузию, Туркестан и Мауренерскую землю, назвал он себя шахом Персии, ввел между подданными своими секту Алия и был основателем династии Софи, царствовавшей в Персии до 1722 года.

335

Галатия, северо-восточная область Фригии, в Малой Азии, получила это название от поселившихся в ней Галатов, народа, составившегося из смешения греков и кельтов.

Росколане и изиги, два главнейшие народа сарматского племени, вытеснив при Митридате скифов из жилищ их между Дунаем и Азовским морем, заняли сами все это пространство. Утвердившись в Дакии, которою составляли Молдавия, Валахия, Трансильвания, часть Венгрии и Баннат Темесварский, они первые, как говорит Карамзин, дерзнули тревожить римские владения с этой стороны и начали ту ужасную и долговременную войну дикого варварства с гражданским просвещением, которая заключилась наконец гибелью последнего. Геты, народ фракийский, побежденный Александром Великим на Дунае, но страшный для Рима во время царя своего Беребиста Храброго, обитали также в странах, составлявших Дакию. Со времени Траяна, обратившего землю сию в область Римскую, имя дакиан взяло перевес над именем гетов, о коих после сего уже нигде не упоминается. Некоторые писатели по ошибке смешивают гетов с готами, народом германского происхождения. *Бастарны*, народ германский, обитали от истоков Вислы, вдоль Карпатского хребта, до устья Дуная. Часть этого хребта от имени их получила название Бастарнских Альпов.

337

Кимврийский Херсонес, – ныне Ютландский полуостров, названный у Плиния Картрисом.

Об этом баснословном народе упоминает еще Гомер, говоря, что ему угрожали гибелью журавли. По свидетельству Плиния, города и домы их выстроены были из яичной скорлупы, а Филострат рассказывает, что они хлеб свой с полей срубливали топорами. Огромная рать пигмеев, по уверению того же писателя, напала на Геркулеса после битвы его с Антеем и стала осаждать спящего героя, как бы некий укрепленный город. Геркулес проснулся, рассмеялся над усилиями маленьких врагов своих и, завернув всех их в львиную свою кожу, отнес к Эвристею.

339

Северная Двина происходит из соединения рек Юга и Сухоны. Впрочем, уже во время Герберштейна город Устюг Великий находился на Сухоне, в расстоянии полумили от устья Юга. Вот что о положении его сказано в Древней Российской Идрографии, на стр. 211: «ниже града Устюга Великого река Сухона да река Юг сошлись вместе, и те обе реки текли с тех мест, и до моря потекла Двина река» и на стр. 320: «а ниже Устюга Великого версты с три пала в Сухону река Юг, и пр.».

340

Золотым Херсонесом называли древние нынешний Малакский полуостров в Восточной Индии.

341

Тотила, царь Остроготский, взошел па престол в 544 году по Р. Х. Покорив в короткое время мужеством, великодушием и кротостию почти всю Италию, он в 546 году овладел и самим Римом, наводившимся тогда под защитою византийских наемников, и, конечно, в конец разорил бы его, если бы знаменитый Велисарий не подоспел к нему на помощь. Склоненный просьбами и убеждениями римского вождя, Тотила вышел из города, взяв с собою всех сенаторов: но в отсутствие его Велисарий успел снова привести стены городские в оборонительное положение и сделать нужные приготовления к своей защите. Тотила, узнав о сем, поспешил к Риму в надежде опять взять его; но усилия его остались тщетными. Отступив с значительным уроном в Апулию, он разбил там отряд римского войска и с новыми силами явился под стенами всемирной столицы. На сей раз удалось ему овладеть городом чрез измену стражи, и, вступив в него победителем, он стал требовать от Юстиниана уступки всей Италии. Император не принял послов Остроготских, и раздраженный Тотила, снарядив огромный флот, овладел Региумом и Тарентом и, переплыв в Сицилию, покорил ее своему оружию, равно как Сардинию и Корсику. Торжество его не было, однако, продолжительно. Подоспевший на помощь к итальянским берегам флот римский рассеял готские суда и отнял у них Сицилию, а между тем с сухого пути приближалась к Риму многочисленная рать Юстинианова, предводительствуемая храбрым Нарсесом, преемником Велисария (532 г.) Тотила поспешил навстречу врагам, напал на них в месте, называемом Busta Gallorum; но был разбит на голову и принужден искать спасения в бегстве. Настигнутый в пути военачальником гепидов, по имени Асбадом, который не узнал его, он был поражен ударом копья и кончил жизнь с мечом в руках. С ним вместе пала слава Готского царства, окончательно разрушенного при его преемнике. История сохранила нам самые выгодные понятия о характере Тотилы. Он был столько же мужествен, как великодушен и кроток.

Скандинавия, нынешняя Швеция и Норвегия, по мнению древних, не принадлежала к материку, но составляла отдельный, плодоносный остров. Первый упоминает о ней Помпоний Мела в 3-й книге сочинения своего de situ orbis, а Плиний говорит, что на северо-запад в Скандинавии проходили Севские, ныне Киэленские горы, отделявшие землю Неригон (Норвегию) от остальной части Скандинавии.

Об участии славянских племен в походах готов и гуннов противу Римской империи впервые упоминает известный готский историк Иорнанд. Когда готы в третьем веке до Р. Х. двинулись из жилищ своих на Балтийском море к берегам Дуная, славяне должны были покориться победоносному оружию северных пришельцев и вместе с ними делить опасности и славу их воинских подвигов. Впоследствии они, подобно всем прочим народам, подпали под иго гуннов, а в полчищах Аттилы явились на запад Европы для опустошения владений римских. Испытав, как говорит Карамзин, под начальством сих завоевателей храбрость свою и приятность добычи в богатых областях империи, славяне охотно последовали за мужественным Феодориком в Италию и до самого падения царства Остроготов не преставали сражаться в рядах сих храбрых врагов всемирной империи. Трудно понять, откуда Димитрий почерпнул сведения свои об участии наших предков в походах противу Рима, ибо ни один из летописцев русских не упоминает о сем.

В этом трудно согласиться с автором. Имя московитян дано было русским западными писателями уже в то время, когда город Москва составляла столицу Московского княжества. Прежде же сего она была небольшим городком княжества Владимирского.

344

Об Аристотеле Болонском смотри сочинение А. Контарини.

345

Сурцикум – без сомнения, Васильгород, или Василев, о положении коего в Древней Российской Идрографии на стр. 150 сказано: «а ниже Новаграда Нижняго на Волге, на нагорной стороне, сто тридцать верст Васильград, а под градом под Василем с вышния стороны пала в Волгу река Сура». В Степенной же книге (ч. II. стр. 202) о построении его сказано следующее: «И убо слышав великий князь Василий, яко Казанский царь Саин Гирей много крови христианския проливает и посланника его Василия Юрьевича Поджегина уби, и сжали си о сих, сам поиде с братиею своею в Нижний Новград, оттуду же царя Шиг-Алея к Казани посла, с ним же посла воевод своих по суху. Они же шедше на усть реки Суры, поставиша град Василь, и улусы Казанския повоеваша, и со многим пленом здрави приидоша к великому князю».

346

Софийский собор в Новгороде построен в княжение Ярославово. Вот что сказано о сем в 1-м томе Софийского временника на стр. 155: «В лето 1045 заложи Володимир Ярославич церковь святую Софию Новегороде» и ниже: «В лето 1050 священена бысть святая София в Новегороде, на Въздвижение Честного Креста, повелением великого князя Ярослава».

347

Россияне до крещения их в 988 году великим князем Владимиром, действительно, поклонялись языческим богам, но не Юпитеру, Марсу и Сатурну, как утверждает автор. Они имели свою особенную мифологию.

В древней апостольской церкви, равно как и на Никейском соборе, не было вопроса об исхождении третьего лица Св. Троицы. Вопрос этот возник в первый раз в 581 году на Константинопольском соборе, который, признав правильным Символ веры, составленный на основании евангельского учения собором Никейским, присовокупил к нему и учение о Св. Духе для опровержения ложного мнения Константинопольского патриарха Македония, не признававшего божественности Св. Духа. Учение это, выраженное словами: «и в Духа Святого Господа животворящего, иже от Отца исходящего» основано на следующем изречении Евангельском: «Егда же приидет утешитель, его же аз послю вам от Отца, Дух истины, иже от Отца исходит, той свидетельствует о мне». (Иоанн XV. 26). Несмотря на ясность этого выражения, западное духовенство через 18 лет после первого Константинопольского собора, а именно в 399 году, на соборе Толедском, созванном противу прискилиан и состоявшем из 19 епископов, неизвестно почему к учению Символа об исхождении Св. Духа от Отца прибавило: *и Сына*. Об этом нововведении восточное духовенство узнало не ранее, как в правление Карла Великого, который, по свидетельству дееписателей, сам был ревностным поборником такового изменения и даже для утверждения оного созвал особенный собор в Аквисгране (Ado. Arch. Vien. Chron, ad an. 809). Собор этот не мог, однако, решить предложенного ему вопроса и после продолжительных прений положил отправить посольство к папе Льву III для испрошения согласия его на включение в Символ веры вышеозначенного прибавления. Посольство это, состоявшее из двух епископов – Берегарда и Иессея и духовного сановника Аввы Адельгарда, – не имело, однако, желанного успеха; ибо Лев III не только не согласился на изменение Символа, но даже, для предостережения потомства, повелел вырезать его в первоначальном виде на двух серебряных досках и поставить в храме св. Петра со следующею надписью: Haec Leo posui amore et cautela orthodoxae Religions, т. е. Я, Лев, поставил сие из любви к православной вере и для ее охранения. Впрочем, не один он показал себя в это время на Западе противником нововведения. Православие нашло еще и других, столь же ревностных защитников в знаменитом Алкуине, друге и соратнике Карла Великого, и в Аквилейском патриархе Павлине. Вот как первый из них объясняется о изменении Символа веры в послании своем к Лионским братиям: «Любезнейшие братия! Всеми силами вашими

блюдитесь нового учения испанского, в веровании следуйте по стопам св. отцев и пребывайте в святейшем соединении с церковию; ибо написано: не преступай преданий отцев и к Символу католической церкви не прибавляй ничего нового; не следуй преданиям, досель неслыханным, а шествуй по гладкой стезе учения апостольского, дабы чрез изгибы какой-либо новизны не совратиться с пути истинного» (Op. Alc. Paris. 1617. num. 69). Этого краткого исторического известия достаточно, кажется, для доказательства, что церковь Греческая неизменно содержит тот Символ веры, который постановлен был святыми отцами на Никейском соборе и подтвержден на Константинопольском, и что Западная церковь произвольным изменением его отступила от догматов, предписанных ей первыми ее учредителями.

Таинство Евхаристии, как в Греческой, так и в Российской церкви, совершается в том самом виде, как совершено оно было Спасителем на Тайной Вечери. В этом удостоверяют нас свидетельства Евангелистов Матфея (Гл. XXVI), Марка (Гл. XIV), и Луки (Гл. XXII), и святого апостола Павла (1 Корин. XI), которые, говоря о Тайной Вечери, выражаются просто: *Приими хлеб* и пр.; без прибавления, что этот хлеб был пресный, что бы они, конечно, не преминули объяснить; ибо во всех местах Св. Писания, где только говорится о хлебе опресночном, следует таковое пояснение. «Да возмеши же тельца единого от говяд, и овна два непорочна, и хлебы пресны.» (Исх. XXIX. 1: 2). «И простре ангел Господен конец жезла, иже в руце его, и прикоснеся мясом и хлебом пресным». (Кн. Суд. VI, 21). «Не вхождаху жрецы высоких ко олтарю Господню в Иерусалиме, но токмо ядяху опресноки посреди братии своя» (4. Кн. Царств XXIII. 9). На замечание тех, которые стали бы утверждать, что на Вечери Господней не могло быть иного хлеба, кроме опресночного, ибо законом Моисеевым возбранялось в течение всех семи дней Пасхи употребление квасного хлеба («Да не снеси в ню квасного: седьм дней да яси в ню опресноки, хлеб озлобления, яко тщанием изыдосте из Египта, да поминаете день исхода вашего от земли египетския все дни жития вашего. Да не явится тебе квасно во всех пределех твоих седьм дней» и пр. Второзак. XVI. 3, 4), достаточно возразить, что Пасха новозаветная совершена была Спасителем целыми сутками ранее Пасхи иудейской, и потому весьма легко мог Он совершить ее на хлебе квасном. Если же нам заметят, что день, в который совершена была новозаветная Пасха, назван у евангелистов Матфея и Марка первым днем опресночным, то на таковое замечание ответим мы следующими словами Иоанна Златоуста: «В первый опресноков, бывший прежде опресноков, день, рече. Обыкоша бо от вечера всегда числити день, и поминает день той, его же в вечер Пасха имеяше жретися. В пятый бо субботы преступиша. И день сей прежде опресноков, нарицает Матвей время, в неже приступиша; Лука же тако глаголет: прииде же день опресноков, в оньже подобно бе время жрети Пасху. Сим речением, прииде, сие назнаменуя, близ бе, при дверех бе оный, сиесть помина вечер. (Беседа на Еванг. Матф. Москва. 1781. лист 537 па обороте)». Впрочем, и самые последователи западной Церкви не всегда употребляли опресноки при священнодействии. Более восьми веков совершали они Таинство Евхаристии на хлебе квасном. В этом удостоверяет нас свидетельство кардинала Боны,

который в 1-й книге своей «О =литургии» (Гл. XXIII) пишет следующее: «Больше осьмисот лет в Западной церкви употребляем был хлеб квасный, но в конце; девятого века введены опресноки. Так как в непраздничные дни причащался один священник, и народ в некоторых местах или не приносил хлеба, или приносил не способный к священнодействию, то приуготовление хлеба и предоставлено было священнику к клиру. Поелику же опресноки делать удобнее, то и начали употреблять их вместо квасного хлеба, что и принято было впоследствии всеми римскими церквами». Платина в жизнеописании пап (Historia B. Platinae de vilis Pontificum Romanorum. Colon. Agrip. M. DCXI. p. 17) приписывает введение опресноков папе Александру I-му, преемнику папы Евариста; но показание его не подтверждено никакими достоверными свидетельствами.

Для опровержения мнения П. Иовия стоит только раскрыть известную книгу – «Православное исповедание веры», составленную Киевским митрополитом Петром Могилою, исправленную на соборе, бывшем в Молдавии, и одобренную всеми четырьмя Восточными патриархами. Вот что сказано в 1-й части ея на 65-й вопрос: что надобно думать о милостынях и благотворениях, которые делаются в пользу умерших: «Умирающие грешники непременно ввергаются в геенну, но сие состоит во власти Божией, так что Бог может и простить их, т. е. за приношения и подаяния, делаемые в пользу умерших. Они не мало полезны и в тяжких грехах умершим… Посему не престанем стараться милостынями и молитвами нашими умилостивлять Того, который имеет власть ввергнуть; но не пременяемо употребляет власть свою, а может даровать и прощение». В той же части на вопрос 66-й: что мы должны думать об огне чистилищном? – сказано в ответ: «Нигде в Писании не упоминается о нем, т. е. чтобы было временное какое наказание, очищающее души по смерти. За сие особенно мнение Церковь и осудила Оригена на втором Константинопольском соборе. Притом очевидно, что по смерти душа не может принять ни одного таинства церковного. Если бы она могла что-нибудь сделать в удовлетворение за грехи свои, то могла бы иметь часть и в Таинстве Покаяния. Но поелику сие противно православному учению, то Церковь правильно поступает, что приносит за умерших Бескровную Жертву и воссылает к Богу молитвы об отпущении грехов их. Сами же они не терпят никакого наказания, посредством которого бы очищались. Что касается до басен тех людей, которые говорят, что души, отшедшие от мира без раскаяния, наказываются на рожнах, в болотах и озерах, – Церковь никогда не принимала оных». После этого свидетельства нам остается только заметить, что и сама Западная церковь до времени Тридентского собора (1347–1565) не признавала учения о чистилище в числе догматов своей веры.

Тут должна быть ошибка, ибо по уставу Греческой церкви, мясоядение равно воспрещается как по средам, так и по пятницам.

352

Вигилями называются в Западной церкви кануны больших праздников.

353

Праздник Трех волхвов торжествуется Западною церковью в день Богоявления Господня, т. е. 6-го января.

354

Великий князь Василий Иоаннович родился 25-го марта 1478 года, а вступил на престол 27-го октября 1505 года, следовательно, ему было тогда 27 лет, а не 19, как утверждает автор.

355

В подлиннике сказано: «Coeterae vero, quae de formae pudicitiaeque et morum dignitate contenderant, saepe eodem die in gratiam Principum, proceribus atque militibus nubunt.»

В княжение Василия россияне вовсе не вели войны с Ливонским орденом. Война эта началась и кончилась при отце Василия, Иоанне III. Вот что было поводом к оной. В 1494 году в Ревеле сожгли всенародно одного русского подданного, уличенного якобы в гнусном преступлении; причем некоторые легкомысленные граждане объявили, что они охотно бы сожгли и великого князя, если бы он сделал у них то же. Слова эти, доведенные до сведения Иоанна, и частые притеснения, чинимые купцам Новгородским от жителей Ревеля, до такой степени раздражали великого князя, что он немедленно потребовал, дабы Ливонское правительство выдало ему магистрат Ревельский. Получив отказ, он повелел схватить всех ганзейских купцов, бывших тогда в Новгороде, отнять у них товары и имущество и заключить их самих в оковы. Тщетно послы великого магистра семидесяти ганзейских городов и короля Польского молили Иоанна об освобождении несчастных узников. Более года томились они в темнице (где многие из них умерли), и хотя были наконец выпущены, но товаров им не возвратили. Этот поступок Иоанна, внушенный ему столько же местию, сколько и политикою, потому что он видел в ганзейских купцах проповедников духа мятежа и неповиновения, возбудил противу великого князя Ливонский орден. Магистр этого ордена, Вальтер фон Платтенберг, муж храбрый и благоразумный, воспользовался предложениями князя Литовского и, заключив с ним в 1501 году тесный союз, открыл враждебные действия противу России тем, что захватил, ограбил и заточил в темницу боле 200 наших купцов, торговавших в Дерпте. Возгорелась жестокая война. В первой битве на Сирице русские потерпели поражение, но потом близ Гельмета разбили воинство Ливонское, ослабленное жестокою повальною болезнию. Этим, однако, не кончилась кровопролитие. Оно продолжалось весь следующий год с равным ожесточением с обеих сторон, и уже не прежде, как в 1503 году, заключено было между магистром и Иоанном перемирие на шесть лет. По прошествии этого срока, в 1509 году, Василий, преемник Иоанна, вследствие особенной просьбы императора Максимилиана, согласился заключить с Ливониею мирный договор на 14 лет и освободить ливонских пленников, а в 1513 году этот договор был возобновлен еще на 10 лет (см. Кар. И. Г. Р. Т. VI. стр. 262, 305 и 322 и Т. VII. стр. 25 и 119).